

Андреа ГРАЦИОЗИ

БОЛЬШЕВИКИ

И

КРЕСТЬЯНЕ

на Украине, 1918–1919 годы

СЕРИЯ
«ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ»

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

СЕРИЯ “ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ В РОССИИ”

АНДРЕА ГРАЦИОЗИ

**БОЛЬШЕВИКИ И КРЕСТЬЯНЕ
НА УКРАИНЕ, 1918–1919 ГОДЫ**

**ОЧЕРК О БОЛЬШЕВИЗМАХ,
НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМАХ
И КРЕСТЬЯНСКИХ ДВИЖЕНИЯХ**

МОСКВА
«АИРО – ХХ»
1997

УДК [947+957]
ББК 63.3(2)612
Г 27

КНИГА ИЗДАНА БЛАГОДАРЯ ПОДДЕРЖКЕ
ISTITUTO ITALIANO PER GLI STUDI FILOSOFICI, NAPOLI

Международный совет издательских программ АИРО-XX

Г. А. Бордюгов	главный редактор
А. И. Ушаков	исполнительный директор
Д. А. Аманжолова	“Исторический архив”
К. Аймермахер	Рурский университет
Д. Байрау	Тюбингенский университет
Б. Бонвеч	Рурский университет
В. П. Булдаков	Институт российской истории РАН
Р. Бургер	Инсбрукский университет
Х. Вада	Токийский университет
А. Ю. Ватлин	Институт демократии и прав человека
Л. С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациози	Университет Неаполя
Р. У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е. Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Козн	Принстонский университет
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
О. В. Хлевнюк	“Свободная мысль”
Я. Хоулетт	Кембриджский университет

Грациози А.

Большевики и крестьяне на Украине, 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М.: «АИРО – XX», 1997. – 200 с.

В монографии известного итальянского историка анализируется первая (украинская) фаза войны между **крестьянами** и различными государственными образованиями на территории **бывшей** Российской империи (1917–1933). Случай Украины, к которому обращается автор, важен для понимания двух феноменов XX века: проблема “этнической чистки” и проблема национал-социализма в его различных вариантах.

Книга рассчитана на преподавателей, научных сотрудников и аспирантов, занимающихся историей.

Г 0503020000-002
4621(03)-97

Без объявл.

ББК 63.3(2)612

ISBN 5-88735-037-7

© Грациози А., 1997.
© «АИРО-XX», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	7
ПРОЛОГ	
Города.....	17
Украинские деревни.....	27
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, 1918	
Глава 1. От русско-украинской войны к интервенции империй австро-германского блока.....	39
Глава 2. Режим Скоропадского и украинское партизанское движение.....	59
Глава 3. Политика большевиков.....	76
ЧАСТЬ ВТОРАЯ, 1919	
Глава 1. Еще одна легкая победа.....	95
Глава 2. Кризис “недоразумения”.....	106
Глава 3. Земельный вопрос.....	127
Глава 4. Большое восстание.....	135
Глава 5. Идеология восстания.....	157
ЭПИЛОГ	
Поражение большевиков и его последствия.....	169
НЕКОТОРЫЕ ИТоговые замечания.....	178
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	192

ВВЕДЕНИЕ

Конфликты между украинскими крестьянами и различными государственными образованиями, пытавшимися утвердиться на Украине между 1917 и 1920 годами, являются частью общего противостояния крестьянства бывшей Российской империи сначала царскому государству, а затем – советскому (1). Само же это противостояние было составной частью событий, которые можно определить как Европейскую Сорокалетнюю войну XX века (1917–1956 годы) (2). Кроме того, первая украинская фаза этой войны (1917–1922 годы) предвляла (и вскоре мы увидим, по какой причине) развертывание одного из центральных конфликтов XX века между старыми державами и “национально-освободительным движением”, попытками создания новых государств в различных частях нашей планеты.

Несмотря на очевидную научную актуальность, историки, занимающиеся исследованием нашего века, не уделили украинской “гражданской войне” заслуженного внимания. Причина этого отчасти заключается в том, что украинская история, гораздо в большей степени, чем история других стран, представляет собой достаточно сложную мозаику, причем каждая из составляющих её частей – разнообразные национальности, географические регионы и т. д., – обладает своей историей, часто представляющей значительный интерес. И хотя большая часть элементов в этой мозаике уже исследована и описана, ещё и сегодня непросто связать их воедино.

Наиболее пристальное внимание историков до сих пор привлекали к себе попытка Украины создать национальное государство, а также, хотя и в меньшей степени, махновщина. В бывшем СССР были опубликованы многочисленные работы, посвященные опыту большевиков. На эту же тему появилось

по крайней мере одно значительное исследование и в США (3). В отношении трагического опыта еврейских погромов историки вынуждены большей частью опираться на современные им или ненамного более поздние исследования и свидетельства. Эти документы часто несут на себе отпечаток эмоций, вызванных столь драматическими событиями (4). Что касается других проблем, то многие из них хорошо документированы. И, наконец, в последнее время были опубликованы новые материалы о событиях, тесно связанных с украинскими, в частности, о военной оппозиции на VIII съезде партии, конфликтах между Лениным и Троцким в июле 1919 года и дискуссии 1922 года по поводу создания СССР (5).

Я постараюсь, по мере возможности, минуя некоторые из частных вопросов, сконцентрировать внимание на общей исторической картине, поскольку, как кажется, за её внешней хаотичностью, часто отмечающейся исследователями, скрывается заметная *упорядоченность*. В частности, остановлюсь на том, что является, по моему мнению, одним из наиболее существенных моментов этой упорядоченности: речь идет о взаимоотношениях между группой “украинских” большевиков (кавычки здесь необходимы, учитывая, что в большинстве своём они были русскими или евреями) и тем, что можно определить как украинское крестьянское национально-освободительное движение 1918–1919 годов (6). Как уже отмечалось выше, исследование этих взаимоотношений, кроме своей существенной ценности для украинской истории, способно пролить свет на различные аспекты истории нашего столетия.

Первый из них – “русская гражданская война”, термин, которым мы, по всей видимости, будем продолжать пользоваться из соображений удобства, имея в виду, что с научной точки зрения такое определение не вполне корректно (7). Второй аспект – влияние украинских событий 1918–1919 годов на дальнейший ход советской истории. Значение этого влияния, как кажется, пока недооценено, хотя именно оно способствовало появлению сталинской группы с её идеологией, а также возобновлению конфликта между государством и крестьянами в 1928–1929 годах, вызванного коллективизацией, непосредственно вытекавшей из политики, применявшейся на Украине в 1919 году, и завершившейся, как известно, великим голодом, эпицентром которого стала именно Украина. Третий аспект касается одного из центральных узлов в истории восточной Европы (8) и, в более

общем смысле, всех многоязычных территорий. Следует задуматься об осложнениях, возникающих в отношениях между относительно “современным” меньшинством населения города и большинством окружающих “отсталых” деревень, которые проявляются, когда к различиям в культуре и развитии прибавляются этнические противоречия (9). Украина 1918–1919 годов даёт нам на этом ограниченном временном промежутке чрезвычайное разнообразие случаев подобных отношений, касающихся национальных меньшинств.

Речь идет, например, о связанном с сильной иностранной имперской властью русском (а также, хотя и в меньшей степени и с иными путями развития, немецком) населении; о еврейском меньшинстве, лишённом такой поддержки и частично вовлечённом в отдалённую и трудную попытку создания национального государства; о поляках, являющихся участниками процесса возрождения государственности, параллельного с украинским, но проходящего, в отличие от него, при более благоприятных обстоятельствах.

И, наконец, четвёртый аспект, на который проливает свет украинская история, – это, в более широком смысле, история XX века, поскольку большая часть нашего столетия была отмечена движениями за национальное и социальное освобождение на основе крестьянства, одним из великих предвестников которых явилось украинское движение.

Случай Украины в этой связи интересен также для тех, кто желает исследовать два других важных феномена, охарактеризовавших XX век: проблем “этнической чистки” и проблем национал-социализма в его различных вариантах (10).

Что касается первой проблемы, всегда сопутствовавшей созданию или попыткам создания новых государств в определённых условиях (вспомним изгнание евреев и морискос из Испании в эпоху начала новой истории), то украинский опыт должен быть включён в более общий процесс, ускоренный в восточной Европе в начале XIX века греческой войной за независимость (11). Речь идёт о прогрессивном и подчас жестоком и зверском изгнании или уничтожении населения другой национальности (и её религии) на территориях, оспариваемых местным большинством (или меньшинством, поддерживаемым сильными государствами). Данное изгнание в первую очередь коснулось уже упомянутых инородческих “меньшинств” городских центров, но отнюдь не ограничилось ими.

Начиная с конца XIX века процессы, приведшие к рождению или возрождению необычайного количества новых государств (12), протекали под знаком идеологий, которые мы можем определить как “национал-социалистические”. Они обладали десятками различных вариантов – более или менее крайних, более или менее идеологизированных, более или менее жестких, более или менее добропорядочных. Украинский случай, в частности, являет собой ранний и в некоторых отношениях показательный вариант национал-социализма, порождённого угнетёнными и относительно отсталыми с социально-экономической точки зрения народами, с небольшими национальными элитами, представленными главным образом интеллигенцией. Интерес к этому варианту определяется и его нетипичным, особенно агрессивным и идеологизированным вариантом национал-социализма имперской окраски, принадлежащий исторически господствующему народу и родившийся в России на развалинах старого царского государства (13) (лишь два десятилетия спустя украинцам пришлось иметь дело с другим, ещё более агрессивным и идеологически отталкивающим имперским “национал-социализмом”).

Об источниках книги также необходимо сказать несколько слов, поскольку они обусловили некоторые перекосы, к примеру, чрезмерную сосредоточенность на киевских большевиках и одному из их руководителей – Георгию Леонидовичу Пятакову. Уже многие годы я работаю над его биографией. В 1990–1991 годах, находясь на завершающей стадии моего исследования, я, как и многие другие западные ученые, был затронут последствиями распада Советского Союза, в частности, известием об открытии доступа к ранее недоступным документам из бывших советских архивов. Последнее обстоятельство поставило меня перед непростым выбором: публиковать ли уже сделанное, либо подготовиться к новому периоду исследований непредсказуемой длительности? Несколько месяцев размышлений убедили меня в том, что речь шла о лёгком выборе, или, лучше сказать, выбора в принципе и не было. Единственным выходом было воспользоваться возможностью, предоставленной мне столь неожиданным во многих отношениях случаем. Таким образом, подготовив очерк, резюмирующий результаты моих исследований (14), я решил оставить в стороне уже написанное и в некотором смысле начать всё сначала. По прошествии четырёх лет я не могу не высказать своего удовлетворения по поводу данного выбора,

позволившего мне принять участие в одном из наиболее невероятных приключений, которое может вообразить историк, сотрудничать с многочисленными новыми коллегами и найти среди них много хороших друзей.

Однако, с другой стороны, количество традиционных и архивных источников, собранных в процессе более чем десятилетней работы, начало порождать достаточно сложные проблемы, связанные с использованием собранной о Пятакове информации и с размышлениями о ней (15). Данное обстоятельство обуславливается также и тем, что различные периоды жизни Пятакова имеют отношение к ряду больших вопросов, которые, будучи с одной стороны глубоко связанными друг с другом, с другой, – именно по причине своей сложности, требуют, по крайней мере, отдельной аналитической обработки (я имею в виду, в частности, два “конструктивных” процесса, в которые был вовлечён Пятаков: создание нового многонационального государственного образования на русской основе вопреки устремлениям наций, а также того, что сам он называл “первой системой государственной промышленности в истории”).

Сначала я хотел разрешать эти проблемы “усвоения”, исследуя по отдельности и не обязательно в хронологической последовательности наиболее значительные темы и периоды, связанные с жизнью Пятакова. Это привело бы, как я думал, к увеличению количества статей, предшествующих выходу окончательного продукта. В целом, таким образом, я считал возможным продолжать путь, по которому обычно следуют представители моей профессии, и по которому шёл я сам до 1991–1992 годов. Разницу между тем, что я делал раньше и что я попытался сделать затем, можно увидеть, сопоставив два очерка, опубликованных с перерывом в несколько лет: первый – о деятельности Пятакова в области управления государственной промышленностью в период НЭПа и второй – о его опыте на Донбассе в 1921 году (16).

Однако я недооценил трудности, возникшие уже при создании последней работы. Когда я попытался исследовать украинские события, связанные с биографией Пятакова, который в 1917 году был одним из большевистских руководителей в Киеве, а затем, в 1918–1919 годах – главой одного из большевистских правительств и два срока – секретарём новорожденной коммунистической партии Украины, я понял, что приступил к делу чрезвычайно сложному. Было весьма непросто подчинить

себе научный интерес периода и собранный материал. Таким образом, я вынужден был “сдаться” перед пониманием того, что данный предмет было невозможно исследовать в рамках очерка. Положение вещей было таковым, что невзирая на то обстоятельство, что речь шла об одном из периодов, представленного обильным и разнообразным материалом, который имелся в моем распоряжении ещё до 1991 года, я решил использовать архивы бывшего СССР скорее в качестве инструмента для проверки уже написанного, чем в качестве источника для полной переделки работы (напротив, именно таким был мой изначальный подход к исследованию истории первой Трудовой Армии на Урале в 1920, Донбассе – в 1921 и деятельности Пятакова в тридцатые годы).

Вот по какой причине вместо того, чтобы обратиться в журналы, и так слишком терпеливых к публикации “очерка”, намного превосходившего чрезмерные объёмы работ своих предшественников, я в конечном итоге написал небольшую книгу, при чтении которой необходимо, тем не менее, иметь в виду, что речь идёт о части более широкого проекта. Это помогает понять и отмеченную выше ограниченность и неточности, обусловленные самой природой работы.

К публикации этих страниц непосредственно в Москве меня побудили два вида соображений. Первый, более личного характера, был обусловлен желанием принять участие в дискуссии, имеющей место в настоящее время между молодыми и менее молодыми русскими историками и архивистами, среди которых я нашёл за это время многочисленных друзей, столь любезно помогавших мне во многих случаях. Предложение Геннадия Бордюгова опубликовать что-нибудь в руководимых им замечательных сериях позволяет мне сегодня исполнить моё желание.

Второе соображение, безусловно, более важное, но его не столь легко воплотить в жизнь. Как уже отчётливо осознал Марк Блок, история любой страны не может изучаться исключительно как национальная история без риска серьёзных анахронизмов и непоправимых искажений в её воссоздании (17). Данное правило, которого, к сожалению, не все и не всегда придерживаются, приобретает в случае с Россией – страной, являвшейся империей в течение многих веков, особую ценность. Это верно как в отношении исторических событий, предшествовавших 1917 году, когда польские восстания часто определяли тип решений, принимаемых в Петербурге, так и в отношении совет-

ского периода. Это верно, хотя, возможно, в меньшей степени, и сегодня, о чём свидетельствует влияние войны в Чечне и её последствия на политические события в России. В частности, отношения между Россией и Украиной играли решающую роль во все критические моменты истории нашего века, от гражданской войны до распада СССР, естественно, через трагедии тридцатых годов. Задача историков заключается в том, чтобы представить национальному сознанию двух стран возможно более правдивый образ их общего прошлого и взаимосвязей. Безусловно, к этому побуждает научный интерес, который представляет данное прошлое: как я уже указывал, без принятия во внимание этих взаимосвязей советская история, и, следовательно, история нашего столетия, часто оказывались бы непонятными. Но это необходимо также для того, чтобы, насколько позволяют усилия историков, данное прошлое было “понято” и, если возможно, не повторялось бы.

Список людей, библиотек и архивов, оказавших мне помощь, чрезвычайно длинен и он будет полностью представлен в будущей книге о Пятакове. Ограничусь здесь упоминанием друзей, внесших наибольший вклад в создание этой книги, читая и критикуя её первые варианты, щедро обогащая её важными материалами и, в буквальном смысле, сделав возможным её написание: Владимир Берелович, Геннадий Бордюгов, Марко Буттино, Олег Хлевнюк, Михаэл Конфино, Гвидо Францинетти, Александр Квашонкин, Оксана Пахловска, Лариса Роговая, Антонелла Саломони, Антонелло Вентури, Николас Верт и Марина Мискарян, мой переводчик.

Длинен также и список учреждений, неоднократно финансировавших и поддерживавших мои исследования. Он включает в себя *Università di Napoli “Federico II”, Ministero dell’ Università e della Ricerca Scientifica, Comitato per le Scienze Economiche, Sociologiche e Statistiche del Consiglio Nazionale delle Ricercgche u Istituto Italiano per gli Studi Filosofici в Италии; la Maison des Sciences de l’Homme, Centre d’études du monde russe, soviétique et post-soviétique в Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales u Ministère de la Recherche во Франции; Kennan Institute for Advanced Russian Studies u Harvard Ukrainian Research Institute в США u Институтым государственного управления и социальных исследований в Московском государственном университете.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: В.П. Данилов, *Аграрные реформы и аграрная революция в России*, в Т. Шанин, сост., *Великий незнакомец (Москва, 1992)*: 3103-21; вступление того же Данилова к его интересному сборнику *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-21 годах. "Антоновщина". Документы и материалы* (Тамбов, 1994) и мою работу *The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917-1933* (Cambridge, Mass; 1997) относительно двух интерпретаций различных сторон этого конфликта. В моём очерке в общем виде присутствуют некоторые заключения, сделанные в этой книге.

2. Я предпочёл эти даты более очевидным 1914-1945, поскольку, как показал в своё время Elie Halévy в своей прекрасной работе *Une interprétation de la crise mondiale, 1914-1918* (1929), и, недавно в E. Halévy, *L'ère des tyrannies* (Paris, 1990), первая мировая война началась на востоке и была ускорена развалом Османской империи, возведённым балканскими войнами. А также по той причине, что, как мне кажется, в центральной и восточной Европе поворотной датой, которая обозначила переход от более или менее открытых конфликтов к относительно стабильной ситуации, был скорее 1956 год, чем 1945.

3. J.-P. Himka в "The National and the Social in the Ukrainian Revolution of 1917-1920", *Archiv für Sozialgeschichte*, 34 (1994): 95-110, недавно указал, умным, хотя и схематичным образом на ограниченность традиционной интерпретации. Резюме богатейшей украинской литературы содержится в книге O. Subtelny, *Ukraine. A History* (Toronto, 1988). В.Н. Волковинский, *Махно и его крах* (Москва, 1991) и В.Ф. Верстюк, *Махновщина: Сельское повстанческое движение на Украине, 1918-1921* (Киев, 1991), которые являются наиболее современными работами о Махно. Его история с точки зрения анархизма рассказывается в книге: П. Аршинов, *История махновского движения* (Берлин, 1923), которую я буду цитировать в итальянском издании, *Storia del movimento machnovista* (Napoli, 1954), и в книге Voline (V.M. Eichenbaum), *La révolution inconnue* (Paris, 1969): 508-690. Лучшие западные работы на эту тему, которые я пытаюсь использовать, это: А.Е. Adams, *Bolsheviks in the Ukraine. The Second Campaign, 1918-1919* (New Haven, 1963) и там же *The Great Ukrainian Jacquerie*, в Т. Hunczak, ed., *The Ukraine, 191-21. A Study in Revolution* (Cambridge, Ma., 1977): 247-70. Среди исследований, появившихся в СССР, следует упомянуть: Н.И. Супруненко, *Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918-20)*, (Москва, 1967) и Ю.И. Терещенко, *Великий Октябрь и становление социалистической экономики на Украине, 1917-1920* (Киев, 1986), а также такие сборники документов, как *Гражданская война на Украине*, т. 1-3 (Киев, 1967) или *Киевщина в годы гражданской войны, 1918-1920* (Киев, 1962).

4. См. уравновешенный очерк Н. Abramson "Historiography of the Jews and the Ukrainian Revolution", *Journal of Ukrainian Studies*, 2 (1990): 33-45; G.D. Hundert и G.C. Bacon, *The Jews in Poland and Russia: Bibliographic Essays* (Bloomington, 1984).

5. Увеличивающееся количество доступных документов связано с необычайным расцветом публикаций источников по советской истории. Чрезвычайно важную роль в этом сыграли возродившиеся *Известия ЦК КПСС*. После их закрытия такие сериалы, как *Неизвестная Россия XX века* и журналы – *Исторический архив* или украинский *3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ*, а также

множество других изданий, продолжали публикацию материалов, представляющих огромный интерес. В заключение, сегодня начинают появляться первые тома более честолюбивых тематических работ.

6. Поэтому я не претендую написание истории, хотя она была бы чрезвычайно интересной, этого движения, поскольку это потребовало бы совсем других исследований.

7. Естественно, русская гражданская война имела место. Проблема заключается в использовании этого термина для обозначения совокупности конфликтов, разразившихся на территории бывшей империи. Также и исход “настоящей” русской гражданской войны представляется трудным для понимания, если не учитывать его аспекты не русские и не “гражданские”, т.е. национальные и этнические, а также связанные с проблемой консолидации, хотя и в новых и менее имперских формах, области, уже управляемой Санкт-Петербургом.

8. Вслед за Mises в *Nation, Staat und Wirtschaft* (Wien und Leipzig, 1919), я использую этот термин в смысле многоязычных территорий, включая в него, по крайней мере до 1945 года, и германский мир.

9. Об общей проблеме отношений между городом и деревней различных национальностей в восточной Европе, и об их роли в затруднении возможного демократического развития см.: Mises, *Nation* и I. Bibó, *Miseria dei piccoli stati dell'Europa orientale* (Bologna, 1994).

10. Я попытался обсудить эти два феномена с общей точки зрения в очерке *Alle radici del XX secolo europeo*, являющемся вступлением к итальянскому изданию только что упомянутой книги Mises (*Stato, nazione ed economia* (Torino, 1994)). См., в частности, страницы xciv-cxi. О “слиянии социальной и национальной политики”, как и о “необходимом условии для успеха революции”, говорил также E. Gellner в *An Alternative Vision* в *Encounters with Nationalism* (Oxford, 1994): 196-98. Естественно, данное слияние приобретает совсем иную окраску, если оно имеет место в исторически подчинённых или господствующих странах.

11. A. Pitassio (a cura di), *Nazioni e nazionalismi nell'Europa sudorientale*, специальный номер *Europa/Europe*, 1 (1995) и, в особенности, очерки того же Pitassio, *Nazione, nazionalismo e nazionalismi balcanici*, и M. Dogo, *La guerra dei centosessant'anni, ovvero lo sfratto dei mussulmani dai balcani*.

12. В противоположность тому, что иногда утверждается, великая эпоха современной государственности совпала в действительности с нашим веком, а не с предшествующим, в котором зародилось это явление.

13. Уже в 1919-1929 годах В.К. Винниченко говорил о русском “национал-коммунизме” (например, в своём *Відродження нації, частина III* (Vienna, 1920): 224 *passim*). Об особом характере русского “национал-социализма”, который никогда не смог стать им в действительности по причине своего вовлечения в попытку частичного и своеобразного восстановления империи, которая требовала присутствия и использования идеологии с сильными наднациональными чертами, я буду говорить во второй и третьей главе первой части.

14. A. Graziosi. “G.L. Piatakov. A Mirror of Soviet History”, *Harvard Ukrainian Studies*, 1-2 (1992): 102-66.

15. Не говоря уже о привлекательных отступлениях, которыми много-

кратно искушало меня открытие документов, не имеющих большого значения для жизни Пятакова, но представлявших большой интерес для советской истории. Иногда мне удавалось воздержаться, иногда нет: см. например А. Graziosi, "Collectivisation, révoltes paysannes et politiques gouvernementales à travers les rapports du GPU d'Ukraine de février-mars 1930", *Cahiers du monde russe*, 3 (1994): 437-631.

16. А. Graziosi, "«Building the first system of state industry in history». Piatakov's VSNKh and the Crisis of the NEP, 1923-26", *Cahiers du monde russe*, 4 (1991): 539 - 580 и "At the Roots of Soviet Industrial Relations and Practices: Piatakov's Donbass in 1921", *ibid.*, 1-2 (1995): 95-138.

17. М. Bloch, *Pour une histoire comparée des sociétés européennes* (1928), в *Mélanges historiques*, tome 1 (Paris, 1983): 16-40.

ПРОЛОГ

ГОРОДА

Существенным обстоятельством, которое необходимо учитывать, является то, что, как говорил Троцкий, украинские города, где в 1917 году проживало 20% населения страны, были по характеру колониальными. Более, чем в предшествующие и последующие десятилетия, эти города были населены русскими, евреями и поляками, которые часто составляли также большинство занятых в современных, “капиталистических” отраслях экономики (1).

Принимая во внимание проблемы, существующие в статистике о национальностях, мы можем опираться только на приблизительные данные. Весьма показательно, однако, что в своей исторической столице, Киеве, украинцы составляли в 1917 году менее 20% населения, около 50% были русские, 18% – евреи и 9% – поляки. К востоку, в направлении Донбасса, процент русских увеличивался, достигая, например, в Харькове, 63% от общего количества жителей. К западу же возрастал процент евреев, который, в особенности в небольших городах, иногда превышал 50% (2). Это создавало плодородную почву для зарождения явления, которое можно определить как “спонтанный” национал-социализм. Уже в 70-х и 80-х годах XIX века один из наиболее влиятельных украинских мыслителей Михаил Драгоманов называл украинцев плебейской нацией (3) эксплуатируемых сельских масс, лишённых национальных элит (4) и, следовательно, готовых к восприятию программы, сочетающей в себе национальный и социальный вопросы.

Через несколько десятилетий данная проблема стала ещё более очевидной по причине индустриализации и урбанизации,

проводимых царским правительством и привлечших в города и на фабрики Украины, и, в особенности Донбасса, новый поток неукраинцев (5). Поэтому, как писал в 1920 году один из бывших крупных руководителей Бунда, на Украине в 1917 году, где подавляющее большинство русских, и, в особенности, евреев, было занято традиционными ремеслами, но где “помещик-русский или поляк, банкир, фабрикант, купец, большей частью еврей”, – люди, не говорившие и не понимавшие “хлопскую мову”, выражение “*геть панов*” могло означать “*геть ляхов, геть москалей, геть жидов*, Украина для украинских крестьян” (6).

В подобной атмосфере действовали “украинские” большевики. Несмотря на резкое их увеличение после февральской революции, летом 1917 года речь шла всё ещё лишь о нескольких тысячах активистах, сконцентрированных большей частью в промышленной области Донбасса – здесь они составляли около 14.000. В Киеве в марте их насчитывалось 200, но в течение нескольких месяцев их количество возросло приблизительно до 5.000. На выборах в Думу и Учредительное собрание голоса, собранные большевиками, колебались между 6% на Киевщине и 18% – на Екатеринославщине, составляя в среднем по Украине 10%. Однако в городах Левобережной Украины их процент был намного выше: например, К. Ворошилов смог взять под контроль Луганск, победив на выборах ещё до октября 1917 года (7).

Эти большевики и, в особенности, киевские интеллигенты в своё время участвовали в размышлениях и дискуссиях, вызванных революцией 1905 года и полемиками 1915–1916 годов о возможности и значении революции в России; о роли, которую должны были играть в этой революции крестьяне (они должны были получить землю лишь в случае “буржуазной” революции, в противном случае земля национализировалась); о проблеме переходного периода и о национальном вопросе “в эпоху империализма”.

Киевляне, руководимые с 1911 года парой Евгения Бош – Георгий Пятаков (первая родилась в семье немецких поселенцев, второй был сыном крупного русского сахаропромышленника (8)), заняли тогда в некоторых отношениях умеренную и правую позицию. Они утверждали, что в такой отсталой стране с царским режимом невозможно было думать о социалистической революции. Одновременно, резко критикуя идею самоопределения наций, они проявили себя экстремистами и догматиками. В 1916 году, на заре века, которому суждено было стать колыбелью

необычайного количества новых более или менее национальных государств, Пятаков и Бош совместно со своим другом Бухариным утверждали, например, что стремиться к созданию новых национальных государств “значит вести борьбу за химеру, за выдумку, за плод воображения”. По их мнению, можно было, в крайнем случае, говорить об областной автономии для пограничных регионов, и было необходимо в любом случае решительно противостоять национально-освободительным движениям, в особенности в странах, где не было пролетариата. Для кого, спрашивал Пятаков в статье, которую Ленин отказался опубликовать, было бы предназначено тогда это самоопределение? Для крестьян? “Конечно, нет” (9).

В 1917 году, возвратившись в Киев и став председателем местного комитета партии, Пятаков продолжал поддерживать тезис о невозможности социалистической революции в России. По этой же причине на седьмой апрельской конференции он фактически присоединился к “правым”. В то же время в июне 1917 года он заявлял Центральной Раде, что Россия не может лишиться украинского угля, сахара и зерна. Тем более, добавлял он, что Украина не имеет даже своих банков, и не в состоянии поэтому независимо существовать в мире, управляемом “финансовым капиталом” (10).

Последнее положение разделяло большинство местных членов партии, ряды которых раскололись после седьмой конференции из-за разногласий по поводу апрельских тезисов Ленина. Разве только сторонники “социалистической” революции, в первых рядах которых теперь находилась Бош, порвавшая с Пятаковым по этой причине, были ещё более суровыми в своей оценке украинского национализма. Поэтому, когда в конце года некоторые руководители осознали, что продолжать называть себя *Российской* социал-демократической рабочей партией на Украине 1917 года было уже невозможно (курсив мой – А.Г.), даже предложение добавить к старой аббревиатуре слова “социал-демократия Украины” встретило резкие возражения (11).

Одновременно в конце 1917 года обострились и без того напряженные отношения между группой киевских большевиков и их более многочисленными товарищами по партии из Екатеринослава, Харькова и Донбасса (12). Последних, среди которых самым авторитетным был, пожалуй, Ф.А. Сергеев (Артём), возглавляла группа, в которую входили К.Е. Ворошилов,

Е.И. Квириг, И.А. Яковлев (Эпштейн), В.И. Межлаук, М.Л. Рухимович и И.И. Шварц (Семён). Следуя примеру одесских большевиков, они даже отказывались, пока это было возможно, признавать вообще существование “украинского вопроса”. Украина, как отмечал Владимир Затонский, была для них выдумкой Грушевского, а в апреле 1918 года в Таганроге Квириг предложил назвать будущую Коммунистическую партию (большевиков) Украины (КП(б)У) Российской Коммунистической партией на Украине. Это тем более необходимо, добавил он тогда же, что “лозунг Советской Украины ничего не говорил” сердцу рабочих Левобережья (следует здесь отметить, что большевики Донбасса любили подчеркивать свое “пролетарское” происхождение и связи. Летом 1918 года Николай Скрыпник с раздражением напоминал им, как также в Екатеринославе рабочие проголосовали за их арест и поддержали платформы меньшевиков и эсеров. В конце того же года и профсоюзы Харькова находились полностью в руках “мелкой буржуазии”) (13).

Целью этой группы было создание на территории Донбасса, включая также Харьков и Екатеринослав, автономной, непосредственно связанной с Москвой зоны. Идея осуществилась в начале 1918 года с основанием Донецко-Криворожской Республики. Попытка провалилась и большевистское руководство Донбасса оказалось лицом к лицу с украинским вопросом, отрицать который не имело уже смысла. Этот факт привел большевиков к идеям Пятакова, слова которого об украинских зерне и угле Квириг должен был повторить почти буквально. Невзирая на острые конфликты, продолжавшие разделять две фракции, этому сближению, как мы увидим, было суждено сыграть большую роль в следующем году (14).

Антиукраинские настроения большевиков разделяло подавляющее большинство русских партий, начиная от правых В.В. Шульгина и кончая левыми меньшевиками и эсерами. Если первые отказывались даже употреблять название “Украина” и провозгласили лозунг “Юго-западный край русский, русский, русский”, то вторые ещё весной 1917 года “не знали и не хотели ничего знать об украинстве и его национальных домогательствах. И каждое напоминание о них воспринималось как грубая бестактность”. Впрочем, вместе со многими руководителями-социалистами название “Юг России” продолжали употреблять и некоторые важные деятели большевистского центра, например, Свердлов, поведение которого в июне 1918 года вызвало

раздражение даже такого недруга украинского национализма, как Махно (15).

В более общем смысле, эти антиукраинские настроения объединяли, в своих различных вариантах – левом и правом, элитном и народном, – большинство городского населения, о характерных чертах которого мы уже говорили (16) (можно провести очевидную параллель с аналогичным положением, например, немцев в Богемии или итальянцев в Истрии и Далмации и т.д.). Это означает, что в стороне от этих настроений не оставалась и еврейская община, или, скорее, её светское руководство, прорусское как по своей культуре, так и из-за страха дальнейшего распада империи, что означало бы и дальнейший распад общины (также и по этой причине еврейские партии в 1917 году были единственными, не пожелавшими создания национальных военизированных отрядов, что с восхищением признавал даже Деникин) (17).

Начиная с осени 1917 года, с первыми мерами по “украинизации”, принятыми Центральной Радой, эти антиукраинские настроения в процессе, совпавшем с быстрым “поправлением” городского общественного мнения, скрытого лишь преобладанием на выборах социалистических партий, стали более радикальными. Случившееся было следствием прибытия в украинские города беженцев с севера, находившегося в руках большевиков, а также целого ряда помещиков, мелких дворян со своими слугами. За ними следовало множество еврейских семей, которые, как писал Моше Рафес, особенно на западе, “в огромном большинстве кормилось вокруг помещичьего землевладения” и ещё хранило воспоминания о больших погромах XVII и XVIII веков (18).

В отличие от северных городов, по крайней мере до 1919 года, многие украинские города пополняли свое население жителями особого типа, становясь тем самым всё более “чуждыми” окружающим деревням. В Киеве, например, количество населения увеличилось с 468.000 человек в 1917 году до 544.000 в 1919, в том числе процент еврейского населения поднялся с 18% до 28%, а процент украинцев, сначала пошел вверх, а затем стал падать и в 1920 году достиг своей низшей точки – 14% (19). Естественно, что в городах с таким составом украинский национализм не мог пустить глубоких корней. И тем не менее, в них был слой населения, который вместе с сельской интеллигенцией встал во главе националистического движения. Речь шла большей

частью о мелкобуржуазной интеллигенции, имевшей сильную заинтересованность, также и с материальной точки зрения, в создании национального украинского государства, поскольку в таком государстве они составили бы элиту. Как свидетельствуют произведения того времени, от книг Павла Христюка до воспоминаний Владимира Винниченко, преобладавшей в её рядах идеологией был социализм. В самом деле, в начале XX века влияние социализма (и марксизма) было столь сильным, что многие группы, настроенные критически по отношению к существовавшим порядкам, называли себя “социалистическими” (20). Например, в случае с Украиной, это делали многие из тех, кто, безусловно, не был социалистом, в частности, партия социалистов-федералистов, и даже такие “протофашистские” группировки, как социалисты-самостийцы (21). Эта интеллигенция давно уже свыклась с идеей соединения национализма и социализма. В течение 1917 года употребление термина “национал-социалист” стало обычным явлением. В конце года, например, представители Центральной Рады объясняли иностранным корреспондентам, что сама Рада состояла “из национальных социалистических партий”. Однако, по крайней мере, в сознании руководящих групп, национал-социализм отнюдь не был направлен против национальных меньшинств, присутствовавших в стране. В частности, он не был антисемитским: ещё в 1918 году, например, Симон Петлюра делился с Рафесом, заключённым вместе с ним в тюрьме режима Скоропадского, своей мечтой “о создании Украина-Иудеи”. Другими словами, Петлюра ещё надеялся на союз с евреями, который разрешил бы проблему слабости украинского национализма в городах и современных отраслях экономики (22).

В 1917 году к мелкобуржуазной интеллигенции примкнула также часть войск, расквартированных в городах, главным образом, пехота, состоящая в большинстве своём из крестьян (технические войска, такие как артиллерия, сапёры и авиация, представители которых были большей частью городского происхождения, больше симпатизировали русским партиям и, в некоторых случаях, большевикам). Однако состоявшая из крестьян пехота, будучи проукраинской, как она продемонстрировала в Киеве уже в июльские дни, была в то же время “большевистской”, т.е. выступала за радикальное разрешение вопросов о мире и земле. Кроме того, как и петроградские полки, она была готова на всё, лишь бы не возвращаться на фронт. Но, как

отмечал Деникин, в отличие от первых, она могла оправдать свой отказ необходимостью предварительной “украинизации” подразделений. Это обстоятельство помогает понять причины влияния социалистов-самостийцев во время июльских событий в Киеве.

В последующие месяцы эта пехота часто голосовала за объединённый украинский список (украинских социал-демократов и эсеров), в полной уверенности, что таким образом она голосует за украинских большевиков. В октябре по собственной инициативе часть пехоты встала на сторону большевиков, что дало право Затонскому говорить о её *национал-большевизме* (23). Противоречия и недоразумения вокруг слова “большевик”, вспыхнувшие в России в 1918 году, а затем год спустя на Украине, проявились очень рано. Дело в том, что в 1917 году большевики были очень популярны потому, что отождествлялись с народной революцией этого года, а не с идеологией партии, носящей то же название.

В подобной ситуации Октябрь приобрёл в украинских городах, в сравнении с русскими, совсем иное значение и имел иные последствия, а для местных большевиков стал источником неприятных сюрпризов. На самом деле в игру было вовлечено не две, а три силы, и после победы над войсками Временного правительства, одержанной также благодаря украинизированным полкам, киевские большевики оказались перед лицом необходимости уступить власть Центральной Раде. Это обстоятельство вызвало глубокое возмущение и стремительную эволюцию в суждениях об украинском национализме, выраженных и умеренной частью большевистского руководства, которая не была уверена в возможности социалистической революции “в России”. Ещё 26 октября, покидая Центральную Раду, Пятаков, вдохновляемый аплодисментами, мог сказать: “Мы выходим из Рады, но знайте, что несмотря на всё это, в тот момент, когда вы будете погибать под ударами российского империализма, мы будем с вами с оружием в руках” (24). Прошло меньше двух месяцев, и киевские большевики, в прямом и переносном смысле окружённые “мелкобуржуазным океаном” делегатов от крестьян на первом Всеукраинском съезде советов в декабре, покинули город в полном убеждении, что украинский национал-социализм является их главным врагом (25).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Также и по этой причине я буду пользоваться русскими названиями украинских городов (Киев, Харьков, Екатеринослав и т.д.), которые были более распространёнными ещё в 1917-1922 гг. Естественно, национальные украинские партии уже пользовались принятыми сегодня украинскими формами, как Київ, Харків, Катеринослав и т. д.

2. В. Krawchenko, "The Social Structure of the Ukraine in 1917", *Harvard Ukrainian Studies*, 1-2 (1990): 97-112; R. Mark, "Social Questions and National Revolution", Там же: 113-31; S.L. Guthier, *Ukrainian Cities*, в *Rethinking Ukrainian History* (Edmonton, 1981): 156-79; M.F. Hamm, *Continuity and Change in Late Imperial Kiev*, в M.F. Hamm, ed., *The City in Late Imperial Russia* (Bloomington, 1986): 92.

3. I.L. Rudnytsky, ed., *Mykhaylo Drahomanov: A Symposium and Selected Writings, Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the USA*, 2 (1952). Как отмечал сам Рудницкий в своей работе "Observations on the Problem of "Historical" and "Non-Historical" Nations", *Harvard Ukrainian Studies*, 3 (1981): 358-68, в примечании, на которое мне указал Гвидо Франдинетти, утверждения Драгоманова не были неизвестны итальянским левым в конце XIX века. Например, в *Rivista internazionale del socialismo*, 4 (1880), появился очерк Драгоманова "La letteratura di una nazione plebea". Концепция пролетарской нации, ставшая знаменитой благодаря Муссолини и на западе обычно приписываемая Коррадини, у которого она была заимствована, например, турецкими националистами, имеет, таким образом, более глубокие корни. Вышеупомянутые эссе Рудницкого, вместе с другими интереснейшими статьями опубликованы на сегодняшний день в: Иван Лисяк-Рудницкий, *Історичні есе*: т. I, II (Київ, 1994).

4. Недавние исследования, как например, работа Н.М. Яковенко, *Українська шляхта з кінця XIV до середини XVII століття, Волинь і центральна Україна* (Київ, 1993), частично изменили данную постановку вопроса, по крайней мере, что касается периода, предшествующего прибытию русских. Но нет сомнений, что полонизация украинского дворянства после Люблинского союза (1569) и руссификация казацких старшин в XVIII в. поставили под сомнение само существование украинской национальной элиты. См.: P. Bushkovitch и I. Vanac, eds., *The Nobility in Russia and Eastern Europe* (New Haven, 1983), где редуцируется проблема элит в Восточной Европе.

5. О незначительном участии украинских крестьян в процессах модернизации в конце столетия см.: Subtelny, *Ukraine*: 271-74; С. Wynn, *Workers, Strikers and Pogroms. The Donbass - Dnepr Bend in Late Imperial Russia* (Princeton, 1992) и Т.Н. Friedgut, *Life and Work in Russia's Donbass, 1896-1924*, тома 1 и 2 (Princeton, 1989 и 1993).

6. М.Г. Рафес, *Два года революции на Украине* (Москва, 1920).

7. *История КПСС*, том (т.) III, часть (ч.) I (Москва, 1967): стр. 404 и далее; В. Манилов, ред., *1917 год на Киевщине* (Киев, 1928): 179; Iu. Bogys, *The Sovietisation of the Ukraine* (Edmonton, 1983): 167; Р.Я. Пиріг, "Діяльність ЦК КП(б)у першого обрання", *Український історичний журнал*, 7 (1988): 41- 54; R. Medvedev, *Tutti gli uomini di Stalin* (Roma, 1985): стр. 14 и далее.

8. Описание необыкновенной семьи Бош содержится в короткой автобиографии её сводной сестры Елены Розмирович, жены Крыленко, пламенной сталинистки и директора Библиотеки им. Ленина в тридцатые годы (в книге:

Деятели СССР и революционного движения России (Москва, 1989): 627-30). О семье Пятакова см. некролог отца, "Памяти Леонида Тимофеевича Пятакова", *Записки Киевского отделения Императорского русского Технического Общества (по сахарной промышленности)*, 3 (1915): 3-10.

9. Г.Л. Пятаков, *Пролетариат и "право наций на самоопределение"*, Российский Центр Хранения и Изучения Документов Новейшей Истории (РЦХИДНИ), фонд (ф.) 28 (Редакция газеты "Социал-демократ"), оп. 1, д. 559, л. 1-50. По поводу этих дискуссий см. также Graziosi, "G.L. Piatakov"; В.Ф. Солдатенко, "Г.Л. Пятаков: эпизоди життя і діяльності", *Укр. іст. журнал*, 4 (1989); М.М. Сапун "Г. Пятаков у Києві", там же 8 (1990); его же "Г.Л. Пятаков", *Под знаменем Ленинизма*, 8 (1989); О.Н. Gankin и Н.Н. Fisher, eds., *The Bolsheviks and the World War* (Stanford, 1940).

10. М. Майоров, *Из истории революционной борьбы на Украине* (Харьков, 1928): 41 и далее; Манилов, 1917: 26.

11. "Протоколы Киевской организации РСДРП (большевиков) 1917 года", *Летопись революции*, 4 (1931): 133-193; J.S. Reshetar, *The Communist Party of Ukraine and its Role in the Ukrainian Revolution*, в Hunczak, *Ukraine*: 168.

12. "Из истории советской власти на Украине", *Летопись революции*, 4 (1924): 166-85. К развитию этих конфликтов в 1918-1919 годах мы будем часто возвращаться. Об их последствиях в 1920-21 годах см.: Graziosi, "At the Roots": 101, 124 и далее.

13. М. Равич-Черкасский, *История Коммунистической партии (большевиков) Украины* (Харьков, 1923): 53 и далее; *Первый съезд КПБУ, Статьи и протоколы* (Харьков, 1923): 4 и далее, 91-95; В.П. Затонский, глав. ред., *Второй съезд КПБУ, Протоколы* (Харьков, 1927): 32.

14. *Первый съезд КПБУ*: 135-39; А. Каменский, *От Донбасса к Царицыну, в Гражданская война, 1918-21*, т.1 (Москва, 1928): 4-27; *Очерки истории Коммунистической партии Украины* (Киев, 1964): 231 и далее; П. Христюк, *Замітки і матеріали до історії української революції, 1917-1920*, т. II (Vienna, 1921-22): 151 и далее; М. Скрипник, *Історія пролетарської революції на Україні*, в *Статті і Промови*, т. I (Харьков, 1930): 160 и далее.

15. Были опубликованы воспоминания Шульгина, умершего советским гражданином в 1976 году, относящиеся к 1906-1907 годам, *The Years. Memoirs of a Member of the Russian Duma* (New York, 1991); А.А. Гольденвейзер, "Из киевских воспоминаний, 1917-21", *Архив русской революции*, т. VI: 166; разговор со Свердловым приводится самим Махно во втором томе его автобиографии, *Под ударами контр-революции* (Париж, 1936): 119-21. Он начинается так: Так вы, товарищ, с юга России? - Да, я из Украины...

16 По мнению Mark von Hagen (*States, Nations and Identities: The Russian-Ukrainian Encounter in the First Half of the 20th Century*, Unpublished paper, 1995) эти антиукраинские настроения усилились, после кризиса 1905 года попыткой "влиятельной части имперского государства ... восстановить свою власть особенно через апелляцию к принципу национальности" посредством разжигания самого крайнего русского национализма, до того момента ограничиваемого элитой, стремившейся к защите имперской идеологии. Интерпретация, отличная от фон Хагена, содержится в работах D. Saunders, как, например, "Russia's Ukrainian Policy (1847 - 1905): A Demographic Approach", *European History Quarterly*, 25 (1995): 181-228. См. также P. Bushkovitch, "The Ukraine in Russian

Culture, 1790 - 1860", *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 3 (1991): 339-63 и Olga Andriewsky, *The Politics of National Identity: The Ukrainian Question в: Russia, 1904-1912*, PhD Dissertation, Harvard University, 1991.

17. Рафес, *Два*: 9 и далее, 60 и далее; Гольденвейзер, "Из киевских"; М. Minc, *Kiev Zionists in the Ukrainian National Movement*, in P.J. Potichnyj и Н. Aster, eds., *Ukrainian-Jewish Relations in Historical Perspectives* (Edmonton, 1988): 247-61; Д. Дорошенко, *Исторія України, 1917-23 pp.*, т. 1 (Ужгород, 1932): 71 и далее; Христюк, *Замітки*, т. 1: 128; А.И. Деникин, *The Russian Turmoil* (London, 1920): 249 и далее.

18. Рафес, *Два*: 59 и далее. Наиболее ужасные избиения с десятками тысяч жертв имели место во время большого крестьянского антипольского восстания в 1648-49 годах. В следующем столетии (1734, 1750 и, особенно, 1768 годы) были совершены другие погромы меньшего размаха, но большей жестокости, во время восстания *гайдамаков*, украинских крестьянских партизан-бандитов, которые, в особенности на правом берегу, находившемся в руках поляков, боролись против власти крупных землевладельцев. См.: В. Weinryb, "The Hebrew Chronickles on Bohdan Khmelnytsky", *Harvard Ukrainian Studies*, 1 (1977): 153-77; М. Rosman, *The Lords' Jews: Magnates and Jews in the Polish Lithuanian Commonwealth during the 18th Century* (Cambridge, Ma, 1988); *Encyclopaedia Judaica*, т. 5: 481-83, т. 7: 1132 и т. 15: 1518; Рудницький, *Історичні*, т. I: 375-404.

19. Krawchenko, "Social Structure"; Р. Kenez, *Civil War in South Russia, 1919-20* (Berkeley, 1977): 155 и далее; Гольденвейзер, "Из киевских": 193 и далее; *Коммунист* (Киев, 3 март 1919).

20. Привлекательность марксизма обуславливалась также возможностью, которую он предоставлял интеллигентам "маргинальных" стран чувствовать себя составной частью "лучшей" западной культуры и в то же время участниками чего-то другого и "высшего". Таким образом, марксизму удавалось дать удовлетворительные ответы на проблемы, вызванные ощущением собственной устранимости и желанием превосходства.

21. Рудницький, *Історичні*: т. I: 471-84. Христюк, *Замітки*, Рафес, *Два* и Bogys, *Sovietization* об обзоре украинских партий; Винниченко, *Відродження*; Reshetar in Hunczak, *Ukraine*: 160 и далее; Subtelny, *Ukraine*: 292 и далее.

22. Р. Price, *My Reminiscences of the Russian Revolution* (London, 1921): 196; Рафес, *Два*: 7, 63 и далее, 132. Об общей проблеме отношений между социализмом и национализмом см.: R. Szporluk, *Communism and Nationalism* (Oxford, 1988).

23. О.С. Pidahiny, *The Formation of the Ukrainian Republic* (Toronto, 1966): 120 и далее; А.Д. Margolin (цитирующий Винниченко), *Ukraine and the Policy of the Entente* (New York, 1977, но Berlin, 1921): 234; Denikin, *Turmoil*: 250; Майоров, *Из истории*: 48; В.П. Затонский, *Октябрь 1917 года в Киеве* теперь в: *В защиту революции* (Киев, 1977): 18 и далее; Майоров, *Из истории*: 56 и далее.

24. Манилов, 1917: 322.

25. О последних месяцах 1917 г. в Киеве, кроме уже названных работ, см. также: Е. Бош, *Год борьбы* (Москва, 1925); Я.Б. Гамарник, "25 октября 1917 года", *Коммунист* (орган Киевского губернского комитета КПБУ), 3 (1920); А. Иванов, "Центральная Рада и Киевский Совет", *Лет. рев.*, 1 (1922): 9-15; И.Ю. Кулик, "Киевская организация от февраля до октября 1917 года", *Лет. рев.*, 1 (1924): 189-204 и "Октябрьские дни в Киеве" *Там же*, 1 (1922): 39-43; J.S. Reshetar, *The Ukrainian Revolution, 1917-1920* (Princeton, 1952).

УКРАИНСКИЕ ДЕРЕВНИ.

С географической и экономической точки зрения сельская местность Украины в начале века могла быть разделена на три региона: лишённая насаждений степь юга, в центре которой располагались Екатеринославская, Тавридская и Херсонская губернии; юго-западная зона с насаждениями (Воыния, Подолия и Киевщина) и северо-восточная зона с насаждениями (Харьковская, Полтавская и Черниговская губернии).

Первая область, расположенная на плодородных землях, на большей части которой выращивались зерновые рыночных сортов, была, кроме того, промышленно более развитой. Здесь, в особенности в Екатеринославской губернии, было сконцентрировано большинство предприятий угольной и металлургической промышленности империи, на которых, как мы знаем, часто была занята рабочая сила, состоявшая из эмигрантов преимущественно неукраинского происхождения, или из русифицированных украинцев (1).

Напротив, в двух других зонах, и, в особенности, на западе, земля была более бедной, с преобладанием зерновых низшего качества, предназначенных скорее для собственного потребления, чем для рынка; кроме того, здесь находились большие земельные владения, принадлежавшие часто полякам, где выращивались такие технические культуры, как, например, свекла (2). Предприятия на западе Украины представляли собой преимущественно перегонные и сахарные заводы, на которых были заняты техники и квалифицированные рабочие русской и, иногда, еврейской национальности, а также сезонная рабочая сила крестьянского и, следовательно, украинского происхождения (3).

Разделение на три региона частично совпадало с классическим историческим разделением Украины: на запад – бывшие польские владения; восток, тесно связанный с Россией; и недавно завоёванный юг, где иммиграция не только из других частей Российской империи, но также из Германии, Греции и т.д. была более интенсивной, а, значит, и национальный состав – более пестрым.

Такие географические, экономические, исторические и национальные отличия сыграли важную роль в предопределении различной политической ориентации украинских деревень между 1917 и 1922 годами.

Однако, с другой стороны, те же украинские деревни были объединены фактом преобладания украинской крестьянской семьи и её институтов, которые, напомним, не включали в себя общины. Благодаря этому преимуществу в 1917 году украинцы составляли в различных губерниях от 70 до 90% населения, достигая до 94% в Полтавской губернии. Исключение составляли Таврида и Херсон, где украинцы, тем не менее, насчитывали около 50% (4). Кроме того, украинские деревни, как и русские, пережили после великой реформы 1861 года некоторые важные моменты, которые их объединили.

Несмотря на всю свою ограниченность, на которой было сконцентрировано внимание традиционной историографии, эта реформа дала мощный импульс к развитию крестьянского общества, находившегося, как свидетельствуют демографические данные, уже в движении как в России, так и на Украине.

Не следует, естественно, недооценивать страданий и недовольства, вызванных царской модернизацией и индустриализацией “сверху”, выразившихся, например, в неожиданных волнениях 1902 года. Равным образом нельзя не принимать во внимание факт наличия сотен тысяч крестьян, потерявших свои крестьянские корни и не нашедших их в городе. Эти крестьяне, как писал В.П. Данилов, стали впоследствии источником для “армии нового социального взрыва”, ускоренного первой мировой войной (5).

Однако не вызывает сомнений что приобретение, пусть и относительной, свободы, великий демографический бум конца века, огромные социальные перемены в империи, новые возможности в экономике, созданные развитием новых рынков (а на Правобережье также и относительные привилегии, предоставленные крестьянам в ущерб польским помещикам) привели к тому, что в начале века крестьянский мир стал молодым, переполненным энергией, решительным в преодолении препятствий, останавливавших или замедлявших его развитие, обществом. Как видно из многочисленных недавних исследований, этот мир в целом характеризовался ростом производительности сельского хозяйства, поднятием уровня жизни и увеличением доходов на душу населения. Не случайно, что, несмотря на высокие цены, между 1877 и 1905 годами крестьянам империи удалось, приобретая земли, удвоить площадь своих владений (6). Тем не менее, несмотря на все эти обстоятельства, и несмотря на отдушину в виде внутренней и внешней эмиграции, также и по причине

демографического давления и желания молодёжи покинуть патриархальную семью, находившуюся на пути к распаду (7), земля продолжала оставаться на Украине, как и в России, главным предметом озабоченности крестьянского мира.

Революция 1905 года и сопутствовавшие и предшествовавшие ей большие перемены ещё более ускорили эти процессы. В короткий период времени между 1906 годом и началом войны, украинские крестьяне, как, впрочем, и их русские собратья, приобрели у помещиков новые земли в количестве нескольких миллионов десятин и широко, хотя и на свой лад, воспользовались возможностями присоединения земель, предоставленными реформой Столыпина (8). Накануне революции они уже непосредственно владели немногим менее 65% земель, арендуя и обрабатывая значительную часть остальных угодий. В составе последних находилось 20% земель, ещё пребывавших в руках 35.000 помещичьих семей, в число которых в 1914 году входило около 5.000 больших земельных владений со средней площадью, превышавшей 1.500 десятин; и 15% земель, являвшихся собственностью государства, церкви и городских сословий. Последние приняли активное участие в приобретении помещичьих земель, вызывая тем самым недовольство деревни, которая, напомним, не потерпела бы любого вмешательства в вопрос о земле, и тем более не желала вмешательства “посторонних” элементов, которые и сами чувствовали себя таковыми.

Тогда же, накануне 1917 года, средняя площадь крестьянских земельных наделов на Украине достигала шести десятин, к которым присоединялось ещё полдесятины, взятой в аренду. Приводя усредненные, с учетом различного качества земель, данные можно разделить около 4,2 миллионов украинских крестьянских дворов на немногим менее 2,5 миллионов (57%) бедных, владевших в среднем 3–4 десятинами (но существовало также 600.000 безземельных семей); 1,3 миллиона (30%) средних с 3–12 десятинами; и около 500.000 (12,2%) зажиточных дворов с более, чем 6–12 десятинами.

Подтверждая анализ А.В. Чайнова, данная социальная стратификация была ещё близка к “естественной” и определялась многочисленностью семьи, продолжительностью жизни и способностями главы семьи: так, например, зажиточные семьи имели в среднем 8,2 членов, в то время как бедные – 4,9 (9).

Относительную обширность общей площади крестьянских наделов подтверждал анализ современников, подчёркивавших,

кроме того, что инвентарь и более совершенная форма социальной и производственной организации (как, например, получившие огромное развитие кооперативы) являлись “истинной” проблемой большинства крестьян империи. Однако накануне революции на Украине, как и в России, крестьяне, подталкиваемые также желанием молодых создать новые семьи, делали большую ставку на те 35% земель, которые ещё им не принадлежали, или за которые они должны были платить аренду. Это была “синица в руках”, которую крестьяне противопоставляли “журавлю в небе”, обещанному социалистами (10).

Однако война привела к развалу сельскохозяйственного кредита, сделав тем самым невозможными дальнейшие приобретения. В то же время, она наложила на деревни усиливавшуюся дань в виде людей, налогов, сдачи продуктов и т.д. На Украине, которая в ту войну являлась непосредственным тылом, тяжесть этой дани была ещё большей. Таким образом, после трёх лет непрерывавшихся ухудшений, украинские крестьяне были уже готовы разрешить свои наиболее насущные проблемы, в том числе аграрную, *по собственной инициативе* (11). Эта инициатива была теперь исходила из других традиций крестьянского мира, усиленных войной и опытом траншей.

Мысленно обратимся к эндемическому насилию этого мира, сохранившего мощные примитивные и животные инстинкты, описанные такими писателями, как Н. Успенский, Решетников, Чехов и др. Бунин, например, описывает в своем в *Суходоле* крестьян, способных ради развлечения снять кожу с живого быка, принадлежащего местному землевладельцу (12).

Такие проявления насилия не удивляют, если принять во внимание исходные условия и быстрые перемены, выразившиеся, как известно, в потере корней, в сохранении и воспроизводстве пережитков и жестокости, сосуществующих с большим прогрессом, сделанным крестьянским миром также и в сфере культуры (этот феномен был удачно проанализирован Джеффри Бруксом) (13). Впрочем, подобным насилием были уже отмечены восстания 1902 и 1905 годов. Впоследствии оно явилось основной отличительной чертой анархического движения 1907 года, особенно сильного в Киевской губернии и в зоне, которой суждено было стать театром действий махновщины (14). Анархические акции, в которых приняли участие многие из будущих главных действующих лиц “гражданской войны”, как, например, Махно и Пятаков (15), были сурово пресечены Столы-

пиным. Но уже через несколько лет, между 1911 и 1914 годами, на Украине было предпринято более 500 коллективных крестьянских акций, направленных в более чем 80% случаев против помещиков (16).

Значение разделения Украины на три части, о котором мы говорили, подтверждалось тем, что в 1917 каждая из зон в разной степени была вовлечена в крестьянское движение. Наиболее активными являлись западные районы, где были сконцентрированы поместья и бедные крестьяне, и где влияние войны было относительно сильнее, а также степные районы юга. Здесь, как это ни парадоксально (17), зажиточные крестьяне составляли авангард движения. Безусловно, это имело особые причины, продиктованные обстоятельствами. Близость казачьих земель, а также тип и поведение землевладельцев данной зоны, тесно связанных с элитой империи, естественным образом толкали, например, зажиточных крестьян юга Украины в направлении левых сил.

С другой стороны, сама возможность того, чтобы руководство крестьянским движением взяли на себя зажиточные слои, была показательной для движения в целом и имела большое значение: несмотря на безусловное влияние “капитализма” и порождаемых им зависти и внутренних конфликтов, украинский крестьянский мир, как, впрочем, и русский, ещё оставался в сущности, в особенности перед лицом городов, единым, живущим общими идеями и стремлениями (18) (с этой точки зрения не лишено, кажется, интереса сравнение его мира с миром рабочих XIX века, где доминировали квалифицированные и относительно зажиточные рабочие, которых зачастую отделяла пропасть от обычных чернорабочих, и которые, однако, совершенно естественно становились лидерами в общей борьбе против мира “буржуазии”).

Особая сила крестьянского движения в южных степях подтвердилась в августе 1917 года, где уже была проведена ликвидация помещиков (в Гуляй-Поле – под руководством Махно). Относительное единство крестьянского мира нашло подтверждение и в принципах, регулировавших распределение земель: несмотря на то, что распределением руководили зажиточные, земля обычно предоставлялась наиболее бедным семьям (19).

В конце лета нападения на помещичьи усадьбы приобрели размах также и на Правобережье. Во второй половине сентября их было произведено более 200. Имея в виду также и эти события,

Ленин говорил в то время об уже начавшемся крестьянском восстании. В октябре, как отмечает Дмитро Дорошенко, украинские деревни были уже охвачены “аграрным рухом погромного характера”, сопровождаемым всяческими злоупотреблениями, насилием и грабежами (по причинам, которые будут ясны впоследствии, важно отметить частое использование термина “погром” для описания его некоторых характерных особенностей). По утверждению других наблюдателей, таких, как Рафес, ситуация ещё имела вид леопардовой шкуры, но то, что происходило нечто новое, не вызывало сомнений (20).

На только что завоёванных землях крестьяне, в особенности на Правобережье, спешили засеять зерновые. С одной стороны, это обстоятельство свидетельствовало об их ненависти к техническим культурам, и, в частности, к свёкле и сахарным заводам, пожиравшим землю. Ненависть вспыхнула уже в 1905 году и выразилась в нападениях и грабежах. Деревни были наказаны массовыми порками а là Аракчеев, что сравнимо с последующими событиями 1918–1921, или 1930–1933 годов. С другой стороны, подобным образом выражалось более общее стремление к производству для собственного потребления, вызванное в европейских деревнях сужением рынка, порождённое войной. Это стремление явилось, в свою очередь, одним из признаков социально-экономического регресса, вызванного первой мировой войной (21).

На Украине усиление крестьянского движения сразу и тесно, хотя и с обнаружившимися впоследствии многими противоречиями, связалось с национальным сознанием. Многие наблюдатели того времени отмечали то, что А.Д. Марголин, либеральный руководитель еврейского происхождения, назвал “невероятным ростом самосознания среди украинских крестьян”. Виталий Примаков (Киришблат), будущий командир самого важного украинского большевистского отряда, упоминал о деревнях, “охваченных шовинистическим угаром” (22). Выборы в Учредительное собрание в конце года уничтожили всякие сомнения в отношении нового пробуждения “национализма” (23) в украинских крестьянах. За исключением южных степей, на особый этнический состав и анархические традиции которых мы уже указывали, Украина отдала почти 60% голосов блоку украинских социалистических партий (т. е. социалистам и националистам), а на Киевщине они получили 70% голосов против 5,8%, отданных, как известно, большевикам (24).

Одновременно вспыхнувшее крестьянское движение продемонстрировало некоторые черты, в которых хранился зародыш возможного жестокого развития стихийного национал-социализма (черты, присутствовавшие также и в других частях империи, и, хотя и в меньшей степени, в России, более удалённой от фронта, и где, напомним, было тогда запрещено проживать евреям). Эти черты проявились, главным образом, в прифронтовых зонах, т.е. там, где насилие и психический регресс, вызванные войной, были намного сильнее, чем в остальных частях страны. В самом деле, мишенью первых нападений стали не только, как обычно, самые слабые, как, например, вдовы и, вообще, владения, управляемые одинокими женщинами, но и польские священники и помещики с иностранными фамилиями. К этому скоро присоединились первые грабежи еврейских жилищ, производимые, однако, в большинстве случаев отставшими от своих частей солдатами любой национальности.

Но, как и солдаты украинизированных полков в Киеве, украинские крестьяне, по крайней мере в первые месяцы, были больше всего заинтересованы в разрешении вопросов о мире и земле. И поэтому национальные и “национал-социалистические” черты волнений, наличие которых было очевидно, фактически отступали на второй план. Безусловно, деревни предпочли бы получить мир и землю от “украинского большевизма”, т.е. от украинских партий, за которые они проголосовали на выборах в Учредительное собрание. Но если последние оказывались неспособными удовлетворить насущные потребности крестьян, они всегда могли обратиться к московским большевикам, популярность которых именно в тот момент усиливалась благодаря декретам Ленина о мире и о земле, придавшим новую силу “недоразумению”, о котором мы говорили в связи с солдатами-крестьянами Киева.

Если, как справедливо напомнил итальянский историк, “своеобразие русской революции состоит именно в том, что анархическое и безудержное плебейское движение привело к победе, по множеству причин, которые должен исследовать историк, дисциплинированную политическую партию, ставившую перед собой цели, лишь внешне совпадавшие с настроениями и стремлениями восставших масс”, то на Украине всё осложнялось национальным фактором и, затем, немецкой оккупацией, сделавшими “недоразумение” ещё более взрывоопасным, хотя и отсрочившими этот взрыв до 1919 года (25).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Subtelny, *Ukraine*; М. Кубанин, “К истории кулацкой контрреволюции”, *На аграрном фронте*, 7-8 (1925): 98-129; Krawchenko, “Social Structure”.
2. На Правобережье польские помещики контролировали 50% земель ещё в 1914 году (а в 1863 они владели 5/6). См. D. Beauvois, *La bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914: les Polonais et les conflits socio-éthniques* (Lille, 1993).
3. W.D. Preyer, *Die russische Zuckerindustrie* (Leipzig, 1908); И.И. Левин, *Наша сахарная промышленность* (СПб, 1908); А. Kahan, *Notes on Jewish Entrepreneurship in Tsarist Russia*, в G. Guroff и F.V. Carstensen, eds., *Entrepreneurship in Imperial Russia and the Soviet Union* (Princeton, 1983): 104-24 по поводу присутствия евреев в перерабатывающей промышленности, связанной с деревней.
4. Krawchenko, “Social Structure”.
5. Данилов в: Шанин, *Великий*: 316.
6. М. Confino, “Present events and the representation of the past: some current problems in Russian historical writing”, *Cahiers du monde russe*, XXXV (1994): 839-68. Конфино отмечает, как нестерпимо сегодня, после исследований James Simms, Paul Gregory, Elvyra Wilburg (и я добавил бы Jeffrey Brooks, Heinz-Dietrich Löwe, Steven Hoch, Stefan Plaggenborg и Alessandro Stanziani) слышать утверждения об обеднении крестьянского мира после 1861 года. См. также его “Issues and Nonissues in Russian Social History and Historiography”, *KIARS Papers* 165 (Washington, DC, 1983) и Graziosi, *The Great Soviet Peasant War*.
7. Около 8,5 миллионов крестьянских дворов империи в 1877 году превратились в 12 миллионов в 1905. В 1916 году их насчитывалось около 16 миллионов, часто односемейного типа, а концу НЭПа – почти 22 миллиона. Из А. Stanziani, “Spazi economici e “vincoli istituzionali”: il ciclo di vita dell’azienda contadina in Russia, 1880–1917”, работы, представленной на третьем ежегодном семинаре итальянского отделения *European Association of Historical Economics* (Venezia, giugno 1995).
8. V. Holubnychy, *The 1917 Agrarian Revolution в: Ukraine, Soviet Regional Economic. Selected Works* (Edmonton, 1982): 3-65; Stanziani, “Spazi economici”.
9. Данные о размерах крестьянской земельной собственности несколько варьируются. По мнению Krawchenko, 2,4 миллиона бедных семей владели в среднем 4,9 десятинами, 1,3 миллиона средних семей – 6,3, и полмиллиона зажиточных – 8,2. По данным Holubnychy, кроме безземельных семей, существовало 800.000 семей, владевших менее, чем 3 десятинами, 2,2 миллиона с 3-10 десятинами и 350.000 – с более, чем 10 десятинами. См.: Krawchenko, “Social Structure”; Holubnychy, *Soviet*: 3-5; А.В. Чаянов, *Крестьянское хозяйство* (Москва, 1989).
10. Н. Котов, *Тактика крестьянских восстаний*, в: *Гражданская война*, т. 2 (Москва, 1929): 281-305.
11. Holubnychy, *Soviet*: стр. 5 и далее.
12. См. остроумный очерк Dioneo (Шкловский), “The Russian Peasant – What is he?”, *The New Russia*, II, 22 (1920): 264-69.
13. J. Brooks, *When Russia Learned to Read* (Princeton, 1985).
14. См. анархические журналы: *Анархист* (Париж и Женева, 1907-1908) и *Буревестник* (Париж, 1906-10); P. Avrich, *The Russian Anarchists* (Princeton,

1967): стр. 60 и далее.

15. В то время Пятаков присоединился к банде, руководимой Юстином Жуком. Последний был арестован и приговорен за кровопролитное нападение на один из сахарных заводов отца Пятакова. Махно возглавлял подобную банду в своей области. См.: Волковинский, *Махно*: стр. 9 и далее; М.М. Моршанская, *Юстин Жук* (Ленинград, 1927); Graziosi "G.L. Piatakov": 119-20.

16. П.Л. Варгатюк, В.Ф. Солдатенко, П.М. Шморгун, *В огне трёх революций* (Киев, 1986): 237.

17. Пользуюсь случаем, чтобы заранее извиниться за многократное употребление в дальнейшем данного понятия. Оно является, однако, свидетельством действительно необычайного научного интереса к украинской истории, способной продемонстрировать ограниченность многих категорий, с помощью которых пытались объяснить историю нашего века и выявить многие наслышавшиеся общие места.

18. В своей работе "Soslovie or Class? Bureaucratic Reformers and Provincial Gentry in Conflict, 1906-1908", *The Russian Review*, 1 (1988): 1-24, F.V. Wcislo напоминает, как данная автономия крестьянского мира усилилась благодаря "контрреформаторским" законам восьмидесятых годов, которые были направлены на то, чтобы изолировать деревни от гражданского общества и от политической жизни, в надежде, что своеобразие их социальной структуры послужит гарантией против политической нестабильности. Эта линия была оставлена лишь после 1905 года.

19. Кубанин, "К истории..."; I. Majstrenko, *Borot'bism: A Chapter in the History of Ukrainian Communism* (New York, 1954): стр. 42 и далее; Holubnychi, *Soviet*; Волковинский, *Махно*: стр. 28 и далее.

20. П.Л. Варгатюк, И.Ф. Курас, В.И. Ленин и большевистские организации Украины (Киев, 1980): стр. 192 и далее; Дорошенко, *История*: стр. 198 и далее; Рафес, *Два*: стр. 59 и далее; Y. Bijlinsky, *The Communist Take-over of the Ukraine*, в: Hunczak, *Ukraine*: 111.

21. "Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украине", *Архив русской революции*, т.1: 288-94; И.Г. Дроздов, *Разгром Михайловского сахарного завода*, в: *Революция и КП(б)У в материалах и документах*, т. 1 (Харьков, 1926): 551-54; Kahan, "Notes". Об этом регрессе и о его интерпретациях я говорю в уже названной работе *Alle radici del XX secolo*.

22. A.D. Margolin, *From a Political Diary* (New York, 1946): 24; В.М. Примаков, *Борьба за советскую власть на Украине* в: *Пять лет Красной Армии* (Москва, 1923): 171-95.

О Примакове, воспоминания которого очень интересны, см.: И. Дубинский, *Примаков* (Москва, 1968).

23. Здесь, как и впоследствии, когда говорится о крестьянах, я употребляю этот термин (национализм) намеренно обобщённым образом, для указания предпочтения, многократно выраженного украинскими деревнями, в отношении государства и представителей, которые говорили бы на их языке и не зависели бы от иностранных центров. Естественно, подобный выбор можно было бы критиковать. Можно было бы, например, задаться вопросом, достаточно ли наличия данного стремления, сколь угодно распространённого, для того, чтобы говорить о "национализме", особенно если вспомнить, что сами крестьяне

зачастую противопоставляли ему, на первый взгляд противоречивым образом, стремление к земле, и часто, как мы убедимся, то, что было в действительности защитой местных ценностей и “традиций” превращалось “объективно” в национальные притязания. Несмотря на всё это, я считаю, что ответ должен быть положительным: даже если украинские крестьяне не обладали прочным национальным сознанием, которое предсказывали и которого желали националисты, речь тем не менее шла о новом явлении огромного значения. Что касается риска чрезмерной обобщённости, можно было бы ответить, что вариантов национализма, как, впрочем, и социализма, было множество, и что скорее поиски точных определений являются иллюзорными. Данные движения имели место и оказали огромное влияние, несмотря на чрезвычайную фрагментарность и противоречивость их составных элементов, а, возможно, также и благодаря им. Таким образом, речь идёт скорее о необходимости установить элементарные общие названия, и мне представляется бесспорным, что стремление, каким бы оно не было смутным, к независимости, играет в случае с национализмом ту же роль, какую сыграла национализация – социализация “средств производства” для социализма.

24. S. Guthier, “The Popular Base of Ukrainian Nationalism in 1917”, *Slavic Review*, 1 (1979); Id., *The Roots of Popular Ukrainian Nationalism: A Demographic, Social and Political Study of the Ukrainian Nationality to 1917*, PhD Dissertation, The University of Michigan, 1990; Манилов, 1917: 449; O. Radkey, *The Elections to the Russian Constituent Assembly of 1917* (Cambridge, Mass., 1950): appendix; Рафес, Два: 10; Borys, *Sovietization*: стр. 167 и далее.

25. E. Cinnella, *La rivoluzione bolscevica* (Lucca, 1995): 47. Я говорил о двух вариантах большевизма в 1917 году в работе *The Great Soviet Peasant War*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1918

Г Л А В А 1

ОТ РУССКО-УКРАИНСКОЙ ВОЙНЫ
К ИНТЕРВЕНЦИИ ИМПЕРИЙ
АВСТРО-ГЕРМАНСКОГО БЛОКА

3 декабря 1917 года в Киеве открылся Первый Всеукраинский съезд Советов, созданный местными большевиками в надежде на изменение ноябрьских решений. Через день Россия послала ультиматум Центральной Раде, в котором под угрозой объявления войны приказывалось среди прочего в течение 48 часов признать советскую власть.

5 декабря делегаты от большевистской партии, планы которых были расстроены из-за присутствия многочисленных представителей крестьянства, прибывших в город по призыву Центральной Рады, оставили Киев и направились в Харьков. Здесь через несколько дней новый “всеукраинский” съезд объявил Центральную Раду вне закона и принял решение о формировании советского правительства. Россия же, рассчитывая на передышку, образовавшуюся последним перемирием с империями австро-германского блока, и готовясь к официально объявленной войне против Киева (и против Дона), поспешила признать и поддержать эту новую власть (1).

По всей вероятности, перед нами первое применение, ставшего впоследствии классическим, советского метода “братской помощи” более или менее искусственному правительству. В данном случае, речь шла о государственном образовании,

поддерживаемом небольшой частью городского населения восточной Украины. Указанный метод был разработан Лениным и Сталиным (он находился в то время на посту Комиссара по национальным вопросам и поэтому отвечал за политику по отношению к Украине), в надежде на его применение по случаю съезда в Киеве (2). Такую формулировку поддержал также Пятаков, вызванный Лениным в ноябре в Петроград в связи с новым назначением на пост Главного комиссара Госбанка. Этому назначению в немалой степени способствовало решение устранить его от руководства Киевской партийной организацией – как одного из основных противников ленинской политики.

Во всяком случае, речь шла о механизме, хорошо известном в европейской дипломатии: те же немцы применяют его незадолго до вторжения на Украину, осуществленного на основании телеграммы с просьбой о помощи, написанной, по-видимому, самими же немцами и подписанной первым попавшимся украинским руководителем (3).

Вмешательство со стороны русских – создание нового правительства и военное вторжение – возбудили недовольство украинских националистов, считавших, что правительство Харькова было сформировано “по указу”. В некоторых группировках это недовольство обострялось ещё и ощущением того, что именно нерешительность действий национальных руководителей социалистического толка нанесла Украине серьезный ущерб. В этой атмосфере в конце декабря в Киеве был похищен, подвергнут зверским пыткам и убит Леонид Пятаков, брат Георгия. Он был руководителем большевистских военных формирований и остался в городе для организации вооруженного восстания против Центральной Рады. В преступлении были обвинены вооруженные группировки, которых большевики, независимо от их политической принадлежности, называли “гайдамаками” (4). Однако, вполне вероятно, что убийство было организовано группой казаков под командованием сотника Якова Брониславовича Журавского. Не исключено также, что они действовали под прикрытием и при поддержке националистов, заинтересованных в бойкотировании переговоров с Петроградом (5).

Между тем русско-украинская война продолжалась. Вооруженным вторжением командовал М.А. Муравьев – эксцентричная фигура, офицер, левый социал-революционер, убитый во время неудавшейся попытки антибольшевистского переворота.

Его отряды, в свою очередь, входили в состав Южного фронта, главнокомандующим которого по приказу Ленина от 8 декабря был назначен В.А. Антонов-Овсеенко. В зону действий этого фронта входила и Украина, что служило подтверждением стремления российского правительства считать её частью Юга России (об этом свидетельствовало также назначение 20 декабря Серго Орджоникидзе Чрезвычайным Комиссаром правительства по району Украины) (6).

Ленин, который в отличие от большинства своих соратников по партии понимал огромное значение национального вопроса и видел в нем ключ к пониманию разразившегося первого мирового конфликта в Восточной Европе, рекомендовал всем быть очень осторожными, чтобы не задеть национальных чувств украинцев. Однако в сложившейся ситуации советы типа того, который был дан Антонову-Овсеенко – подписывать приказы только лишь второй частью своей фамилии, уже не могли дать большого эффекта (7). Не более действенной казалась идея послать отряд украинцев впереди отрядов Муравьева, сформированных из контингента красной гвардии российских городов и моряков Черноморского Флота, включавших в себя авантюристов всех типов. Речь шла о “красных казаках” Примакова – отряде, наскоро сформированном в Харькове из небольшого количества рабочих и 300 человек второго полка националистической направленности под командованием Волоха, ставшего в 1919 году одним из атаманов (8).

В противоположность тому, что произошло спустя год, когда роль Москвы в военных действиях несколько уменьшилась, суть происходящего стала для всех достаточно ясной. Например, состав “украинского” большевистского правительства был таким, что даже немногочисленные украинцы, которые входили в него, такие как, например, В.А. Шахрай, с недоумением говорили “что это за украинское правительство, где члены не знают и не хотят знать украинского языка”. Как писал впоследствии Рафес, ставший одним из руководителей большевиков, наступление Муравьева было расценено всеми как вторжение под управлением “чужой инородной силы” (9).

Для части российской имперской бюрократии это было первым сигналом к тому, что новую центральную власть можно было рассматривать *также* в качестве продолжателя российской государственности. Эта идея подтвердилась достаточно скоро при попытке организовать сопротивление немцам,

наступавшим с северо-востока и по побережью Черного моря. Этот процесс достиг апогея в 1920 году в войне с Польшей, а внутри страны выразился в решительных действиях по подавлению “крестьянской анархии” (10).

Кроме того, уже в январе и вплоть до октября 1918 года в Киеве вместе с большевиками, очень непопулярными по причине их деятельности, направленной на разрушение империи, разместилось не только значительное количество рабочих-меньшевиков, социалистов-революционеров и бундовцев, но и много русских националистов, среди которых были и царские жандармы, участвовавшие в восстании и в сражениях против Центральной Рады. Мобилизация рабочих затронула также традиционно антибольшевистские фабрики, как, например, фабрику “Гретер”, что способствовало некоторым мерам по украинизации, выразившимся в увольнении части служащих русской национальности (что касается Центральной Рады, то речь часто шла скорее о мерах самозащиты, как, например, в случае с заводом “Арсенал” – бастионом большевизма, где заработную плату получали непосредственно из Петрограда, т.е. из Госбанка Пятакова) (11).

В целом, по замечанию Рафеса, в этом месяце “обыватель, ненавидевший большевиков, стал с нетерпением ожидать их прихода”, чтобы освободиться от чужой власти Рады (12). Аналогичные слова употреблял Павло Христюк: “мищанство и навить буржуазия російська на України бачыли... в муравьовський совітський політиці “воссоединение Руси” – науку для хохлов” (13).

Итак, уже упомянутый процесс эволюции “вправо” украинских городов продолжал развиваться, парадоксальным и, вплоть до нескольких недель до начала войны, также совершенно непонятным образом (вспомним обещания, данные Георгием Пятаковым Центральной Раде), т.е. приобретая одновременно *также* и “большевистские” (14) формы.

Таким образом, “русская гражданская война” началась с русско-украинского конфликта, последовавшего за настоящим объявлением о войне декабрьским ультиматумом. Этот факт помогает нам понять значение, которое с самого начала имели национальные проблемы внутри этой “гражданской войны”. Этот факт также подтверждается недостаточной достоверностью хронологии, которая хотела бы сместить время начала гражданской войны на весну 1918 года, связывая его с чехосло-

вацким мятежом (15). Стоит также вспомнить, как сразу и тесно русско-украинский конфликт переплелся с вопросом о зерне, к которому мы будем неоднократно возвращаться. Впоследствии этот вопрос был постоянным фоном печальных событий тридцатых годов, самым трагическим из которых в истории отношений двух стран стал великий голод 1932–1933 годов. На заявление Винниченко, который уже в июле 1917 года говорил о возможной приостановке поставок зерна в качестве ответной меры на нежелательный поворот событий в Петрограде, в январе 1918 года ответили лозунгом Радека, который писал в “Правде”: хотите зерна, кричите “Долой Раду!”. Одновременно Ленин отправил телеграмму Орджоникидзе с предписанием продолжать усиленное обеспечение продовольствием и зерном (16).

В том же январе русские достаточно легко добились военных успехов в основном по причине разложения украинской армии. Около 300.000 рядовых – крестьян из украинизированных полков дезертировали, чтобы вернуться в родные деревни для участия в захвате и разделе земель. Однако, выводы, извлеченные из этой победы большевистскими руководителями, были ошибочны. В частности, была сильно недооценена роль украинского национализма, значение которого хорошо понимал и использовал, несмотря на внутреннюю оппозицию, в течение всего 1917 года Ленин (17).

Тем не менее, со всеми своими ограничениями, украинский национализм достаточно скоро утвердился как через определение своей элиты, так и укоренение в деревне. Последний факт, подтвержденный вышеупомянутыми выборами в Учредительное собрание, имел, однако, особые характеристики, те самые, которые привели к ошибочным выводам большевистских руководителей. Это вызвало горькое разочарование сначала национальных руководителей, а затем, в 1919 году, те же чувства испытали и большевики.

Если считать правильной идею, что на Украине, как и в других странах Восточной Европы крестьяне были в действительности, также как и в искаженной идеологии националистов, основой национального существования, то эти же самые крестьяне представляли культуру, которую можно определить как преднациональную. Таким образом они как бы становились членами некоего почти антропологического интернационала, который в силу презрительного слова, которым жители городов российской империи (и не только) определяли жителей всех

деревень и, особенно, нерусских, мы можем назвать “темным” (18). Этот “интернационал” имел свою шкалу ценностей, к которой мы в дальнейшем будем неоднократно возвращаться. Она же и побуждала украинских крестьян, несмотря на осознание своей национальной идентичности, приветствовать всех, даже если они были другой национальности, кто предлагал им немедленное разрешение вопросов о мире и о земле.

Как замечал впоследствии Яковлев на первом съезде КП(б)У, состоявшийся в Москве в июле 1918 года, “в январе месяце начался резкий перелом в громадной массе крестьянства”, которое “шарахнулось к Советской власти”. К этому перелому, который должен был натолкнуть большевиков на размышления о связи между национализмом и деревней, не были непричастны, как добавлял Д.З. Лебедь, ни нерешительность Центральной Рады в вопросе о земле, ни большая популярность декрета Ленина по этому поводу. Этот декрет, истолкованный крестьянами как “бери, всё твое!”, способствовал во многом распространению советского мифа в деревне, тем более, что совместная борьба Центральной Рады и большевиков против Керенского в 1917 году у многих, по замечанию Дорошенко (19), создавала впечатление, что между ними существует прочный союз.

Кроме того, русско-украинская война велась большей частью вдоль основных железнодорожных путей и в ней участвовали несколько тысяч людей, которые перемещались поездами. И поэтому она лишь слегка коснулась деревень, которые, в свою очередь, были сосредоточены на реально интересующих их вопросах, т.е. на разделе недавно захваченных широко раскинувшихся земель. Согласно официальным советским источникам, площадь этих земель составляла около 15 миллионов десятин, захваченных крестьянами за три месяца до прихода немцев.

Сам объем этой “добычи”, увеличенный также отменой платы за аренду земли, составляющей 100 миллионов золотых рублей в год, наверное, достаточен, чтобы объяснить, почему многие деревни и многие украинизированные полки решили в то время объявить себя нейтральными в конфликте Центральной Рады с Петроградом. Как вскоре заметили немецкие агенты, это желание нейтралитета часто проявлялось в рытье траншей с целью защиты отдельных деревень от любого агрессора. Более того, часто крестьяне были готовы скорее вести войну против соседних деревень, оспаривая друг у друга право на владение господской землей. Если рассматривать этот вопрос в целом,

то здесь речь шла о крайних проявлениях процесса закрытия деревни в себе самой, процессе, как мы уже говорили, начавшемся по всей Европе с первой мировой войной (20).

Таким образом, в январе 1918 года русские столкнулись только лишь с городским, более слабым национализмом, даже если во многих украинских полках, включая и более радикальные, как *Вильне Козаство*, не было недостатка в молодых крестьянах. Этот факт подтверждался и уже упомянутым незначительным количеством бойцов. Согласно более оптимистическим оценкам, на Украине в конце 1917 года большевиков было менее 50.000, из которых 30.000 в Донбассе, подкрепленные несколькими—тысячами людей, прибывших вместе с Муравьевым. По сравнению с этими цифрами, ещё более немногочисленными были украинские отряды, которых, однако, поддерживала почти вся украинская интеллигенция. В Киеве, сопротивляясь январскому восстанию большевиков, она пошла на баррикады, дислоцировав против Муравьева отряды, составленные из молодых гимназистов. Неопытные бойцы были легко и жестоко сметены со своих оборонительных позиций (21).

Таким образом, Муравьев взял Киев без особых усилий. Но через три недели русские были вынуждены эвакуироваться из города. Дело в том, что 9 февраля, всего за несколько часов до своего ухода из Киева, Центральная Рада подписала в Бресте договор с австро-германским блоком, который гарантировал военную помощь в обмен на щедрые обещания на поставку сырья и продовольствия. В результате, на территорию Украины вошла хорошо вооруженная и прекрасно организованная армия численностью 400.000 человек. Передвигаясь вдоль важнейших железнодорожных путей, она быстро преодолела слабое сопротивление, оказанное большевиками, анархистами и социалистами-революционерами, а также смешанными русско-сербско-чешскими подразделениями, формально лишенными, после подписания Брестского мира, поддержки Петрограда. В середине апреля вся Украина была вырвана из-под контроля большевиков. Таким образом завершилась первая фаза русско-украинского конфликта (22).

Какое последствие имели эти месяцы конфликта, какой образ большевиков и Центральной Рады сложился в городах и деревнях страны?

Русско-украинская война породила и посеяла обиду и ненависть между украинскими националистами и большевиками.

Это проявилось, главным образом, в Киеве, где они имели более непосредственные связи. Эта война также способствовала развитию некоторых отрицательных сторон националистической идеологии вообще. После поражений в столкновениях с Муравьевым, который хвастался, что принес “свободу с севера на штыках”, подавление “оккупационным социализмом” (как говорил большевик Рафес), заставлявшего употреблять русский язык; после закрытия газет на украинском языке (как “буржуазных”) и расстрелов молодых и старых руководителей националистов (23), украинский городской национализм радикализировался. В частности, некоторые из его течений попытались взять реванш в борьбе против “чужих”, т.е. против русских, евреев, поляков и других национальных меньшинств под лозунгом “Украина для украинцев”.

В отношении не-русских меньшинств и, в особенности, евреев, желание реванша усиливалось ощущением, что те их в некотором смысле предали. Особенно это проявилось в среде националистов. Дело в том, что поражению и отступлению националистов в январе 1918 года предшествовало голосование за четвертый Универсал новой Республики, который провозглашал Украину самостоятельным государством и закреплял это решение законодательно. Часть Универсала, касающаяся прав меньшинств, вновь связывалась с установками, которые защищал в прошлом Драгоманов и ссылалась на принципы, выдвинутые Карлом Реннером по вопросу национально-культурной автономии и содержала самые передовые нормы, никогда ранее не появлявшиеся в государственном законодательстве. Тем не менее, еврейские партии, объединившись с русскими, голосовали против, вызвав тем самым отрицательную реакцию многих руководителей националистов, которые обвинили их в отказе от столь щедрых предложений только для того, чтобы быть вместе с русскими, которые не гарантировали им ничего. В последующие месяцы те же наблюдатели не преминули заметить, что было намного больше евреев-добровольцев, вступавших в официально антисемитскую армию Деникина (который затем их и прогнал), чем в военные формирования Центральной Рады, которая, хотя бы формально, руководствовалась реннеровскими принципами (по этому же поводу жаловались те немногие еврейские руководители, которые примкнули к украинцам) (24).

Рост и радикализация протофашистских элементов, намечавшихся уже в украинском национализме, в особенности, в не-

которых боевых подразделениях, находящихся под влиянием социалистов-самостийцев, привело к “небольшим” погромам в феврале – марте 1918 года, сопровождающим как отступление, так и возвращение украинских войск в Киев. Даже Рафес, который в свое время храбро обличал политику большевиков в Киеве, должен был скрываться под защитой руководителей-националистов, оставшихся в Киеве и хорошо знавших ситуацию. Так как он был евреем, то его автоматически причисляли к естественным союзникам большевиков (25).

Ожесточение, порожденное поражением, отступлением и ощущение, что их предали охватили не только националистов-украинцев. Некоторые из красных подразделений, отступавших с фронта вместе с продвижением немцев, были, например, организаторами погромов, проходивших с криком “Бей буржуев и евреев!”. И вообще, как отмечал Раковский на III Всеукраинском съезде Советов в марте 1919 года, за год до этого большевики совершенно серьезно воспринимали идею наказания той части населения, которая отказалась участвовать в борьбе против немцев, обстреливающих города, вынужденно покинутые большевиками. Большевики за это “хотели камня на камне не оставить”, чтобы преподать урок за соглашательство, распространившееся среди рабочих, часть которых, казалось, предпочитала немцев большевикам (26).

Достаточно было нескольких недель, чтобы городское население настроилось против большевиков. Речь идет не о меньшинстве украинской национальности, о чувствах которого мы уже говорили выше, а о большинстве населения, состоявшего из русских, евреев, поляков и представителей других национальностей, которые ещё в январе 1918 года встретили с относительным облегчением возвращение власти Петрограда. И действительно, стихийные грабежи (в дальнейшем с 1919 года это войдет в систему) населения, имущество которых отправлялось затем по железной дороге на голодный север сопровождались применением террора.

В противоположность утверждениям тех, кто поспешил поддержать придуманный большевиками миф (вспомним, например, книжку Лациса) о том, что красный террор начался в конце лета 1918 года после покушения на Ленина, в городах “Юга”, в Крыму, например, на Дону и, в особенности, в Средней Азии (вспомним разрушение Коканда), на самом деле террор начался с самых первых дней 1918 года (27).

В Киеве за несколько дней было расстреляно несколько сотен (согласно другим данным, несколько тысяч) людей. Расстреливали, чтобы отомстить за подавление восстания на “Арсенале”, но на самом деле и более всего от осознания собственного бессилия (28). Это же чувство заставило приступить к скорейшей ликвидации как можно большего количества врагов для того, чтобы не повторить ошибок Парижской Коммуны и революции 1905 года, потерпевших поражение также и потому, что, как любил повторять Ленин, её лидеры не начали войны, которую он в 1906 году назвал отчаянной и кровавой войной на уничтожение врага (этим объясняется и ненависть ко всем тем, кто мог бы быть или был офицерами) (29).

Такие рассуждения принимали более крайние формы среди тех, кто ещё до октября был настроен скептически к возможности завоевания власти социалистами в отсталой царской России. Сегодня они, после того, как случилось чудо, спрашивали себя, как эту власть сохранить (в создавшемся нравственном климате стало возможным возникновение вопросов типа того, который задал Дзержинский изумленному Рафаилу Абрамовичу: можно ли преодолеть социально-экономическую отсталость, ликвидировав полностью некоторые социальные слои...) (30).

Согласно тому, что единодушно утверждает вся мемуаристика, включая и белогвардейскую, в Киеве, где Бунд ещё выступал против большевистского режима, расстрелы были делом рук русских подразделений. Несмотря на это, среди населения быстро распространилась совершенно безосновательная легенда о большой роли евреев в организации террора в феврале 1918 года. Возникновению этих слухов способствовала общая тяжёлая атмосфера и мрачные настроения русской части населения, которые, чувствуя себя отрезанными и покинутыми “имперским” центром, в то же время относились к нему враждебно (31).

Но, если в городах большевики оставили после себя крайне отрицательные воспоминания, то в деревне, как это ни парадоксально, положение вещей было совершенно другим. Здесь большевики ещё не успели осуществить политику ограбления, которую по приказу Ленина должны были проводить Орджоникидзе и Александр Шлихтер (один из героев 1905 года в Киеве; 12 января 1918 года он был назначен Наркомом продовольствия Украины и стал одним из главных действующих лиц событий 1919 года). Не удалось провести и ряд мероприятий, которые Яковлев определил в июле как “вторую фазу” большевистской

политики по отношению к деревне, основанной на комбедах, на монополии зерна и реквизициях (32). И так, в то время как летом того же 1918 года эта вторая фаза спровоцировала первые крупные антибольшевистские восстания в русских деревнях (33), украинские крестьяне видели большевиков совсем в другом свете.

В сознании крестьян закрепился образ большевика, который принес мир и землю (во всяком случае санкционировал её захват), а также защитника завоеваний крестьян. Это впечатление ещё более усилилось после второго украинского съезда советов, состоявшегося с 17 по 19 марта. Здесь под давлением бывших умеренных, перешедших на сторону левых большевиков, как и сам Пятаков (который, однако, не участвовал в съезде), большевики выступили за объединение с левыми социалистами-революционерами и за удовлетворение интересов крестьян во имя продолжения борьбы против немцев. В конечном счете, это было выступление против Брест-Литовского договора. Таким образом, съезд одобрил, повторяя программу социал-революционеров, резолюцию в пользу обобществления земель, не упоминая ни слова об их национализации (34).

Сопrotивление немцам, в котором деревни поначалу не приняли участия и, как отмечалось выше, желали только, чтобы их оставили в покое, вскоре получил свое развитие. Как отмечал Скрыпник 17 марта, те же крестьяне, которых он определял как “пассивных к обороне страны”, вкусив “власть немецких завоевателей, массами записываются в наши отряды”. В марте и апреле размеры этого потока были ещё ограниченными. Это явление охватило и широко распространилось лишь среди прифронтового селянства, другие же крестьяне “почти со злорадством провожали уходящие части Красной армии” (35). Во всяком случае, важно то, что эти события послужили уроком как для Пятакова, так и для Бош, находящейся тогда в Бахмаче с Примаковым, а также тот факт, что многие из деревень, участвовавших в них, в Конотопе как и Таращанском уезде стали впоследствии оплотом украинского партизанского движения (36).

Большой символический смысл сопротивлению, организованному большевиками, придали задним числом государственственный переворот во главе со Скоропадским и начало австро-германских реквизиций. Тот, кто сражался, защищая русскую революцию и часто целостность России, парадоксальным образом превратился в глазах многих в защитника Украины от

иностранным нашествием. Эта идея впоследствии стала основой для возникновения на Украине в 1918 году нового крупного недоразумения по поводу большевизмов.

Центром этой идеи стало восприятие большевизма, как авангарда движения за национальное освобождение. Но большевизм, как партия, если не как идеология 1917 года, был *русским* явлением, что было продемонстрировано происходящими событиями. Потенциально взрывоопасные противоречия этого движения были отмечены тогда объединением в этом сопротивлении с большевиками, которым участие в этом движении придало в глазах крестьян положительные черты, ещё и новых слоев русского национализма, отличающихся особой жесткостью и агрессивностью. Здесь уместно вспомнить о меньшинстве городского населения, фронтовых частях и войсках Черноморского флота, среди которых было много офицеров, которые вслед за январскими действиями царских жандармов в Киеве, приняли участие в весенних антинемецких и антиукраинских восстаниях, в частности, в Херсоне и Николаеве.

В этих городах в конце марта 1918 года большевики возглавили имевшее временный успех восстание. Всё началось с протеста рабочих, которые, боясь закрытия заводов и фабрик, выступили против конфискации имущества, находящегося на складах. Затем выступления продолжились по двум направлениям: против немцев и украинских националистов, с одной стороны, и, с другой, против тех, кто их принял благосклонно, как, например, местная буржуазия и партии умеренных социалистов, которым немцы гарантировали свободу организаций, включая и военные (37).

В усугублении украинского недоразумения немалую роль сыграл интерес, проявленный к событиям Лениным. Он, например, советовал русским и руссифицированным большевикам Донбасса не продолжать политики отделения от Украины. Однако в последующие недели поведение большевиков Донбасса по отношению к деревне было скорее исключением из общей ситуации, которая, как это не парадоксально, помогла распространению в украинских деревнях положительного образа большевизма. Уже во время большого отступления на восток донбасской красной гвардии, огромный караван из 3.000 вагонов и 100 локомотивов под командованием Ворошилова имел многочисленные кровавые столкновения с рабочими-меньшевиками, украинскими крестьянами и станичными казаками, которым

большевики мстили также за участие казачьих частей в “усмирении” Донбасса в конце 1917 года (38).

Добравшись до Царицына и встретившись со Сталиным, который получил, как сразу заметил Троцкий, большое количество верных союзников, составивших впоследствии ядро сталинской группировки (39), большевики Донбасса уже в апреле–мае 1918 года имели первые столкновения с частями украинских крестьян-партизан, отступавших, как и они, с продвижением немцев.

В своих воспоминаниях, которые в целом можно считать достоверными, Махно рассказывает, например, историю отряда Петренко, уничтоженного подразделениями, которые после летних событий станут называться десятой советской армией (сформированной именно из красной гвардии Донбасса и из большого числа бывших кавказских и донских унтер-офицеров под командованием Ворошилова). Этот факт интересен не только тем, что предвещает многие из событий 1919–1920 годов, когда Ворошилов и Буденный непосредственно встретятся в боях с Махно и с другими крупными командирами украинских партизан, но и потому, что позволяет заметить значительную разницу, существовавшую между сельской и городской партизанщиной, к которой, несомненно, относилась по своему происхождению и идеологии десятая армия. К этой разнице мы ещё вернемся в последующих главах.

Сначала Ворошилов и Минин пытались разоружить отряд Петренко, потом захватить его силой, наконец, прибегли к обману, чтобы схватить и расстрелять её командиров, включая и самого Петренко. Так была продемонстрирована хитрость, названная Махно “изуитством царицынской власти”, которая впоследствии стала характерной чертой сталинской группировки. С другой стороны, Петренко и его окружение сначала даже не могли представить, что “советская власть” могла вести себя таким образом и поэтому уклонились от сражения, с тем, чтобы потом изменить свое поведение (40). Однако, подобные действия были скорее исключением, к тому же события происходили в географически удаленных зонах, как, например, в крайне отдаленных от центра восточных окраинах страны, и поэтому не сумели скомпрометировать в целом положительное впечатление, произведенное большевиками в 1918 году в украинских деревнях.

Между тем, судьба Центральной Рады сложилась совершенно иначе. В первые месяцы того же года её авторитет сильно пошатнулся как из-за её позиции, принятой в отношении

земельного вопроса, так и по причине её роли в австро-германской оккупации. Как ни парадоксально, но в который раз в позиции Центральной Рады по земельным реформам проявилась марксистская идеологическая последовательность её руководителей, что и послужило основной причиной её дискредитации в глазах крестьян. Уже на I съезде *Спилки* (Союза украинских крестьян) украинским социал-демократам, которые в 1905 году, вслед за крупнейшими европейскими социал-демократическими движениями, осудили крестьянские восстания как “реакционные”, удалось провести свою программу вместо программы, предложенной социалистами-революционерами, благодаря высоким личным качествам своих представителей. Затем на Первом всеукраинском съезде трудящихся, по предложению Бориса Мартоса, была одобрена резолюция, которая утверждала, что в силу своей высокой производительности и в интересах развития производственных сил надо было сохранить большие земельные владения как национальное богатство.

В последующие месяцы, после того, когда тот же Мартос взял на себя контроль над аграрной политикой Рады, её руководство продолжало соблюдать заповеди марксизма намного более строго, чем сами большевики. В частности, украинские социал-демократы пытались в конце 1917 года (большевики это сделают только в 1919 году) защитить от захвата и передела хотя бы часть крупных помещичьих владений, и в особенности те из них, которые были более развиты экономически. Тот же дух защиты “прогресса”, т.е. не только защита интересов владельцев, привел их к принятию закона, устанавливающего потолок в 40 десятин для земельных площадей, не подлежащих разделу. Это сразу вызвало недовольство крестьян, которые посчитали это ограничение слишком высоким. Как заявил один из делегатов, “если такой закон пройдет, то вы – не деятели от народа... Да когда с фронта вернутся наши вояки, то они штыками своими переменяют эти 40 десятин...” (41)

Непопулярность Центральной Рады возросла также вследствие её участия в обращении за помощью к австро-германскому блоку, т.е. задолго до того, как реквизиции и переворот Скоропадского дали свои плоды. Махно, например, считал это обращение окончательным предательством делу революции со стороны украинских социалистов. Также, как сотни тысяч украинских семей, потерявших родных в войне против немцев, австрийцев и венгров смотрели неодобрительно на желто-голубое

знамя, под которым сейчас проходило их наступление. Сомнения, кажется, охватили также некоторые группы активных националистов, если считать верным тот факт, что убийство Леонида Пятакова последовало за появлением листовки, обвиняющей его в “прислуживании немцам и евреям” (это серьезная улика против казаков, которые, однако, действовали, как мы знаем, в городе, контролируемом Центральной Радой и при поддержке самых крайних националистических кругов).

Ситуация, сложившаяся в городах после возвращения националистов, также не подняла авторитета Центральной Рады: как уже было с частями Муравьева, немцы послали впереди себя подразделения, состоявшие из украинского контингента, в спешке сформированного из бывших военнопленных, одетых в российскую военную форму. В то время лишь немногие были в состоянии понять трагедию руководителей-националистов, вынужденных искать поддержку там, где было возможно. И сами же руководители не помогали её осмыслению со своими воззваниями, где они претендовали на то, чтобы немецкая армия – та армия, где офицеры говорили об Украине, как об *Опереттен-стаат* (Опереточное государство) и о Центральной Раде, как о “банде социалистов” – относилась уважительно к их распоряжениям (42).

Таким образом, Центральная Рада стала казаться больше, чем была на самом деле марионеткой в руках вызванных ей самую же сил. Конечно, и “Харьковское правительство”, несмотря на противоречия Брест-Литовского договора, было на самом деле марионеткой и сформировало “национальный” контингент с ещё большим цинизмом и вело наступление своих частей таким же способом. Но оно также обещало землю, оказало сопротивление немцам и, что особенно важно, быстро исчезло. В то время как политика оккупационных войск и режима Скоропадского, который продолжал использовать желто-голубой флаг, продолжала бросать тень на украинский национализм (43).

Таким образом, период между осенью 1917 и весной 1918 года можно рассматривать как время, когда на Украине “недо-разумение”, о котором мы говорили, ещё больше усилилось. Его углубление совпало с утверждением советского мифа и “мифа о большевизме”, далеком от партии, носящей то же название. Речь шла, конечно, о процессе постепенном и противоречивом, но, в целом, он шел и отрицать его нельзя – вспомним, что в 1918 году даже многие донские казаки стали определять себя

“советскими”. Вторая сессия первого съезда крестьян и третий съезд украинских солдат показали, что и на Украине тоже этот процесс ускорился уже в 1917 году вследствие поражения Корнилова. Однако по сравнению с Россией здесь дело усложнялось ещё и национальным вопросом. И действительно, в течение нескольких месяцев казалось, что украинские советы, а именно Центральная Рада, извлекали выгоду из создавшейся ситуации (44).

Но, как мы видели, следующие этапы этого процесса – оккупация и распределение земель, окончание, неважно, формальное или неформальное, войны, – отличались решительностью и привели к разделению в глазах крестьян идеи советской власти и идей Рады, т.е. национального совета. Этот феномен, присутствовавший также в сознании многих левых руководителей-националистов, был отражением вышеупомянутой напряженности, возникшей между крестьянским и национальным движениями. Эта проблема была разрешена позднее теми национально-освободительными движениями нашего века, которые сумели объединить, хотя бы на фазе борьбы, национальный и социальный вопрос так, как его понимали в деревне.

Несмотря на исключения, иногда значительные, к середине 1918 года *радянська влада* представлялась уже во многих деревнях как единственная власть, способная к решениям эффективным и “справедливым”, во всяком случае в пользу большинства крестьян, принятым по важнейшим вопросам. Поскольку советы, даже с точки зрения формальной, с трудом можно было назвать демократичным органом (они, скорее всего, были инструментом в руках активного меньшинства), возможно утверждение, что здесь речь шла о шаге вперед в общем кризисе самой идеи демократии, разразившемся с войной. Таким образом, в то время, как в России кризис отношений между различными концепциями о советской власти и между двумя большевизмами 1917 года был уже очевиден для всех, на Украине вступил в ход механизм с противоположным знаком, предназначенный сыграть решающую роль в последующие месяцы. Конечно, среди руководителей коммунистов были уже люди, которые, как, например, Яковлев, четко представляли, что речь здесь шла только о недоразумении и предупреждали насчет необходимости “уже сегодня учесть, до какого момента крестьянство является нашим другом и насколько мы можем на него рассчитывать... в развитии борьбы за осуществление Советской власти” (45). Но, по-

буждаемые желанием совершить революцию и перед лицом неосомненного укоренения в народе советской идеологии, а также, хотя и в меньшей степени, “большевизма”, лишь немногие были расположены слушать рассуждения об их двусмысленности. Именно это укоренение и заблуждение поставят борьбу вокруг значения слов “советский” и “большевистский” в центр конфликтов 1919 года на Украине.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине, Хроника событий*, ч. 2 (Киев, 1982): 449 с; *Ukraine. A Concise Enciclopedia* (Toronto, 1963): 795 и далее; Е.Н. Carr, *La rivoluzione bolscevica, 1917-1923* (Torino, 1964, London, 1950): 287 и далее.

2 Как свидетельствуют новые документы, открытые к доступу на сегодняшний день, эта политика впоследствии в 1920-21 гг. была усовершенствована после завоевания закавказских республик (см.: А.В. Квашонкин, “Советизация Закавказья в переписке советского руководства, 1920-22 гг.” в процессе публикации в *Cahiers du monde russe*).

3 O.S. Fedyshyn, *Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution* (New Brunswick, 1971): 89.

4 Также вслед за известной поэмой Шевченко в 1917-18 гг. окрестили *гайдамаками* некоторые части националистов (о происхождении слова см. сноску 18 к *Города*). Надо, однако, вспомнить, что эта поэма являлась частью *всей* левой культуры империи, включая также и еврейскую, несмотря на погромы, к которым *гайдамаки* имели прямое отношение. В одной из автобиографических заметок Парвус (Израиль Гельфанд) вспоминает, что именно эти стихи, которыми он увлекался будучи гимназистом в Одессе, научили его классовый борьбе (в P. Zveteremich, *Il grande Parvus* (Milano, 1988): 13).

5 Майоров, *Из истории*: 66 с.; Винниченко, *Відродження*, ч. II: 160; “Вбивство Л. Пятакова”, *Укр. іст. журнал*, 4 (1990): 95-99. Естественно, принимая во внимание роль – реальную и мифическую – запорожских казаков в истории Украины, также и украинские националисты имели своих “казаков”. И поэтому невозможно представить окончательное утверждение. Некоторые данные, во всяком случае, позволяют предположить, что в этом случае речь идет о казаках, оставшихся в Киеве после событий в октябре-ноябре месяце.

6 А. Антонов-Овсеенко, *Записки о гражданской войне*, т. 1 (Москва, 1924): 78 сс; Bilinsky в: Hunczak, *Ukraine*: 110.

7 В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений (ПСС)*, Издание пятое, т. 30 (Москва, 1969): 77-130.

8 *Великая Октябрьская*: ч. II: 548; O. Figes, “The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918-20”, *Past and Present*, 129 (1990): 168-211; Price, *Reminiscences*: 202; *Красное казачество* (Москва, 1969); Примаков, *Борьба*: 177-78; И.В. Дубинский, *Красное казачество* (Киев, 1977): с. 10 и далее; Там же, *Примаков*: с. 41 и далее; очерк Затонского в *Червоное казачество*.

Сборник материалов по истории червоного казачества (Харьков, 1923): 15.

9 Reshetar в: Hunczak, *Ukraine*: 183-85; Рафес, *Два*: 77.

10 См. V.N. Ipatieff, *The Life of a Chemist* (Stanford, 1946) для информации о проявлении нового большевистского “национализма” значительной частью традиционной элиты. Как известно, сам Милюков пришел к заключению, что большевики обеспечили преемственность русской государственности, поставленной под сомнение Временным правительством и крестьянской революцией. О дискуссиях по сохранению этой государственной преемственности во внутренней политике, обеспеченной репрессиями крестьянских восстаний, см.: *The Great Soviet Peasant War* автора.

11 Майоров, *Из истории*: 56-8; Reshetar в: Hunczak, *Ukraine*: 183-85; Majstrenko, *Borot'bism*: 56 и далее; Рафес, *Два*: 77 и далее.

12 Рафес, *Два*: 77.

13 Христюк, *Замітки*, т. II: с. 149 и далее.

14 См. Mises, *Stato, nazione ed economia*: с. 88 и далее по точному анализу роли города и немецкого меньшинства на славянских и датских территориях в поражении революции 1848 г. и антидемократический регресс некоторых его главных участников.

15 Скорее всего правильно то, что большевики думали, непосредственно до начала этого мятежа, что они выиграли “гражданскую войну”, которую они так сильно желали. По острой критике последних лет относительно хронологии, которая связывает начало гражданской войны с чехословацким мятежом, см.: E. Mawdsley, *The Russian Civil War* (Boston, 1987): 3-4. Стоит вспомнить, что уже William Chamberlin в своем *The Russian Revolution*, которая на сегодняшний день является лучшей работой по анализу этого периода, считал, что гражданская война началась с кампанией по покорению Украины и Дона.

16 Манилов, 1917: 152 и далее; *Правда* (2 января 1918).

17 Bilinsky F. Sysyn, *Nestor Makhno and the Ukrainian Revolution*, в Hunczak, *Ukraine*: 112, 302.

18 Graziosi, *Alle radici*: XXIV и далее.

19 *Первый съезд КПБУ*: 69, 5, 84 и далее; Дорошенко, *История*: 174; “Доклад начальнику”.

20 Примаков, *Борьба*: 174; Holubnychy, *Soviet*: 29-30; “Доклад начальнику”; *Очерки истории КПБУ*: 225; Mises, *Stato, nazione ed economia* о возвращении к натуральному хозяйству в деревне.

21 Bilisky в Hunczak, *Ukraine*: 105 и далее; Примаков, *Борьба*: 176; Дубинский, *Червоное*: 24; С. Муценко, “Январское восстание в Киеве,” *Лет. рев.*, 3 (1924): 20 - 43; *Очерки истории КП(б)У*: 209 и далее; Г.Л. Пятаков, “Трагедия Украины”, *Коммунист* (орган ЦК КП(б)У), 1-2 (1918): 5-8.

22 Subtelny, *Ukraine*: 552 и далее; S.M. Horak, *The First Treaty of World War I. Ukraine's Treaty with the Central Powers* (New York, 1988); Fedyshyn, *Germany's Drive*: 89 и далее; Бош, *Год*: 173 и далее. Чехословацкие части вступали в бой только с австро-германскими войсками и хранили нейтралитет в случае, если в наступление переходили украинские националисты. В *Гражданская война на Украине*, т. I, ч. 1: 43-44.

23 Reshetar в Hunczak, *Ukraine*: 173-174; Рафес, *Два*: 82; Христюк, *Замітки*, т. II: 149 и далее; Majstrenko, *Borot'bism*: 56; Равич-Черкасский, *История*: 50; Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. I: 78 и далее.

24 Гольденвейзер, "Из киевских"; Minc в Potichnyj и Aster, *Ukrainian-Jewish Relations*; Рафес, Два: 70 и далее; Margolin, *Ukraine*: 224 и далее; Н. Abramson, "Jewish Representation in the Independent Ukrainian Governments of 1917-20," *Slavic Review*, 3 (1991): 542-50; Рудницький, *Історичні*, т. I: 299-348, т. II: 1-26; S.I. Goldelman, *Jewish National Autonomy in Ukraine, 1917-20* (Chicago, 1968); R.A. Kann, "Karl Renner", *Journal of Modern History*, 3 (1951): 243-49; там же, *The Multinational Empire: Nationalism and National Reform in the Hapsburg Monarchy, 1848-1912*, 2 тома (New York, 1950).

25 Borys, *Sovietization*: 85; Margolin, *Ukraine*: 224 и далее; В.И. Гусев, "Центральна Рада і Бунд", *Укр. іст. журнал*, 10-11 (1992): 24-33; Рафес, Два: 85 и далее; Е. Heifetz, *The Slaughter of the Jews in the Ukraine in 1919* (New York, 1921); L. Motzkin и J.B. Schechtman, *The Pogroms under Ukrainian Governments, 1917-20* (London, 1927), книга носит следы тяжелой атмосферы, создавшейся после убийства в Париже Петлюры Шолемом Шварцбардом (см. Abramson, "Historiography": 37-38).

26 В.П. Затонский, глав. ред., *III Всеукраїнський з'їзд Рад, Стенографічний звіт* (Харків, 1932): 28; *Encyclopaedia Judaica*, т. 13: 699.

27 Лацис (Ян Судрабс), который говорил о 22 расстрелянных в первые шесть месяцев 1918 г. (в *Два года борьбы на внутреннем фронте* (Москва 1920) и *Чрезвычайные комиссии по борьбе с контр-революцией* (Москва, 1921), был вскоре разоблачен С.П. Мельгуновым, *The Red Terror in Russia* (London, 1925), тем не менее, этот обман держался довольно долго. Сегодня выводы Мельгунова подтверждаются многочисленными публикациями. См., напр., А.Л. Литвин, "Красный и белый террор в России," *Отечественная история*, 6 (1993): 46-62; V. Brovkin, *Behind the Front Lines of the Civil War, 1918-22* (Princeton, 1994); M. Buttino, "Etnicità e politica nella guerra civile: a proposito del *basmačestvo* in Fergana", готовится к публикации в *Cahiers du monde russe*.

28 "Доклад начальнику"; *Ukraine. A Concise Encyclopedia*: 740-41; Н.М. Могиланский, "Трагедия Украины," *Архив русской революции*, т. XI: 74-82; Гольденвейзер, "Из киевских": 205-6. Восставшие большевики потеряли 400-500 человек. См.: А. Varmine, *Uno che sopravvisse* (Bari, 1948): 44; Майоров, *Из истории*; Пятаков, "Трагедия". Киевскому восстанию на "Арсенале" Довженко в 1929 г. посвятил свой *Арсенал*.

29 R.V. Daniels, "The Militarization of Socialism in Russia, 1902-1946," *KIARS Papers* 200 (Washington, DC, 1985).

30 R.R. Abramovitch, *The Soviet Revolution* (New York, 1962): 111.

31 Могиланский, "Трагедия": 78.

32 *Великая Октябрьская*, ч. II: 609 и далее, 710-36; *Первый съезд КП(б)У*: 69; Христюк, *Замітки*, т. II: 149-51.

33 М. Френкин, *Трагедия крестьянских восстаний в России, 1918-21 гг.* (Иерусалим, 1987); Graziosi, *The Great Soviet Peasant War*.

34 Протоколы второго всеукраинского съезда советов находятся на сегодняшний день в РЦХИДНИ, ф. 17 (ЦК КПСС), оп. 4, д. 84, 11. 1-20. См. также М. Скрипник, *Консолідація робітничої України в Статті і Промови*, т. I: 368 и далее; Равич-Черкаский, *История*: 51 и далее и Бош, *Год*: 199 и далее.

35 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 4, д. 84, 1. 5.

36 *Гражданская война на Украине*, т. I, ч. 1: 43-44; Бош, *Год*: 196 и далее;

Котов, *Тактика*: 283; *Очерки истории Киевских городской и областной партийных организаций* (Киев, 1981): 211 и далее; Reshetar в Hunczak, *Ukraine*: 174; *Гражданская война*, т. III (Москва, 1930): 60.

37 Н.Н. Попов, сост., *Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов, Документы и материалы* (Киев, 1937): 88 и далее. Книга, содержащая интересные данные, к которым, однако, надо относиться очень критически.

38 P. Holquist, *A Russian Vendée: The Practice of Revolutionary Politics in the Don Countryside, 1917-1921*, PhD Dissertation, Columbia University, 1995: 111; *Гражданская война на Украине*, т. I, ч. 1: 42; Каменский, *От Донбасса к Царицыну*: 9 и далее.

39 L. Trotsky, *The Stalin School of Falsification* (New York, 1972): 210 и далее; Там же, *Stalin. An Appraisal of the Man and His Influence* (London, 1947): 270 и далее и *My Life* (London, 1975): 457.

40 Махно, *Под ударами*: 47-60.

41 Majstrenko, *Borot'bism*: 16 и далее; Holubnychy, *Soviet*: 35; Manilov, *1917*: 447; Mark, "Social Questions"; Христюк, *Замітки*, т. I: 101.

42 *Гражданская война*, т. III: 57; Fedyshyn, *Germany's Drive*: 91 и далее; "Доклад начальнику"; Гольденвейзер, "Из киевских": 205-6; "Вбивство Л. Пятакова"; Sysysn в Hunczak, *Ukraine*: 280-82.

43 Holubnychy, *Soviet*: 45-6; Majstrenko, *Borot'bism*: 89 и далее; Примаков, *Борьба*: 182.

44 Majstrenko, *Borot'bism*: 42 и далее; *Первый съезд КП(б)У*: 24 и далее о поведении украинских социалистов-революционеров, которые на Киевщине ещё весной колебались между Учредительным собранием и советской властью.

45 *Первый съезд КП(б)У*: 69.

Г Л А В А 2

РЕЖИМ СКОРОПАДСКОГО И УКРАИНСКОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В конце апреля немцы решили избавиться от социалистов Центральной Рады и установить новую власть, более соответствующую их идеям и интересам. Таким образом, вследствие государственного переворота возникла гетманщина Скоропадского. Этого бывшего царского генерала, кажется, искренне интересовал украинский национальный вопрос. И поэтому его режим продолжал использовать желто-голубой флаг и защищать основы украинской государственности, что, в принципе, было и в интересах оккупантов. Однако линия защиты частной собственности и опора на старые привилегированные слои, состоявшие в основном из неукраинцев и часто настроенных крайне антиукраински, привела к тому, что в Киеве руководство нового режима и его министерств было сформировано в целом из неукраинцев и поддерживало в той или иной степени “Россию единую и неделимую”. Впоследствии на местах новые власти назначили в качестве своих представителей крупных землевладельцев – в основном русских и поляков, исполняющих, фактически, на местах приказы немцев и австро-венгров (1).

Естественно, что эти события привели к обострению конфликта как между городом и деревней, так и между украинскими крестьянами и “чужеродцами”. Положение осложнилось, кроме того, вследствие проведенных реквизиций, а также из-за

поведения новых властей в области аграрной политики, – право на владение землями, захваченными крестьянами в предыдущие месяцы, было поставлено под сомнение. Несмотря на первоначальные благие намерения и относительную мягкость политики по отношению к деревне, оккупационные власти, тем не менее, должны были считаться с инструкциями Людендорфа. Как это недавно делал Ленин, Людендорф настаивал, чтобы с Украины выжимали “как можно больше зерна и продовольствия” (2).

Обострение ситуации послужило фоном для возникновения сильного напряжения между еврейскими общинами и украинской деревней, где вскоре распространились “слухи об очень тесных связях между евреями и немцами”. Такие слухи, возникшие вследствие общего ухудшения отношений между украинским крестьянством и другими национальностями, проживающими в стране, питались также фактом присутствия некоторых промышленников и банкиров-евреев как в правительстве Скоропадского, так и в немецком оккупационном аппарате. Отдельные люди, как, например, С.М. Гутник, министр торговли и промышленности гетманства, Абрам Добрый или Карл Мельхиор из банка “Варбург”, главный немецкий специалист по финансам на Украине, больше бросались в глаза, чем большинство членов еврейской общины, которые занимали отнюдь не такие важные посты.

Как отметит впоследствии следователь по одному из самых крупных дел по погромам 1919 года, эти слухи усилились также вследствие роли, которую играли еврейские коммерсанты на расцветшем весной 1918 года черном рынке. В этот период продовольственный голод в украинских деревнях впервые принял острейшие формы. Особое место занимали здесь коммерсанты, которые занимались поставками зерна в Австро-Венгрию в обмен на другие товары. Несмотря на то, что они фактически работали на удовлетворение запросов деревни, их считали “чужими” спекулянтами, которые обогащались, пользуясь нищетой крестьян. Этот процесс повторится затем в некоторых бывших колониальных странах после Второй мировой войны, где жертвами станут посредники-индийцы, китайцы и т.д. (3)

Реакция украинских крестьян на политику Скоропадского и его покровителей не заставила себя ждать. Как говорилось выше, перед лицом внешнего врага крестьяне объединялись в движении, во главе которого часто становились зажиточные крестьяне, пострадавшие больше всего от реквизиций (4). Поэ-

тому поднялось всё украинское крестьянство. Победы, одержанные в предшествующие месяцы, и присутствие иностранных войск ещё больше усилило негодование крестьян. Деревня никогда не испытывала поражений и поэтому видела в новом режиме, опирающемся на чужие города и иностранные штыки, лишь силу, которая пытается отнять у них завоевания и мечту о черном переделе, которую они так долго лелеяли и, наконец, осуществили. В конечном счете, как это не парадоксально, деревня набирала энергию и силу вследствие относительного спокойствия, обеспеченного, несмотря ни на что, именно австро-германской оккупацией, которая защищала Украину от тяжелых испытаний, охвативших уже Россию.

Таким образом, украинское и пораженное уже гражданской войной и началом военного коммунизма русское крестьянские движения расходились всё больше и больше. Об этом мы уже говорили и будем иметь случай сказать в дальнейшем. И когда в начале лета 1918 года в России проходила первая волна антибольшевистских восстаний против реквизиций и комбедов, на Украине быстрыми темпами распространялось антигерманское крестьянское движение. Набирало силу движение, которое затем большевики с ужасом назовут украинской крестьянской стихией. Но в конце апреля “Правда”, не подозревая о предстоящих событиях 1919 года, приветствовала его и на своих страницах высмеивала иллюзии “господ империалистов, которые думали, что, заняв несколько главных городов, они тем самым завоюют всю страну...” (5)

Уже в 1918 году в этом движении определились два основных направления, которые станут более явными в следующем, 1919 году: настоящие крестьянские восстания и многочисленное, хотя и ограниченное, но более активное, партизанское движение. Отношения между ними, так как и внутри каждого из направлений, не всегда были гладкими (6). В целом, в новых условиях движение возникло в результате двух знаменательных событий, пережитых народом в 1917 году: пробуждение национального самосознания и победа в борьбе за социальные завоевания. Но его непосредственное происхождение (в особенности это касается партизанского движения) связано с некоторыми особыми событиями. Значительную роль сыграло, например, уже упомянутое антигерманское сопротивление в марте–апреле. Несмотря на то, что в нем участвовало всего лишь несколько десятков тысяч человек, в целом около 40–50.000, включая

и людей Ворошилова (7), в последующие месяцы многие из них стали кадровыми партизанами. Их опыт, а также само их присутствие в немалой степени содействовали возникновению и формированию особых черт явления, которое мы назвали крупным украинским недоразумением 1918 года.

Однако настоящей предпосылкой возникновения партизанского движения весной – летом 1918 года послужило украинское крестьянское движение предыдущих месяцев со всеми его организационными структурами. С 8 по 10 мая 1918 года, например, тысячи делегатов (Майстренко говорит о 12.000) собрались в лесу в окрестностях Киева для участия в тайном заседании Второго съезда украинских крестьян. Среди них были и те, кто в декабре месяце вынудил большевиков покинуть город. Однако сейчас те же самые делегаты проголосовали подавляющим большинством за резолюцию, которая отказывалась от признания правительства Скоропадского и призывала к подготовке восстания через формирование партизанских отрядов. В последующие дни этот призыв был распространен в деревнях в сотнях тысячах экземплярах (8).

Значительную роль здесь сыграло также левое крыло украинских социалистических партий, которые в первые месяцы 1918 года и, особенно, после переворота Скоропадского стали всё больше и больше отходить от своих партий. На четвертом съезде украинских социалистов-революционеров, состоявшемся тоже нелегально в Киеве спустя несколько дней после крестьянского, левые, потеряв при голосовании по резолюциям, смогли, тем не менее, завоевать большинство в новом ЦК. Они обвинили правых в “полной дискредитации имени партии” в массах в результате проведения политики пособничества контрреволюции и объявили подготовку к восстанию первейшей задачей партии. Подобные идеи исходили также и от левого крыла социал-демократов, будущих *незалежников*, призванных сыграть затем важную роль в восстаниях 1919 года.

Если обратиться к более широкому временному отрезку, становятся очевидными тесные связи, в том числе и географические, партизанского движения 1918 года с предвоенными волнениями, в частности, в период 1905–1917 годов. Эти связи были замечены уже советскими авторами двадцатых годов, такими как Кубанин, исследователь махновщины, а также руководством украинского ГПУ, вынужденного в 1930 году противостоять сопротивлению крестьян коллективизации. В своих сводках они

отмечали, что в то время как в 1918–1920 годах восставшие деревни часто становились плацдармом партизанского движения, в 1905 году они были оплотом меньшевиков и социалистов-революционеров (9).

Такая связь подтверждается также биографиями некоторых важнейших политических персонажей 1918 года. Как и вышеупомянутые Махно, Пятаков и Жук – глава банды в 1907 году, членом которой был и Пятаков, возвратившийся на Украину в июне 1918 года, многие из них приняли участие в анархистском и террористическом движении, распространившемся по Украине за десять лет до этого (10). Это движение относилось к национальному вопросу в российской империи не всегда враждебно, что было необычно для анархистского движения. В полемике с Кропоткиным, который, хотя и защищал национализм угнетенных народов, считал, что социальная революция была невозможна до тех пор, пока народ не приобретет независимость. Максим Раевский в *Буревестнике*, например, уже тогда полагал вполне реальным и плодотворным объединение борьбы за национальное освобождение с борьбой за освобождение социальное (11).

Естественно, что среди руководителей нового партизанского движения рядом со “старыми” политическими активистами стояли и многочисленные унтер-офицеры – участники большой войны. Причем многие из бойцов были бывшими фронтовиками, прошедшими через войну в траншеях. И большая часть используемого оружия на первом этапе появилась после сумятицы во фронтовых подразделениях, ускорившейся после заключения Брест-Литовского мира. Он породил ещё одну волну возвращений в деревни солдат-крестьян, не забывавших взять с собой хотя бы одно ружье.

Как отметил Андрей Бубнов на первом съезде Украинской коммунистической партии, после переворота Скоропадского рост этого движения приобрел головокружительные темпы. Не в силах отрицать наличие феномена, Квиринг попытался уменьшить его масштабы, заявляя, что “может быть разговор идет лишь о том, как в деревню пришли германские солдаты, отобрали хлеб, как деревня оказала сопротивление, и как в результате этого возникло сражение”.

Но, если Бубнов пытался лить воду на свою мельницу, т.е. втянуть украинскую партию во всеобщее восстание против немцев, чтобы перевернуть политику, проводимую российской

партией после заключения Брестского договора, в украинских деревнях в действительности происходило нечто большее, чем маленькие стычки местного характера. Согласно сводкам австро-венгерского посла в Киеве графа Иоганна Форгача, в июне в восстание и в партизанскую войну были втянуты уже целые регионы, причем наблюдалось повальное бегство крестьян в леса. К сводкам прилагался список, возглавляемый Киевской губернией, которая уже в 1918 году была эпицентром восстания. Этот перечень подтверждал преемственность партизанского движения с волнениями, предшествующими сопротивлению коллективизации, о котором мы уже говорили.

В конце лета генерал Вильгельм Гренер подсчитал, что немецкая армия в сражениях с крестьянами потеряла почти 20.000 человек погибшими и ранеными, причем сюда не были включены потери австро-венгров. Эти солдаты погибли в столкновениях, представляющих типичные формы крестьянской партизанской войны: ночные нападения на местные гарнизоны и изолированные подразделения, засады и т.д.

В карательных акциях и операциях по “чистке”, проводимых отрядами оккупационных войск, принимали участие и подразделения Скоропадского. Они формировались часто на местах русскими и польскими помещиками из людей старой царской армии, а также добровольцами из обеспеченных семей, выходцев из зон, которые, как известно, были в общем неукраинскими. “Провинившиеся” деревни разрушались, вооруженные крестьяне расстреливались и т.д. И всё же, на фоне того, что случится в 1919–1921 годах и, особенно того, что сделают немецкие войска спустя немногим более двадцати лет на той же территории, поражает относительная умеренность немецких репрессий 1918 года (худшие зверства совершали, в основном, отряды добровольцев из местных помещиков) и попытка не затрагивать национальное достоинство украинцев.

В конце осени, когда потерпевшие поражение австро-германцы объявили о своем нейтралитете, насчитывалось около 30.000 погибшими среди оккупантов и около 50.000 среди крестьян (12). Сплоченность, проявленная в то время украинским крестьянским обществом перед лицом внешнего врага, и сила его партизанского движения подтвердились также успешным сопротивлением реквизициям. Состоящая из сотен тысяч солдат, оккупационная армия все-таки не смогла проникнуть в деревни и взять то, что было запланировано взять. Подсчитано, что

с марта по ноябрь 1918 года страны австро-германского блока получили с Украины около полутора миллионов тонн (т.е. около 90 миллионов пудов) продовольствия, включая и зерновые. Однако эта цифра включает также данные о продуктах, приобретаемых регулярно отдельными солдатами и торговцами, особенно австрийцами. Реквизированное и полученное в обмен на “помощь” Центральной Раде продовольствие, отправляемое затем в Вену, Будапешт и Берлин, на самом деле не превышало 600.000 тонн (около 37 миллионов пудов). По сравнению с первоначальными грандиозными планами, речь шла о явном провале, и действительно, он был признан как немцами, так и австро-венграми (13).

Если поразмыслить о характере украинского партизанского движения, первое, что бросается в глаза – это его разнообразие и неоднородность. Такое разнообразие исходило из природы различных отрядов: здесь были и националисты, и большевики, и анархисты, как русские, так и украинские левые социалисты-революционеры (боротьбисты) (по некоторым вопросам разница между ними была достаточно большой), более или менее независимые зеленые и т.д. Даже легальные правые социалисты-революционеры имели в то время вокруг Одессы свои отряды.

Эта неоднородность в целом была результатом экономического, исторического и этнического разделения Украины на три части: присутствие на юге и на юго-востоке более или менее зажиточных немецких колоний придавало, например, партизанской борьбе в этой зоне антинемецкую направленность особой жестокости. Кроме того, такая неоднородность была связана и с другими факторами, среди которых особым весом обладало, во-первых, местничество – основополагающий элемент всех крестьянских восстаний и, как это не парадоксально, важнейший компонент гумуса и идеологии “интернационала” темных, о котором мы уже говорили, и, во-вторых, случай. Фактор случая, например, привел к тому, что во многих деревнях борьба против немцев была начата и организована представителями различных партий (начиная от боротьбистов из Кобеляков, большевиков, как Котов в некоторых деревнях Екатеринославской губернии, находящейся, кстати, под влиянием Махно и т.д.) и под руководством крестьянских лидеров и атаманов с различными личными качествами и менталитетом (14).

Такой комплекс факторов определил особые черты, присущие партизанской войне в каждом из регионов. Естественно,

что эти характеристики, включая и идеологические, повлияли в дальнейшем на судьбу каждого отряда, приведя к тому, что похожие друг на друга по своей структуре, менталитету, поведению боевые единицы стали убивать друг друга самым зверским образом. Но местничество, различные судьбы и общая картина сумятицы и неоднородности не должны заслонять единство, иллюстрацией которого могло быть, например, победное шествие по городу партизанских отрядов в конце 1918 года. Как отмечал журнал Милюкова, глядя на отряды партизан, в то время было невозможно определить, “где начинался Петлора и заканчивался Пятаков” (15).

Пестрота знамен – красный, черный, желто-голубой, зеленый, иконы, под которыми выступали эти отряды, не должны вводить нас в заблуждение. Движение имело ещё и вторую, более сильную, объединявшую всех природу, проявившуюся, что становится очевидным при внимательном рассмотрении, в самом его хаотическом характере. Все могли быть всем именно потому, что исходили от сильнейших общих предпосылок. Это единство базы выразится в дальнейшем в драматических перебежках целых подразделений, включая и большевистские.

В июле 1918 года, например, в Триполье в союзе с большевиками действовала банда, возглавляемая Зеленым (Данило Терпило). Ядро этой банды составляло около 300 фронтовиков и некоторые местные преподаватели-националисты (и социалисты). В дальнейшем, в 1919 году она стала известна как одна из самых жестоких антибольшевистских банд. Такой же, если не более показательной является история одной из первых большевистских бригад, сформировавшейся в 1918 году вокруг одного путиловского рабочего в Таращанском уезде во время антинемецкого сопротивления. После многочисленных столкновений она приняла участие в восстании, преждевременно начатом Пятаковым в начале августа; часть затем отступила на Левобережную Украину, а часть в нейтральную зону, находящуюся на границе между Россией и Украиной. Отсюда бригада стала поставлять кадры большевистским отрядам, перешедшим в наступление в конце 1918 года. Поздней весной 1919 года бригада стала организатором многочисленных погромов. Выступив в августе под предводительством военкома Таращи против правительства Раковского, бригада стихийно отступила с фронта, оставляя за собой полосу разрушений. В этот же период было заключено соглашение с Зеленым, которое действовало до тех

пор, пока после массового дезертирства из бригады и многочисленных расстрелов большевики взяли бригаду под свой контроль (16).

На базе единства украинского партизанского движения возникло также единообразие программы, культуры и поведения, часто жестокого и “примитивного”, свойственного также партизанским отрядам, связанным непосредственно с большевиками. Как замечал спустя несколько лет тот же Пятаков, и красные казаки тоже бунтовали, когда командиры наказывали виноватых за изнасилования, имели сильные антисемитские тенденции, грабили проходившие эшелоны и входили в стычки с частями ЧК (17). Здесь мы находимся перед лицом постепенного роста и взрыва регресса, жестокости и насилия, явления, которые уже присутствовали в деревнях империи ещё до войны и которые затем подпитали и разожгли мировая война и “Гражданская война”. Этот взрыв, достигший своей кульминации в 1919–1920 годах, имел такие характеристики, что делает невозможной любую идеализацию крестьянского движения.

Противовесом такому общему поведению служила программа, которая независимо от идеологий объединяла, несмотря на небольшие отклонения, подавляющее большинство крестьянских волнений. Она основывалась на изгнании оккупационных сил (поскольку последние состояли из немцев и австро-венгров, украинское партизанское движение приобрело, в отличие от городского национализма, антинемецкий, а не антирусский характер); на захвате и распределении всей земли (уже упомянутый черный передел); на окончании реквизиций и развитии свободной торговли, но только на местном уровне, поскольку к “спекулянтам” из других районов и, особенно, другой национальности (вспомним, что было сказано о посредниках-евреях в 1918 году) были настроены враждебно (кажется, что крестьяне стихийно примкнули к сторонникам различий между рынком и капитализмом, предложенными затем Броделем в своем *Les jeux de l'échange* (18)); на притязаниях на сильную местную автономию – вспомним траншеи, вырытые вокруг деревень, – которая вскоре стала совпадать с понятием “советская власть”, понятая крестьянами, как власть местная; на утверждении местных культурных и религиозных “традиций”; на враждебности в отношении слишком сильного присутствия государства. С этой точки зрения присутствие иностранных войск было максимальным оскорблением местнического и антигосударственного содержания

этой программы, которая, однако, как это не странно, именно по причине своей оппозиции “чужеземному ярму”, приобрела национальный колорит и, значит, какую-то перспективу “государственную”.

В последующие годы эта программа потерпела значительную эволюцию, но что касается социальной её части, она представляла собой одно из многочисленных выражений “эсеровщины” (19), которая также и в России была самой популярной идеологией в годы “гражданской войны”. На сегодняшний день этот факт подтверждается сводками (20), подготовленными в то время ЧК для Ленина и высшего партийного руководства. Чтение этих сводок, однако, не должно удивить тех, кто умел вслушиваться в лозунги больших восстаний 1920–1921 годов.

По многим причинам, о некоторых из которых мы уже говорили, в конце 1918 года как в России в предыдущем году и даже в большей степени, во многих украинских деревнях, угнетённых Скоропадским, подстрекаемых к восстанию коммунистической партией и находившихся в полном неведении насчет острых конфликтов между Москвой и русской деревней, эта эсеровщина стала называться “большевизмом”.

Но единство базы и отличительные черты украинского партизанского движения выражались в противоречивых отношениях между защитой социальных завоеваний осенне-зимнего периода 1917 года (завоевания, достигаемые часто за счет “чужих”), утверждении автономии и местных, т.е. украинских, следовательно, национальных культурных “традиций”, и борьбе с оккупационными силами. Такое переплетение сделало украинскую крестьянскую стихию, уходящую, как отмечалось выше, своими корнями в период пробуждения национального самосознания, прототипом “современного” национально-освободительного движения, наполненного социальным содержанием. Таким образом, оно четко разграничивалось от русского движения, с которым, однако, сохраняло много общего, в том числе и программу (речь идет об интернационале “темных”, к которому мы уже обращались).

Хотя и очевидно, что национальная идеология партизанского движения обуславливалась борьбой против “иностранцев”, она, тем не менее, не была всегда ясной. Иногда она находилась в рудиментарной стадии, сильно варьировалась от одного района к другому – более развита на севере и на западе, и менее на востоке и юге. И не всегда только по причинам этни-

ческого состава зоны. Довольно часто, по причине этнической структуры деревни и популистской природы крестьянского движения само местничество деревни придавало этой идеологии оттенок украинского национализма.

Однако в целом наличие этого феномена было бесспорно. Тем не менее, несмотря на его огромное значение, а, может быть, и по причине его новизны, в то время он не был принят во внимание. Станным образом его не заметило, кажется, и большинство местных большевиков, которые, во главе с Пятаковым, все-таки интуитивно пытались возглавить это движение, взывая к его социальному и национальному содержанию (например, в то время были брошены лозунги против “реквизиций иностранца”). Спустя десятки лет, несмотря на возможность делать умозаключения задним числом, составляющую одну из привилегий исторической науки, иногда и историография разделяла эту слепоту, концентрируя свое внимание лишь на противопоставлении социального фактора и национального элемента.

Единственными, кто понял проблему, были боротьбисты, “желто-голубые коммунисты”, как их называли большевики. Их многочисленные провалы в этот период, интеллектуальная и политическая слабость, были обусловлены противоречиями украинского движения и трудными объективными условиями, в которых оно протекало. Но уже в июне 1918 года в их программах и платформе отразились вопросы, которые в последующие десятилетия будут волновать большую часть нашей планеты. В них можно было прочесть, например, что украинская революция была “не только национальной и политической, но и глубоко социальной” и что украинские “трудящиеся массы” участвовали в “борьбе за политическое, национальное и социально-экономическое освобождение” (21).

Эти вопросы поднимались также небольшой группой украинских коммунистов, о чем мы будем говорить в следующей главе. В дальнейшем они возглавят вместе с боротьбистами, вошедшими в КП(б)У, украинский “национал-коммунизм” двадцатых годов, который станет, согласно многочисленным признакам, преемником движения за национальное и социальное освобождение, являющееся предметом нашего исследования, а также феноменом, представляющим огромный интерес в свете дальнейшего развития событий XX века (22).

Как и “эсеровщина”, о которой мы уже говорили, так и “национальное” содержание крестьянского движения летом

1918 года, как это не парадоксально, стало называться “большевизмом”. Этот факт вскоре заметили как киевские “буржуазные” газеты, которые писали, что “большевизм становится национальным движением на Украине”, так и большевики, к примеру, Затонский. В июле он отметил, что “немцы вешают эсеров за большевизм, крестьяне-повстанцы заявляют: “мы большевики” и конец.”

В одном из своих интервью шведской газете также и Ленин сделал подобное заявление, говоря, что “благодаря немецкой оккупации большевизм на Украине стал своего рода национальным движением”. Но нельзя забывать, что для большинства в партии всё это звучало неубедительно, во всяком случае, они смотрели на происходящее довольно неодобрительно. Например, тогда же состоялся уже упомянутый разговор между Свердловым и Махно. На заявление Махно, что “трудовая украинская деревня, приняв живое непосредственное участие в Революции, стремилась к полному своему освобождению”, Свердлов резко возразил, избегая, в который раз, употребления слова “Украина”: “Что вы, товарищ, говорите... ведь крестьяне на юге в большинстве своем кулаки и сторонники Центральной Рады” (23).

То, что украинское движение явилось в XX веке прототипом великих национально-освободительных движений, основанных на крестьянстве, подтверждается также бесконечным многообразием отличительных черт, которые в дальнейшем будут характеризовать их самых значительных преемников. Вспомним, например, о формах борьбы, оставляя в стороне партизанскую войну, характерную и для многих других менее развитых крестьянских движений с национальной окраской, как, к примеру, “бандитизм” против “пьемонтцев” на юге Италии. В 1918–1919 годах через Украину проходили многочисленные “длинные марши” крестьянских отрядов – знаменитые, под предводительством Махно и менее известные, как отряды из Кобеляков. По всей вероятности, в этой стране впервые осуществлялась теория “длительной борьбы”, опирающейся на деревню и направленной на постепенное втягивание города. После второй мировой войны эта теория приобретет необычайную популярность.

Как ни парадоксально, после провала попытки августовского восстания именно такие закоренелые враги украинских крестьян, как Пятаков и Бубнов, заявили на сентябрьском засе-

дании центрального комитета, а затем повторили на втором съезде украинской коммунистической партии о том, что необходимо было подумать о “длительной борьбе, ожесточенной партизанской войне”, основанной на крестьянстве. Она ослабила бы врага и поставила бы в конце концов рабочих перед необходимостью действовать, и таким образом революция завершилась бы объединением крестьянской “малой войны” и восстания рабочих в городе (24).

Методы репрессий, использованные сначала в вышеупомянутых немецких карательных экспедициях для подавления украинского партизанского движения, а затем большевиками в 1919 году, сильно напоминают события, происходящие в бывших колониальных странах после второй мировой войны. Уже в 1918 году немцам и австрийцам стало ясно, что регулярные войска, в обязанности которых входило подавление крестьянского движения, совершенно не приспособлены к ведению войны такого типа, т.к. здесь требовались иногда действия особой жестокости. Так возник феномен “особых военных формирований”, переросший впоследствии в 1919 году в особые отряды.

Таким образом, украинский опыт 1918 года имеет парадигматичную ценность, особую оригинальность и некое право на первородство во многих историях нашего века. Единственное сравнение можно провести, пожалуй, с Мексикой Запааты и Панчо Вильи (и действительно, это было сделано лучшими немецкими агентами), и может быть, но уже в меньшей степени, этот опыт напоминает Ирландию, хотя здесь исходная точка и развитие событий сильно отличались от украинских (25).

Одновременно совершенно другое направление и развитие получили два других важнейших “национал-социалистических” движений: речь, во-первых, идет о феномене, возникшем в России спустя несколько месяцев после Октябрьской революции, ускорившемся в течение недель, предшествующих Брест-Литовскому договору, и частично разрешенном затем Сталиным (но, на самом деле, никогда не завершеном по причине полумперского характера и идеологического происхождения советской государственной формации); во-вторых, о том, что случилось в Венгрии Бела Куна год спустя. В обеих странах призывали к защите “социалистической родины” от оккупантов и пытались – в Венгрии с успехом – мобилизовать рабочие массы на платформе, объединяющей социальные и национальные требования. Но здесь речь шла о движении городском, возникшем

в недрах государства и общества с имперскими и репрессивными традициями, а, значит, сильно отличающегося от случая Украины.

Принимая во внимание то, что было сказано о городах и об их отношениях с деревней, а также об общей атмосфере насилия, возникшей вместе с первым мировым конфликтом, не приходится удивляться, что такое крестьянское национал-освободительное движение продемонстрировало вскоре худшую сторону национал-социализма. Определяющую роль большой войны подтверждают первые большие погромы, организованные в 1914–1915 годах русскими войсками, разместившимися в недавно завоеванной Галиции. События повторились в 1917 году, когда поражение и падение центральной власти вновь бросило в сторону России отставших от своих частей солдат, часто называвших себя “революционерами”. В начале 1918 года начались насилия со стороны украинских националистов-экстремистов, в какой-то мере обусловленные современным городским идеологическим антисемитизмом. В последующие месяцы с ростом ненависти к городу, всё более и более отчуждающегося от деревни, в украинских деревнях проснулся антисемитизм, имевший прецеденты в XVII–XVIII вв. – упомянутые выше большие погромы. Таким образом, вновь возникло явление “этнической чистки”, коснувшееся также других общин, в частности, немцев на юге, обвиненных, в общем небезосновательно, в коллаборационизме с оккупационными войсками.

Естественно, что в зависимости от зоны этот процесс имел различные сроки и силу (сюда включились также русские городские общины, которые в Донбассе, как и в других “украинских” городах имели сильнейшие народные антисемитские традиции) (26). На Правобережье, например, где связь между еврейскими общинами и украинскими крестьянами была намного более тесной, именно эта близость послужила сначала препятствием, а затем причиной распространения насилия против евреев (27).

Первые погромы, организованные крестьянами и проходившие с жестокостью, которую только можно себе представить, имели место летом 1918 года. Жертв было порядка нескольких десятков (28). Значит, в данном случае возможно утверждение, что в 1918 году желание “этнической чистки” на Украине было ещё слабо выражено. Но в то же время, верно и то, что страна, которая в течение четырех лет подвергалась войне, нашествиям и конфликтам, быстрыми темпами теряла

свои тормоза и становилась жертвой выраженного в особенно острых формах общего процесса регресса и варваризации. Как заявил Бубнов на первом съезде коммунистической партии Украины, в то время нередко на тайных крестьянских собраниях принимались решения о массовом уничтожении по всему уезду всех собственников, а также крестьян, имевших более 20 десятин земли. Не было также редкостью, когда банды, занятые в борьбе против немцев, кроме погромов, устраивали в чужих деревнях (иногда также и в своих) грабежи и применяли насилие, в особенности к женщинам. А в южных районах кровопролитные походы, предпринятые против немецких колоний и менонитов и не только против них, создали Махно славу человека особой жестокости. Большевики не были непричастны к этим зверствам. Напротив, они способствовали этому как своими риторическими заявлениями 1917 года, приветствовавшими гражданскую войну и уничтожение “эксплуататоров”, так и февральскими расстрелами и лозунгами 1918 года. Эти лозунги часто принадлежали перу того же Пятакова, который за год до этого много раз высказывался против насилия и ещё в октябре спорил с другими партийными руководителями, говоря о своей готовности пойти на компромисс, чтобы только избежать “кровопролитий”. Но тот же самый Пятаков, похоронивший истерзанное тело своего брата, отдавая отчет лучше других в хрупкости новой власти, был готов пойти на все, лишь бы укрепить её (29).

Во всяком случае, оставляя в стороне вопрос о роли и мере ответственности различных сил в происходящем, ответственности, которой, безусловно, надо дать правдивую оценку, в период середины 1918 года процесс варваризации, начавшийся на Украине, а также в России, втянувшим в основном мужскую молодую часть населения, стал уже общим неизбежным феноменом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Гражданская война*, т. III: 104 и далее; T. Hunczak, *The Ukraine under Hetman Pavlo Skoropadsky*, в Hunczak, *Ukraine*: 61-81; J. Pelenski, *Hetman Pavlo Skoropadsky and Germany* в H.-J. Torke и J.-P. Himka, *German-Ukrainian Relations in Historical Perspective* (Edmonton, 1994): 69-83.

2 Fedyshyn, *Germany's Drive*: 94 и далее, 106 и P. Borowsky, *Deutsche Ukrainepolitik 1918 unter besonderer Berücksichtigung der Wirtschaftsfragen* (Lübeck, 1970) о точке зрения, противоположной федышинской; K. Vladimirov, “The Causes of Ukrainian Anarchy”, *The New Russia*, II, 15-16 (13 и 20 мая 1920); *Гражданская война*, т. III: 105.

3 Heifetz, *Slaughter*: 7-9, 342; Рафес, *Два*: 60; Fedyshyn, *Germany's Drive*: 189. В Мозамбике, например, после освобождения деревня с радостью восприняла уничтожение посредников индийцев, которые традиционно занимались реализацией и финансированием сельскохозяйственной продукции и считались эксплуататорами и ростовщиками. Однако, их исчезновение стало одной из причин последовавшего затем острейшего экономического кризиса. Николас Спульбер исследовал аналогичные ситуации, касающиеся, например, китайцев в Индонезии и евреев в Румынии. См. также Рудницкий, *Историчні*, т. I: 375-376.

4 На первом съезде украинской коммунистической партии говорилось об участии в восстаниях крепких ствольпинских элементов. В: *Первый съезд КП(б)У*: 104-110.

5 Попов, *Освободительная*: 112-15.

6 Хотя речь шла в обоих случаях о массовом феномене, на Украине, как и в других странах, переживших подобный опыт, сюда вовлекалась только часть крестьянского населения, в процентном отношении большинство состояло из взрослого мужского населения, в частности, из молодежи. С этой точки зрения, эти движения не представляли “всю” украинскую деревню, хотя результаты их голосований, до тех пор, пока голосования были возможны, показывали значительную степень единства по насущным ключевым вопросам. И, конечно, вполне вероятно, что поставленная перед возможностью выбора, как в 1918 г., так и 1919, большинство крестьянского населения выбрало бы мир. Это желание со временем породило враждебное отношение к тем, кто призывал страдать за идеи, которые когда-то разделяли сами же деревни.

7 Попов, *Освободительная*: 78 и далее; Примаков, *Борьба*: 179 и далее; Бош, *Год*: 196 и далее; И.Н. Гриневич, *Борьба за советскую власть в Таращанском уезде*, в: *В защиту*: 155-59; Дубинский, *Червонное*: 34-38.

8 Majstrenko, *Borot'bism*: 62-68.

9 Кубанин, *Кистории*: 100; Graziosi, *Collectivisation*.

10 Здесь стоит заметить, что даже самый крупный лидер русского крестьянского движения “гражданской войны” А.С. Антонов имел подобный опыт. См.: Данилов, *Крестьянское восстание*: 264 и далее.

11 Sysyn в Hunczak, *Ukraine*: 279. И в Италии тоже в конце XIX века анархисты не были безразличны к национальным вопросам. См.: А.Е. Vital, *Patriotic Anarchism: The Case of Italy, 1860-1882*, PhD Dissertation, Yale University, 1992.

12 *Первый съезд КПбУ*: 118-30; Попов, *Освободительная*: 394-95; *Die deutsche Okkupation der Ukraine: Geheimdokumente* (Strasbourg, 1937); Fedyshyn, *Germany's Drive*: 184-187; Н. Котов, *Одно из восстаний на Украине в 1918 г.*, в: *Гражданская война*, т. I: 46-67; Adams в Hunczak, *Ukraine*: 252.

13 Fedyshyn, *Germany's Drive*: 190.

14 Majstrenko, *Borot'bism*: 226-45; Котов, *Одно*: 47; Аршинов, *История*: 60 и далее.

15 Vladimirov, “Causes”; *Первый съезд КПбУ*: 19-29.

16 Майоров, *Из истории*: 846; Гриневич, *Борьба*: 155-59; *Очерки истории Киевских*: 211 и далее.

17 Г.Л. Пятаков, *Мое юбилейное пожелание*, в: *Червонное казачество, Сборник материалов* (Харьков, 1923): 14-15; Adams, *Bolsheviks*: 342; *Первая Червонная, 1917-29* (Москва, 1931).

18 Стоит вспомнить, что квота крестьян в продаже зерновых на длинные расстояния вместе с войной резко сократилась. Одновременно, крупные собственники сократили свое участие на местном рынке, занявшись более доходным делом - снабжением армии и городов. В некотором смысле, преимущественное право крестьян на местном рынке являлось частью социально-экономического регресса, вызванного первым мировым конфликтом.

19 О значении этой эсеровщины автор пишет в своей *The Great Soviet Peasant War*.

20 Мне была предоставлена возможность прочитать сводки ЧК, касающиеся крестьянского движения в годы гражданской войны, благодаря проф. В.П. Данилову, который включил меня в проект по публикации сельсводок, составленных между двумя войнами. Они представлены в: V. Danilov, A. Berelowitch, "Les documents de la VČK-OGPU-NKVD sur la campagne soviétique", *Cahiers du monde russe*, 3 (1994): 17-27 и M. Wehner, "Die Lage vor Ort ist unbefriedigend. Die Informationsberichte des sowjetischen Geheimdienstes zur Lage der russischen Bauern," *Jahrbuch für Historische Kommunismusforschung* (1994): 64-87.

21 Majstrenko, *Borot'bism*: 72 и далее, 246 и далее; Рафес, *Два*: 154.

22 См.: В. Krawchenko, *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine* (London, 1985): 46-112; J. Mace, *Communism and the Dilemmas of National Liberation* (Cambridge, Mass. 1983).

23 Попов, *Освободительная*: 113; *Первый съезд КПБУ*: 161-65; *Очерки истории КПБУ*: 257; Махно, *Под ударами*: 119 и далее.

24 "Из деятельности ЦК КП(б)У и ЦВРК между I и II съездами КПБУ", *Лет. Рев.*, 1 (1927): 134-35, 146-49; *Второй съезд КП(б)У*: 66. Здесь Пятаков заявил, что "вооруженное восстание на Украине примет формы длительной, ожесточенной партизанской войны". См. также: Г.Л. Пятаков, "Итоги и перспективы," *Коммунист*, 7-8 (1918): 3-7.

25 "Доклад начальнику": 288; D. Dittmar, *Land und Freiheit: Machnovščina und Zapatismo* (Stuttgart, 1986); H. Woggon, *Integrativer Sozialismus und nationale Befreiung* (Göttingen, 1990).

26 Wynn, *Workers, Strikes and Pogroms*: гл. 4 и 7. В целом о феномене погромов в царской империи, о котором на сегодняшний день говорится, как о явлении народном и местном см.: O. Pritsak, "The pogroms of 1881," *Harvard Ukrainian Studies*, 1-2 (1987): 8-43, подчеркивающая роль властей; M.I. Aronson, *Troubled Waters. The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia* (Pittsburgh, 1990), анализирующая местные корни, и J.D. Klier и S. Lambroza (под ред.), *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History* (New York, 1992).

27 Рафес, *Два*: 8.

28 Motzkin, *The Pogroms*: 27.

29 Котов, *Одно*: 46 и далее; W. Schroeder, "N.I. Makhno", *Journal of Mennonite Studies*, 6 (1988): 215-218; Adams в Hunczak, *Ukraine*: 252; *Первый съезд КПБУ*: 122 и далее; Бош, *Год*: 42 и далее.

Г Л А В А 3

ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ

Первоначальная реакция большевиков на Украине, количество которых летом 1918 года уменьшилось до нескольких тысяч, на большое крестьянское и партизанское движение, приобретающее размах у них на глазах, может быть восстановлена на основании материалов дискуссий и полемики, имевших место между апрелем и июлем 1918 года, т. е. между конференцией в Таганроге и первым съездом КП(б)У, в котором принимал участие также Бела Кун (1). В процессе этих дискуссий с ясностью обнаружилось три группировки, частично связанные с уже упоминавшимися политическими, географическими и национальными разделениями, присутствовавшими в 1917 году. Этим группировкам было суждено в последующие месяцы быть вовлечёнными во всё более острую борьбу друг с другом.

Первая группировка возглавлялась Пятаковым, который, ещё пять месяцев назад отрицая саму возможность социалистической революции в России, сейчас был одним из лидеров левых коммунистов. Он, как и многие другие из числа последних, подал в отставку с поста Главного Комиссара Госбанка в знак протеста против политики Ленина и “сохранения Советской власти во что бы то ни стало и какой угодно ценой” в России и специально вернулся на Украину в начале марта 1918 года, чтобы продолжать борьбу против немцев за мировую революцию, которой, по его мнению, соглашения в Брест-Литовске нанесли серьёзнейший удар.

С Пятаковым поехал и Бубнов, который до 1919 года являлся его самым близким другом и соратником. На его стороне находились и другие важные руководители, такие, как Станис-

дав Косиор, которого Скрыпник причислял к наиболее фанатичным противникам Брестского договора, а также старые члены киевской группы, близкие к Пятакову уже в 1917 году, как, например, Ян Гамарник.

Данная группировка, вскоре принявшая название “левой”, исходила из убеждения, подтверждённого, как казалось, великими потрясениями 1917–1918 годов, в том, что в мире имеет место решающая и окончательная схватка между капитализмом и социализмом. На основании подобного крайнего схематизма режим Скоропадского воспринимался как средство диктатуры немецкого финансового капитала, а украинская революция – как составная часть мировой революции. Также и по этой причине Брест, равнозначный передаче немцам только что завоёванной Украины, необходимо было решительно осудить, а Украина могла и должна была быть использована для “продолжения” той мировой революции, которая была приостановлена в России ошибочной политикой Ленина. Как заявил на втором съезде КП(б)У в октябре 1918 года другой левый коммунист Карл Радек, Украина в действительности представляла собой “мост, через который идёт европейская революция” (2).

Радек затем добавил, что главной опорой данного моста является крестьянская революция; эту идею разделял также и Пятаков. В июле он заявил, что для него основным уроком, извлечённым из октябрьского чуда, – в реальность которого, напомним, он не мог поверить до последнего момента, – была именно возможность разгромить буржуазию отсталых стран с помощью крестьянской дубины. Этот важный революционный урок, преподанный Лениным-чудотворцем, Пятаков пытался воплотить на практике против Ленина, подписавшего Брестский мир, на Украине в 1918 году. По той же причине Манифест украинского ЦИК, написанный в апреле сразу же после конференции в Таганроге, в создание которого Пятаков внёс существенный вклад, призывал крестьян к восстанию.

Тем не менее, Пятаков не питал иллюзий о будущем отношений между социалистическим режимом и крестьянами. С этой точки зрения он был циничнее Ленина, который действительно верил, хотя и не всегда с одинаковой силой, в возможность управлять совместно с крестьянским большинством. Другими словами, в октябре Пятаков научился ценить гениальную “хитрость” Ленина, не понимая, однако, той кропотливой интеллектуальной работы, которая – как в случае с национальным

вопросом – придавала правдоподобие позиции последнего, скрывая её логические противоречия, и даже частично – несоответствия между идеалистическими высказываниями и конкретными действиями.

Для Пятакова, который с *understatement* называл себя “далеко не большим поклонником крестьянского движения”, речь шла лишь об использовании энергии бедняков и середняков для построения диктатуры пролетариата. Это была, как мы знаем, классическая схема, позднее использованная во многих странах “Третьего мира”: на партизанской крестьянской войне лежала задача по дезорганизации врага и окружения городов. Здесь пролетариат должен был в завершение нанести решающий удар по врагу (необходимо отметить, что, в противоположность теории, на Украине в 1918 году, как затем и во многих колониальных странах после Второй мировой войны, восстания в городах не произошло, и последние были большей частью завоёваны крестьянскими войсками).

То обстоятельство, что украинский пролетариат в большинстве своём отличался по национальности от крестьян, которые должны были привести его к власти, не должно было, казалось, представлять собой проблему. С другой стороны, учитывая, что “реакционная” сущность крестьянского движения, которым, тем не менее предлагалось руководить, не вызывала сомнений, не вызывало сомнений также и то, каким образом новая власть должна была свести с ним счёты. После завоевания власти, заявил Пятаков, “практически проводя социалистические мероприятия в области хозяйства, мы, при победе социалистической революции на Западе, сможем сломить сопротивление крестьянства, которое будет висеть пудовыми гирями на руках и ногах пролетариата”(3). В более общем смысле убеждение в том, что в мире имеет место решающая схватка между финансовым капитализмом и социализмом, заставляло Пятакова ещё более усилить предшествующее систематическое нежелание придавать любую, если не негативную, ценность национальному вопросу. Подобное отношение вело, в свою очередь, к систематической недооценке и, следовательно, к непониманию происходивших явлений: например, как Пятаков, так и Бубнов в 1918 году утверждали, что в партизанском движении украинских крестьян не было никаких национальных элементов.

Слабость этого анализа становится ещё более очевидной, если сопоставить её с интуицией, с которой они предвидели раз-

витие данного движения, чей подъём они с ясностью “почувствовали” с момента конференции в Таганроге. К несостоятельности анализа и точности предсказаний, естественно, имели отношение и личные желания и ожидания. Первая, возможно, происходит также от “незавершенности” ленинских уроков. Действительно, Ленин показал, что можно было использовать крестьян, однако, в национально-освободительном движении в России, стране с имперскими традициями, он не имел ни опыта, ни необходимости (если не иметь ввиду призыва к патриотизму в момент немецкого наступления в феврале). Как нам известно, Пятаков, кроме того, оценил как вредную ленинскую политику в поддержку самоопределения наций, не поняв той центральной роли, которую она сыграла в обеспечении победы большевиков в 1917 году (4).

Несмотря на свои взгляды на крестьянские движения, и осуждение самоопределения наций, в 1918 году Пятаков и Бубнов были вынуждены в собственных интересах взять на себя руководство первым и защищать, с целью обеспечить себе пространство для манёвра против политики Бреста, само понятие Украины и её автономии. Другими словами, левые коммунисты в тот момент употребляли слово “Украина”, мыслили украинскими категориями и желали относительной независимости от Москвы.

Этого было достаточно, чтобы сделать их позицию приемлемой для руководителей украинского происхождения, таких как Скрыпник и бывший меньшевик Затонский, который незадолго до этого присоединился к сторонникам Брестского договора. Последние были согласны стать союзниками левых Пятакова и Бубнова, к которым Затонский впоследствии присоединился, поскольку они желали совершения революции на Украине. Кроме того, они были возмущены поведением донбассцев и их великорусским национализмом, и плохо относились к их защитнику Сталину.

Последний, например, в апреле резко сказал Затонскому, в то время председателю украинского ЦИК: “достаточно играли в правительство и республику, кажется, хватит, пора бросить игру”, вызвав тем самым его энергичный протест (несмотря на это, Скрыпник и Затонский впоследствии забыли и простили подобное имперское поведение и, в конце концов, встали на сторону Сталина, природу которого они, однако, имели возможность распознать).

Несмотря на своё незначительное количество, эти украинские большевики сыграли важную роль также и потому, что вместе с боротьбистами, которых они, тем не менее, резко осуждали, указывая на их, по словам Затонского “гайдамацкий привкус”, придали голос “большевицкому” национально-освободительному движению 1918 года. Уже в марте, например, Затонский выпустил в Бресте, куда он приехал чтобы представлять правительство Харькова, прокламацию, в которой говорилось, что “Германия хочет забрать у нас хлеб, все наши богатства, и политически закабалить Украину” через своих пособников в Центральной Раде. В уже упомянутом манифесте Таганрога, написанном месяц спустя и скрепившем союз между левыми и украинскими большевиками, содержался призыв к борьбе “против захватчиков и угнетателей” украинской свободы и независимости (5).

Противниками этого союза были “правые” Донбасса, которые, как нам известно, после Царицына двойной нитью связали себя со Сталиным. Левым не нравился их “меньшевизм”, их верность Москве и, следовательно, политике Бреста, их оппозиция любой самостоятельной инициативе Украины. Украинцы же были недовольны их открытым презрением в отношении украинского дела, украинцев в целом и украинских крестьян в частности (презрением, разделяемым Пятаковым, который, однако, в тот момент из тактических соображений встал на совершенно иную позицию).

Как мы знаем, в начале 1918 года данная группировка, отказывавшаяся даже мыслить украинскими категориями, попыталась образовать свою собственную независимую республику в тесном контакте с Москвой. Весной она, вынужденная немецкой оккупацией и решениями Ленина разделить судьбу Украины, встала на позицию, с определённой точки зрения близкую большевицкой позиции, предшествовавшей апрельским тезисам. Будучи яростными противниками самоопределения, руководители этой группировки, казалось, в особенности отвергали то, что для Пятакова являлось уроком октябрьского чуда, а именно возможность использовать деревню для свершения “пролетарской” революции. На этом основывалось обвинение в меньшевизме, выдвигаемое против них левыми, обвинение, в ответ на которое они называли Пятакова и его друзей левыми эсерами. Таким образом, внутри большевицкой партии вновь разгорелась жестокая полемика, разделявшая русских социал-

демократов до 1914 года. “Меньшевизм” и открытое недоверие к украинским деревням часто вели правое крыло КП(б)У к защите достаточно разумных позиций. Уже упоминавшийся Яковлев (который затем был Наркомземом в период коллективизации 1929–1930 годов), утверждал, например, что украинские крестьяне в январе были “большевиками” лишь постольку, поскольку хотели получить землю и инвентарь. В мае крестьяне вновь стали ими по причине того, что немцы и Скоропадский крали у них хлеб и землю, однако, в действительности украинское движение представляло собой борьбу середняков против режима помещиков. Оно, таким образом, было чуждо большой схватке между социализмом и капитализмом и, напротив, обладало уже многими чертами, которые Яковлев определял как типичные для “кулацкого восстания”.

Эти крестьяне, добавлял он, были готовы бороться против советской власти, если она продолжила бы свою социалистическую политику в аграрной и распределительной сферах, и борьба эта имела бы намного больший размах, чем в случае с немцами (данное обстоятельство, как нам известно, не отрицалось Пятаковым, который, однако, думал, что, завоевав власть, не составило бы большой проблемы противостоять крестьянскому недовольству). Поэтому в отношении деревни было лучше придерживаться строго классово-политики, полагаться на батраков и бедняков. И для завоевания власти, заключали Яковлев и его товарищи, предваряя позицию, на которую затем встали многие “умеренные” коммунисты европейских стран, следовало ожидать русских войск. Вера в чудо Пятакова и его товарищей (употреблялся именно этот термин), т. е. попытка совершить на Украине независимую революцию, опираясь на крестьян, не могла не кончиться плачевно (6).

На учредительном съезде КП(б)У, имевшем место в Москве в начале июля, союз между левыми и украинцами выразился в избрании узким большинством Пятакова на пост первого секретаря новой партии. В последующие недели вновь избранный секретарь совместно с Бубновым, которому была поручена техническая организация восстаний, многократно призывал к сопротивлению немецким реквизициям и обещал равное распределение земель. Недоразумение, порождённое изначальной ленинской политикой о мире и земле и большевистским сопротивлением немецкому вторжению, сделало, таким образом, ещё один шаг вперёд. Его усилению способствовала также внешняя

независимость украинской партии от Москвы: с целью не ограничивать свободу действий против немцев было принято решение держать в секрете положения, которые формально подчиняли новую партию русской, делая её региональной организацией последней, несмотря на наличие её собственных съездов и центрального комитета (7).

Немного позднее, в начале августа, Пятаков попытался взять на себя руководство украинским движением национально- и социального освобождения, призывая к всеобщему восстанию против Скоропадского и немцев. С незначительными исключениями, данный призыв прозвучал в пустоту, и сами Пятаков и Бубнов не могли отрицать его очевидного провала, который среди прочего, по мнению тех же большевиков, был обусловлен относительной умеренностью немецких реквизиций.

Как тотчас же заметили правые, воспользовавшиеся с помощью Москвы этим обстоятельством, чтобы снять Пятакова с поста секретаря, за этот провал было заплачено дорогой ценой. Многие местные организации остались без прикрытия, и большая часть подпольных структур, созданных в предшествующие месяцы, была разрушена.

Но, как отметил сам Пятаков на пленуме центрального комитета, открывшемся в Орле восьмого сентября, выступая в свою защиту, данный призыв превратил большевиков в глазах многих крестьян в подлинных защитников интересов украинской деревни, и, в любом случае, способствовал закреплению этого представления о них (8).

По словам английского журналиста, сам Пятаков ходил в то время “в длинной дублёрке, остроконечной меховой шапке и с револьвером на боку, и казался одним из разбойников Запорожья из рассказов Шевченко.” Таким же образом одевались многие из его товарищей, которые, как Примаков, требовали называть себя атаманами, многие из партизан 1918 года (“бандитов” 1919), и многие из тех, кто уже тогда топил евреев в Днепре. Можно поэтому понять, почему Милюков и его люди, как отмечалось, серьёзно затруднялись различить, также и по внешнему виду, *кошей* и “красных казаков”, и даже их лидеров (9).

Но Пятаков был русским, сыном крупного сахаропромышленника, родившимся в одном из тех больших имений, засеянных свёклой, которые так ненавидели украинские крестьяне, желавшие получить эти земли. Он был, кроме того, марксистом-догматиком, и даже фанатиком, гиперцентралистом, презирав-

шим национальности, гордым протестам крестьян и, как нам известно, украинцев. По этой причине хорошо знавшие его украинцы, как и руководители городского национального движения, Пятакова ненавидели. Например, в своём дневнике такой искренний социалист, как Винниченко, называл его тогда “росийський комунист-централіст, ворог українського національно-державного відродження” (10). То обстоятельство, что именно он являлся одним из руководителей украинского крестьянского движения за национальное освобождение, и, более того, что он являлся им в качестве секретаря русской партии, как раз и было символом гипертрофии и новых характерных черт, которые приобрело на Украине 1918 года недоразумение, возникшее в 1917 году по причине крушения старой государственно-имперской власти.

Но то, что речь шла о недоразумении, было уже осенью 1918 года известно самим большевистским руководителям. После восстаний против нового государства, благодаря которым русские крестьяне вызвали взрыв его русского варианта, что позволило взять власть в октябре, уже действительно было невозможно сомневаться в этом. Яковлев, который, как нам известно, ещё в июне предостерегал против возможных иллюзий при анализе украинского крестьянского движения, теперь высмеивал “мечтателей из наших левых”. На втором съезде КП(б)У, собравшемся в середине октября, последние были обвинены в своей вере в то, что “они каким-то чудом, силой своей воли, волей отдельных левых коммунаров заставят крестьянское движение стать социалистическим” (стоит здесь упомянуть, что Бела Кун, присутствовавший также на этом съезде, высказал предположение о том, что данное “чудо” можно было совершить посредством массового террора).

С ещё большей остротой Каменев, представлявший русскую партию, отметил, что “в этот момент легко получится такая насмешка истории”, поскольку на Украине коммунисты, являющиеся мировым авангардом, могли прийти к власти, используя “большое стихийное крестьянское движение”, которое, более того, имело национальный характер. Из этого вытекало, сказал в заключение Каменев, “что получилось такое странное, не часто повторяющееся в истории положение, что самые боевые коммунисты опирались на крестьянские элементы с национальной окраской” (11). Наше столетие впоследствии взяло на себя труд опровергнуть утверждение Каменева благодаря многим

десяткам национально-освободительных движений на крестьянской основе, руководимых коммунистами. Подлинное своеобразие украинского случая в сравнении с последующими событиями XX века заключалось разве что в том, что коммунисты принадлежали к другой национальности, т. е. были русскими.

Данному обстоятельству суждено было иметь значительные последствия, и иначе быть не могло, учитывая, что, как вскоре продемонстрировали гротескные эпизоды 1919 года, рабочие и городские революционеры, которые в теории руководили украинским движением, как правило, даже не знали языка тех, кем они должны были “руководить”. Как уже давали возможность предугадать некоторые значительные события, противоположные интересы и верность контрастирующим идеалам этих двух миров могли, кроме того, привести к быстрому “разоблачению” недоразумения. Например, в начале июля, как раз в то момент, когда Пятаков призывал украинские деревни оказывать вооруженное сопротивление немецким реквизициям, А.А. Иоффе по поручению Ленина формально предлагал в Берлине поручить России организацию тех самых реквизиций, произведение которых вызывало у немцев большие трудности, в обмен на часть скопившихся продуктов (12).

На том же, втором съезде КП(б)У, в котором участвовали 114 делегатов от 5000 членов, разногласия между правыми и левыми опасно приблизились к настоящему расколу. Благодаря августовскому поражению, позволившему им разоблачить авантюризм Пятакова и Бубнова, а также поддержке Москвы, правым удалось закрепить победу, уже достигнутую на сентябрьском пленуме, и добиться снятия Пятакова с поста секретаря. Тогда же был избран центральный комитет, полностью подчиненный донбасской группе, в котором фигурировал также Сталин, бывший в тесном контакте с Москвой, от которой партия находилась в полной зависимости также и в отношении финансирования своих ежедневных действий (например, в ноябре Шварц обращался к Свердлову, официально являвшемуся председателем русского ЦИК, но фактически – первым “генеральным секретарём” партии, в которой ещё не было предусмотрено данной должности, с просьбой предоставить сумму в размере пяти миллионов рублей для покрытия текущих расходов в последние месяцы года) (13).

Не без основания Пятаков, Бубнов и Затонский усмотрели в выборе Москвы в пользу правых серьёзную ошибку, обезору-

живавшую КП(б)У как раз накануне того, что, как они чувствовали, должно было стать первым большим пиком партизанского движения, поддерживаемого украинскими деревнями. И действительно, через несколько дней после этого, он был спровоцирован поражением Германии в первой мировой войне, которое все интерпретировали как звон погребального колокола по режиму Скоропадского.

Перед лицом этих значительных волнений и в соответствии со своими представлениями, правые, находившиеся теперь у руля, избрали стратегию ожидания решений из Москвы. Это предусматривало отказ от руководства идущим в деревнях восстанием, поскольку оно требовало перестройки того украинского центра по управлению партизанским движением, который Пятаков и Бубнов пытались создать в предшествующие месяцы и за разрушение которого боролись правые.

Безусловно, уже 11 ноября, т. е. сразу же после немецкой революции, Москва приняла решение создать украинский фронт, изначально названный Группой курского направления, главой которого был вновь назначен Антонов-Овсеенко. Однако данное решение не было выполнено, и, более того, генеральный штаб продолжал свою политику, направленную на использование на Дону, против Краснова, уже малочисленных войск, расположенных на юго-западе.

Таким образом, фактически, в тот решающий месяц, каким явился ноябрь 1918 года, большевики оказались лишёнными центра, который управлял бы операциями на Украине. Это вызвало возмущение Пятакова, Бубнова, Затонского и Антонова-Овсеенко, которые чувствовали свою правоту, наблюдая за тем, как бездействие правых давало руководство идущим широким крестьянским движением в руки Петлюре, который с только что созданной Директорией уже 15 ноября объявил о всеобщем восстании против режима Скоропадского. Пятаков видел в этом начало реализации опасений, выражаемых ещё с июня, когда он был обеспокоен тем, что недостаточная инициативность большевиков могла способствовать передаче в руки националистов руководства крестьянским движением, которое, как нам известно, считалось совершенно чуждым национальному вопросу.

20 ноября руководители левых получили, наконец, разрешение на формирование украинского правительства, но лишь 28 ноября Москва позволила сообщить об этом. Естественно, это были недели жестоких столкновений. В частности, Антонов-

Овсенко имел острые дискуссии с И.И. Вацетисом и центральным командованием, которые были убеждены в том, что главный враг находится на Дону, и отнюдь не спешили открыть новый фронт на Украине, считая подобное решение опасным с военной точки зрения, и не осознавая заключавшихся в нём политических возможностей. Пятаков, Бубнов и Затонский имели, в свою очередь, многократные столкновения со Сталиным, комиссаром по национальностям, защитником правых, ставшим по собственной инициативе ответственным за весь “Юг”. Например, 23 ноября Пятаков телеграфировал Сталину и центральному комитету, что “сейчас на Украине для широких масс имеются два борющихся центра: петлюровцы и гетман. Советский центр отсутствует. Ваше запрещение опубликовать манифест (новорожденного правительства – А. Г.) мы рассматриваем как крупную политическую ошибку”.

В следующие дни Пятаков и Затонский обвинили Сталина и русскую партию в том, что они “делали ставку” на переговоры с Директорией, и потребовали их немедленного прекращения. В конце концов, Сталин, решающую роль которого имеет смысл подчеркнуть, убедился в необходимости изменить политику и после ужина с Затонским решил согласиться на создание нового правительства. Тогда же грузин завоевал Затонского своей способностью действовать, практичностью и реализмом. В частности, он мотивировал тогда своё отстранение от правых словами “всякому овощу своё время”, которые говорили многое о его политической эластичности (14).

Новому правительству, сформированному в вагоне на станции Курска, которому суждено было остаться его резиденцией на некоторое время, не были даны ни обещанные средства, ни войска. Его лидеры, тем не менее, решили действовать самостоятельно. Пятаков, являвшийся премьер-министром нового правительства, тотчас же распространил недавно упомянутый манифест, в котором он вновь совершенно лживо обещал равное распределение земель. С помощью изданных через короткие промежутки времени декретов правительство, включавшее в себя также Ворошилова, Артема, Квирина, Затонского, В.К. Аврина и Ю.М. Коцюбинского (подписывавшегося русским вариантом своего имени), поспешило затем создать тот аппарат насилия, который Пятаков и его товарищи считали ядром государственной власти. Действительно, они знали, что последний им понадобится в скором времени для использования против тех

же самых крестьян, которых они стремились обольстить манифестом. В частности, за последним последовали декреты о создании Отдела внутренних дел, об организации власти на местах, многозначительно доверенной комбедам, о создании Отдела войны и т. д. Первый декрет, обладавший содержанием, которое каким-то образом можно было охарактеризовать как социальное, был двадцать третьим; он был, однако, посвящен национализации, и, следовательно, также был направлен на укрепление государства.

В военном отношении полемика с Вацетисом и центральным командованием продолжалась, по крайней мере, до начала января, когда также и Троцкий убедился в правильности инициативы “украинцев”.

Таким образом, в первые решающие недели последние были вынуждены действовать в одиночестве, что сильно отличалось от событий предыдущего года, когда, как признал сам Квириг, “победила Советская власть на Украине не внутренними силами”. И немного пользы было бы от малочисленных и плохо вооруженных русских и венгерских контингентов, а также двух украинских партизанских “дивизий”, сформированных в предыдущие месяцы в нейтральной зоне (составлявших на 27 ноября 9.000 человек и 400 шашек с 30 пулеметами, 22 пушками и бронепоездом), если бы затем многочисленные партизанские крестьянские отряды, которые ещё в начале декабря пребывали на стороне Петлюры, не высказались в просоветском духе (15).

Следовательно, по крайней мере, в первый момент, Москва пыталась придерживаться в отношении правительства Пятакова намеренно двусмысленной политики, состоявшей в предоставлении ему широкой свободы действий без необходимой поддержки. Кроме того, она была готова отказаться от “авантюры” в случае провала и также по этой причине продолжала переговоры с Винниченко. Двусмысленные с самого начала последние, однако, стали действительно фиктивными после взятия Харькова в начале января, когда Москве стало ясно, что авантюра Пятакова и его соратников имела большие шансы на успех.

Реальная двусмысленность Москвы, а также конфликты, противопоставившие в ноябре-декабре русский центр и левое крыло КП(б)У, способствовали созданию капкана, в который под влиянием своих иллюзий о возможности соглашения

с Лениным попали руководители левых националистов. Последние, по крайней мере до конца января, а может быть даже и позднее, продолжали верить, что Москва действительно ведет честные переговоры с ними, и видели в Пятакове “авантюриста и украиножера” (авантюриста и украинофоба), виновника провалов и конфликтов (16).

Возвратимся, однако, к последним неделям 1918 года и к отчаянию, которое охватило тогда Пятакова и его соратников при виде сотен тысяч украинских партизан-крестьян, занимавших, формально в ответ на призыв Директории, один город за другим.

Так нашел своё подтверждение факт наличия огромной энергии, заключавшейся в украинском крестьянском обществе. Александр Бармин, впоследствии важный советский деятель и автор после своего бегства на запад в одной из лучших книг воспоминаний по истории СССР вспоминал следующее о взятии Киева “войском Петлюры”, имевшем место 14 декабря:

“Я ожидал увидеть конные эскадроны в украинской форме, но вместо них пред моим удивленным взором предстали тысячи саней и повозок, окруженные, как казалось, восставшим народом. Толпы крестьян мешались с неопишными солдатами без каких-либо знаков отличия. С множеством гранат за поясом, с перевязями из патронов, перекрещенными на груди, они имели такую разнообразную коллекцию оружия, какую только можно себе представить, от карабинов до примитивных пик. Время от времени проезжал пулемет на старой крестьянской повозке. Многие из них имели с собой жен, а некоторые также и детей, и маршировали с песнями, (было бы интересно знать, что они пели – см. ниже, А. Г.), под аккомпанимент гармонии. Одни были веселы, другие – мрачны. Среди цветов их знамен над украинскими желто-голубым преобладал красный. Наблюдая за этой рекой, бурлившей по улицам Киева, мы поняли, что речь шла о чем-то большем, нежели вступление Петлюры. Это был марш крестьянской революции (17)”.

Также и другой большевистский руководитель Киева, М.М. Майоров, который оценил вооруженную сплошную крестьянскую массу приблизительно в 50.000 человек, был удивлен преобладанием красных знамен с надписью “*За владу Рад*” и почти полным отсутствием желто-голубых. Он вспоминал, что Зеленый, в то время уже командир дивизии, отправил тогда делегацию в большевистский обком с тем, чтобы просить об уста-

новлении советской власти (18). Одновременно Махно вступал в Екатеринослав, а Харьков брали другие банды “анархистов”. В последующие недели другой крупный лидер партизан Матвей Григорьев занял Одессу и главные города побережья.

Повсюду взятие городов сопровождалось гигантскими и жестокими погромами и систематическим грабежом. Вагоны с награбленным отправлялись затем в деревни – крепости восставших, где их содержимое бесплатно раздавалось населению (19). Уже упоминавшийся острый дефицит товаров, который особенно с 1917 года угнетал деревню, был таким образом, по крайней мере, частично, удовлетворён. Однако, с другой точки зрения, это явилось ещё одним важным этапом в процессе обострения уже и без того напряженных отношений между “чуждыми” городами и украинскими деревнями. Крестьяне-партизаны, грабившие города, отдавали себе отчет в том, что их жители, включая русский и еврейский пролетариат, “косо посматривали на украинское село” (слова Затонского). И это удваивало их усердие.

По другую сторону баррикад городское население сделало ясный выбор. Рафес напоминал, например, как в Киеве, в дни, предшествующие вторжению, даже такая традиционно социалистическая и прогрессивная газета, как *Киевская мысль* (где Троцкий опубликовал свой отчет о войне на Балканах) “пела дифирамбы объединителям России, обливая грязью те революционные массы, которые под ружьем стояли недалеко от города”. Лишь еврейские социалисты из Бунда, хотя и с тысячей предосторожностей, приветствовали вход восставших в Киев (20).

В то же время, развал немецких и австро-венгерских оккупационных войск, которые, как вспоминал Деникин, прекратили своё существование в течение недели, а также распад подразделений Скоропадского, составлявших в целом сотни тысяч человек, явились благоприятным случаем для общего вооружения деревень и партизан, в том числе большевиков. К ружьям и пикам, увиденным Барминым, прибавились тогда сотни пушек и тысячи пулеметов, в то время как переговоры с немецкими полками, заинтересованными лишь в возвращении домой и готовыми заплатить за это любую цену, стали одним из наиболее важных видов деятельности всех революционных руководителей на Украине от националистов до большевиков (21).

Итак, большая крестьянская война 1918 года, казалось, окончательно подтвердила опасения Пятакова, т. е. способство-

вала закреплению Петлюры в западных районах и Махно и Григорьева в южных. Тем не менее, что бы ни думал Пятаков, это закрепление не было исключительно результатом задержек Москвы и ошибочного политического выбора правого крыла КП(б)У. За ним стояло разделение Украины на три части, на которое мы неоднократно указывали, и, особенно национальный характер украинского партизанского движения.

В конце 1918 года, однако, все большевики, от Пятакова в Курске до Ленина в Москве, недооценивали данный его характер ещё в большей степени, чем в начале года. Подобное отношение, как казалось, было оправдано подтверждением влияния советского мифа в среде восставших (вспомним впечатления, вызванные их входом в Киев) и дискредитацией, постигшей Раду, и начинавшей постигать Директорию во многих зонах страны, и, в особенности, в её восточных регионах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *История КПСС*, т. 3: 404; *Первый съезд КП(б)У*; Равич-Черкасский, *История*; Скрипник, *История*: 132-235; *История КП(б)У в материалах и документах*, выпуск второй, 1917-20 г.г. (Київ, 1934): 320 и далее.

2. Манилов, 1917: 36; Бош, *Год*: 36-42; *Второй съезд КП(б)У*: 96 и далее; Г.Л. Пятаков, "Надгробное слово "Тезисам" тов. Скрипника", *Коммунист*, 3-4 (1918): 17-21.

3. "Из деятельности": 131-33; Попов, *Освободительная*: 416-24; Равич-Черкасский, *История*: 62-3; Пятаков, *Пролетариат*; Пятаков, "Итоги": 6; *Второй съезд КП(б)У*: 131-39; *История КП(б)У*, т. 2: 320-21; *Первый съезд КП(б)У*: 98-103. Данная позиция Пятакова была сходна с позицией Троцкого, высказанной в 1905 году, отличаясь от неё, однако, в отношении той роли, которую Пятаков в 1918 году, под влиянием уроков Октября, приписывал крестьянскому "средству" для свершения революции в отсталой царской России – революции, завершающейся в любом случае столкновением с крестьянством, для победы над которым была необходима поддержка "западного пролетариата" (Сталин затем показал, что это было не так, и что советское государство было в состоянии самостоятельно справиться с этой проблемой).

4. *Первый съезд КП(б)У*: 46, 61, 90, 118.

5. Скрипник, *История*: 223 и далее; Пятаков, "Надгробное"; Попов, *Освободительная*: 42-6, 49, 358; Супруненко, *Очерки*: 41; Бош, *Год*: 202 и далее; *Очерки истории КП(б)У*: 241 и далее.

6. *Первый съезд КП(б)У*: 67-70, 90-8, 125-30; Равич-Черкасский, *История*: 58 и далее; *Второй съезд КП(б)У*: 82 и далее, 141 и далее.

7. "Из деятельности": 126-27; Попов, *Освободительная*: 49-60; Супруненко, *Очерки*: 191-93; *Очерки истории КП(б)У*: 244-49. Показательно, как группа Донбасса отнеслась к созданию КП(б)У. В письме, отправленном 10 июля 1918 года Шварцем и Межлауком в российский Центральный комитет

говорилось, что собрание комитетов партии Юга России, имевшее место в присутствии Свердлова, посчитало необходимым создать отдельную украинскую коммунистическую партию “в дипломатических целях (для сложения ответственности с РКП за действия её украинских членов)” в: *Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов*, т. 3, март-июль 1918 г. (Москва, 1967) : 348-49.

8. “Из деятельности”: 131; *Переписка секретариата ЦК РКП(б)*, т. 4, август-октябрь 1918 г. (Москва, 1969): стр. 187 и далее; *Второй съезд КП(б)У*: 100-5; Майоров, *Из истории*: 87 и далее; Пиріг, “Діяльність ЦК”: 43; Пятаков, “Итоги”: 3-6; Равич-Черкасский, *История*: 84 и далее.

9. Price, *Reminiscences*: 349; Heifetz, *Slaughter*: 146 и далее; *Гражданская война на Украине*, т. 1, ч. 1: 524; Vladimirov, “Causes”.

10. *Марийский свеклосахарный завод, Отчет за 25 лет* (Киев, 1909); “Памяти Леонида Тимофеевича Пятакова”: 3-10; Majstrenko, *Borot'bism*: 107; Iu. Bogys, “Who Ruled the Soviet Ukraine in Stalin's Time”, *Canadian Slavonic Papers*, 2 (1972): 213-34; В.К. Винниченко, *Щоденник*, т. 1, 1911-20 (Edmonton, 1980): 341.

11. *Второй съезд КП(б)У*: 10-8, 122, 135-66.

12. Fedyshyn, *Germany's Drive*: 189-93.

13. *Второй съезд КП(б)У*: 15; Равич-Черкасский, *История*: 90 и далее; “Из деятельности”; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 4, д. 84, 11. 22-35.

14. Adams, *Bolsheviks*: 48 и далее; Антонов-Овсенко, *Записки*, т. 3 (Москва, 1932): 10 и далее; М. Рубач, “К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины”, *Лет. рев.*, 4 (1924): 151-65; В. Затонский, “К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины”, *ibid.*, 1 (1925): 139-49; *История КП(б)У*, т. 2: 321; *Первый съезд КП(б)У*: 16; РЦХИДНИ, ф. 558 (Сталин), оп. 1, д. 1812, л. 3. Сталин держал в своих руках с момента их рождения как Реввоенсовет (РВС) Северного Кавказа, образованный в июле 1918 года, так и Южного Фронта, заменившего его в сентябре.

15. *Первый съезд КП(б)У*: 5 и далее; Антонов-Овсенко, *Записки*, т. 3: 13-29 и далее; Adams, *Bolsheviks*: 31 и далее; *Гражданская война*, т.3: 138 и далее; *Гражданская война на Украине*, т. 1, ч.2: стр. 31 и далее; *Узаконения и распоряжения Рабоче-Крестьянского Правительства Украины за 1919 год* (Харьков, 1923): 5-12; *Второй съезд КП(б)У*.

16. Пятаков, “Надгробное”: 18; *Гражданская война на Украине*, т.1, ч.1: 456 и далее; Винниченко, *Відродження*, ч. 3: 158 и далее; R.S. Sullivant, *Soviet Politics and the Ukraine, 1917-57* (New York, 1962): 47; M. Stachiw и N. Chirovskyy, *Ukraine and the European Turmoil, 1917-1919*, (New York, 1973): 105, 224 и далее; Христюк, *Замітки*, т. 4: 31 и далее.

17. Varmine, *Uno che sopravvisse*: 50.

18. Майоров, *Из истории*, 96 и далее.

19. Котов, *Одно*: 56; Волковинский, *Махно*: 50 и далее.

20. *Узаконения*: 25; *Второй съезд КП(б)У*: iv и далее; Рафес, *Два*: 106, 115-19.

21. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 130 (Совнарком), оп. 3, д. 258 относительно телеграмм Пятакова и Ленина в январе 1919 года; Рубач, “К вопросу”: 151 и далее; Антонов-Овсенко, *Записки*, т. 3: 94; Fedyshyn, *Germany's Drive*: 249 и далее; Denikin, *Turmoil*: 14

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1919

Г Л А В А 1

ЕЩЕ ОДНА ЛЕГКАЯ ПОБЕДА

Иллюзии большевиков насчет природы украинского партизанского движения подтвердились, как казалось, легкостью, с какой Пятаков и его окружение, взяв в свои в руки политическую инициативу, смогли повернуть в нужное русло ситуацию, которая казалась совершенно безнадежной. Несмотря на слабую поддержку из Москвы, новому большевистскому правительству в течение нескольких недель удалось, хотя бы формально, утвердиться на территории почти всей страны. Победа, которой предшествовало в начале января взятие Харькова, была окончательно утверждена пятого февраля завоеванием Киева.

Необычайная легкость, с которой досталась победа, была обусловлена поведением партизанских отрядов, покинувших Петлюру и перешедших массами на сторону “советской власти”. Начавшись с отряда численностью немногим больше 8.000 человек, сформированного на волне сопротивления режиму Скоропадского, националистическая армия к концу года насчитывала уже более 100.000 бойцов. Но почти сразу начался её драматический распад: уже в феврале Петлюра мог рассчитывать лишь на *Сичових стрільців* и на некоторые отряды с численностью воинского состава немногим более 20.000 человек.

Между тем численность армии Антонова-Овсенко возросла с 8–9.000 человек в середине декабря 1918 года до 46.000 в конце января 1919 года (другие данные говорят о немногим более 30.000 единиц). Такой быстрый рост позволил её командирам поставить цели, идущие намного дальше предвиденных и указанных Москвой, и как бы поставили вне всякой дискуссии

её аргументы в полемике с Вацетисом. В то же время потоки вливающих в украинскую Красную Армию партизанских отрядов разрушили то немногое, что было в ней организованного и надежного (1).

Перед лицом такого поворота дел отчаявшийся Петлюра попытался любой ценой сохранить хотя бы то, что осталось от его армии и верность атаманов, постепенно выходявших из-под его контроля. Он это делал в обход всех политических тенденций, иногда достаточно далеких от его убеждений, и, особенно, закрывая глаза на их преступления. Таким образом, он как бы давал карт-бланш Петру Болбочану, который, казалось, на Левобережье предпочел борьбе с украинскими социалистами борьбу против русских и укрывал ответственных за все учащающиеся крупные антисемитские погромы.

Такое поведение, вызвавшее гнев Винниченко и левых националистов, во всяком случае, не принесло ожидаемых плодов: Петлюра был покинут и затем атакован даже атаманом Зеленым, чья Днепровская дивизия превратила Киевскую губернию в один из центров восстания против украинской Директории, Соколовского, Григорьева, Ткаченко, Татаренко и одного из организаторов кровопролитных погромов, Ангеля (2).

В январе-феврале 1919 года последние сделали несколько попыток, и часто небезуспешных, договориться с большевистским правительством. Григорьев, например, сообщал в правительство, что “у нас движение почти исключительно левоэсеровское, но у меня лично начальник штаба и помощник — большевики”. Вскоре его войска перешли, хотя бы формально, под командование Антонова-Овсеенко. Одновременно было достигнуто соглашение, согласно которому 15.000 бойцов Махно включались в состав второй украинской армии в качестве независимой бригады (3). За соглашениями такого рода и за быстрым распадом армии Петлюры стоял боротьбистский, анархистский и пробольшевистский характер многих партизанских банд. На Левобережье, например, победа просоветских левых была облегчена благодаря, кроме вышеупомянутой политики Болбочана, сильнейшему влиянию боротьбистов, что косвенно подтвердил также Григорьев своими заявлениями.

Это было влияние, которое не смогло, во всяком случае, перейти в реальную способность управлять. Кроме общих препятствий, которые встречались на пути всех групп, находящихся в борьбе за построение и управление новым украинским госу-

дарственным образованием (вспомним, например, о силе местничества и об атаманщине в крестьянском движении), борьба боротьбистам помешала уже упомянутая ограниченность, как численная, так и качественная, её кадров, а также препятствия, которые создавала их же идеология. И поэтому совершенно неудивительно, что в начале 1919 года эти несколько тысяч неопытных молодых людей, искренне верящих в марксизм и интернационализм, а, значит, неспособных правильно оценить объективную роль большевиков, не смогли сформировать, несмотря на многочисленные попытки, ни своей армии, ни своего правительства (4).

В те же недели эволюция влево и в сторону просоветизации социалистов-революционеров, приведших за несколько месяцев до этого к возникновению группы боротьбистов, стала стремительно захватывать и другие украинские социалистические партии. В этот период почти от всех от них отделились левые просоветские группы. 12 января, например, возникла организация незалежников, которые с 22 числа того же месяца стали выпускать свой печатный орган *Червоный Прапор*.

Заявления о намерениях, опубликованные в этой газете в первом же номере, завершались лозунгами “Да здравствует независимая украинская социалистическая республика!”, “Да здравствует власть Советов рабочих и крестьян!”, “Да здравствует дружба социалистических республик!”, “Все на борьбу против реакции и империализма!”. Эти заявления выявляли реальное желание независимости и такие же реальные социалистические стремления новой партии. В то же время это был просвет на новом важнейшем этапе процесса утверждения большевистского мифа на Украине, который получил решающий импульс от “победы” революции в Германии. Эта победа убедила даже меньшевиков Бунда в необходимости поддержки большевиков, против которых они выступали до этого момента. После берлинских событий социалистическая революция в отсталой России казалась уже действительно возможной. Это была другая из причин быстрого разложения фронта и национальной армии, ускоренного вышеупомянутыми трещинами, возникшими внутри украинских партий, и вследствие поражений и драматических событий следующих недель. Одновременно, столкнувшись с недоверием Москвы, которая ещё в январе 1919 года делала вид, что вела переговоры с делегацией Директории, возглавляемой Юрием Мазуренко, главой левой, просоветской фракции украинской

социал-демократической партии, часть руководства национального движения, стоявшая на позициях социалистов, резко переместилась вправо.

Между тем другая часть не столь просоветски настроенных левых решила покинуть Директорию, спровоцировав тем самым её раскол. Это были Христюк и Винниченко, которые видели в атаманщине и в её лидере Петлюре, с одной стороны, и в Пятакове, с другой, виновных в провале украинской революции (впоследствии Винниченко назовет одну из глав своей книги *Видродження нації – Пятаковщина служить отаманици*). Во всяком случае, не ошибался Христюк, определивший впоследствии первые месяцы 1919 года, когда украинская советская революция встала на антипетлюровские позиции, как период настоящей "украинской гражданской войны" (5).

В большей степени, чем украинские партии, главными действующими лицами в этой гражданской войне и в этой революции были разного рода партизанские отряды, формальные политические связи которых были очень ненадежны. Эти отряды являлись частью украинского национально-освободительного движения с социальным содержанием, основу которого составляло крестьянство.

Однако суть этого движения продолжала оставаться неясной как для большевиков, так и для большинства лидеров-националистов. Охваченные отчаянием, вызванным поражением, эти лидеры, казалось, ещё отрицали глубокие связи, объединяющие, несмотря на все противоречия, крестьянское движение с национальным. В выводах расследования, проведенного Петлюрой с целью выяснения причин быстрого разложения его войска, говорилось, например, что "большинство солдат были крестьянами и они восставали в большинстве случаев по социальным мотивам. Только небольшая часть их руководствовалась здоровыми национальными чувствами". Винниченко добавлял, что уже через восемь месяцев иностранной оккупации и реквизиций, проходивших под желто-голубым флагом, многие крестьяне, говоря о победе Советов, благодарили бога за исчезновение Украины.

Подобные комментарии были нередки. Без сомнения, опоздание Директории в проведении аграрных реформ вместе с отрицательным восприятием действий Центральной Рады подтолкнуло малоземельных крестьян к вооруженной борьбе против Директории именно в тот момент, когда часть зажиточных крестьян, в большей степени разделявших её действия, возвращалась

к своей земле (за распадом националистических формирований стоял также и этот феномен).

Однако во многих крестьянских советах, а также во многих красных партизанских отрядах вместе с революционными песнями, которые пела вся Европа, пели *Заповіт* Т. Шевченко и *Ще не умерла Украина*. Поэтому Директория также была дискредитирована из-за ведения переговоров с французами, в которых, казалось, выявлялась готовность продать за бесценок национальную независимость иностранцам. Именно так как поступила Центральная Рада с немцами. В конце января распространилось известие о переговорах такого рода, которые велись секретно с командованием высадившихся в Одессе войск. Этот факт вызвал отрицательную реакцию не только у большинства крестьян и многочисленных партизанских отрядов (вспомним, что Григорьев и его люди изгнали в последующие недели французов и греков с берега Черного моря), но и в среде разного рода националистически настроенной интеллигенции, особенно левой. В частности, этого было достаточно, чтобы поставить Директорию в трудное положение даже на организованном ей самой Трудовом конгрессе (6).

Объяснение этой сложной ситуации каким-либо одним мотивом только идеологического, социального или национального характера – не представляется возможным. Напротив, эта сложность, может быть ещё одним объяснением природы национально-освободительного движения, наполненного сильным социальным содержанием проходившего тогда восстания. Это подтвердилось достаточно скоро, когда выяснилось, что подавляющее большинство партизан, перешедших на сторону Антонова-Овсеенко, готовы были сражаться против “буржуазного” национализма, но не за российское правительство.

Однако, как мы уже говорили, лидеры и этого правительства не смогли понять в то время сути происходящего. Январские военные успехи, как им казалось (так думал, в частности, Пятаков), подтвердили правильность недооценки украинского национализма. Таким образом, они пришли к убеждению, что крестьяне, которые, как и на Киевщине, “называют себя большевиками”, были ими действительно, хотя и поддерживали банды Зеленого. Категорически исключалось также, что украинские партизанские отряды были заражены национализмом. Напротив, было распространено мнение, что в них “нет совершенно национальных тенденций”.

Еще более удивительно, что легкие победы ввели в заблуждение и Москву. Даже Ленин, который в 1914 году поддержал право Украины на независимость и ещё год назад призывал к “национальному архитакту”, сейчас заявлял, что “Украина отделена была от России исключительными условиями и национальное движение не пустило там корни глубоко. Насколько оно проявилось, немцы вышибли его”.

Абсолютное непонимание значения последствий австро-германской оккупации в украинских деревнях было налицо. Знаменателен был также тот факт, что Ленин чувствовал себя в полном праве классифицировать Украину вместе с Доном как “окраину России”. Он заявил об этом на VIII съезде партии, состоявшемся в конце марта 1919 года (7). За несколько недель до съезда Ленин шутливо спросил Раковского, посланного на Украину, чтобы заменить Пятакова во главе государства, не мог ли он найти в своем роду какую-нибудь украинскую бабушку, чтобы оправдать свое назначение на эту должность.

Раковский во многих смыслах был одним из лучших большевистских лидеров и в дальнейшем очень часто и искренне защищал право украинцев на свою государственность. Тем не менее, общая тенденция недооценки украинского национального чувства укоренилась и в нем, приняв не только более острые формы, но и явно антиукраинский характер. Будущий глава украинского правительства непосредственно перед своим отъездом в Харьков на страницах “Известий” высмеивал интеллигентов, которые “выдумали” украинскую нацию. 13 февраля, сразу после вступления на должность первого министра, Раковский заявил, следуя старым традициям царской империи, что использование украинского языка в качестве национального было реакционно и абсолютно не нужно. А тем, кто советовал ему считаться с крестьянами, Раковский отвечал, что крестьяне считали себя русскими (8).

В те же дни в Киеве большевики во главе с Бубновым резко отошли от политики союза с украинскими просоветскими партиями. Эта политика первых недель нового года привела к формированию в городах нового органа власти, в котором были представлены также и левые националистические партии. Комментируя эти события, “Червоный Прапор” писал, что новая власть пришла в город “як завойовник, як окупант”. Она называла себя “украинской”, но украинские социал-демократы, хотя и не исключали ещё возможности сотрудничества с ней, не мог-

ли, естественно, считать её таковой (9). И так, уже в начале февраля стало очевидно, что победу одержали не только партизаны или Пятаков, но и Россия, хотя и её непосредственное участие в событиях было сильно ограничено. В конечном счете, Россия просто совершенно “естественно” заполняла пустоту власти, образованную после отступления немцев, пользуясь тем, что сами украинцы были не в состоянии этого сделать. Но надо учитывать и тот факт, что в условиях 1918–1919 годов, перед лицом необычайного развития украинского крестьянского движения, только русский антипомещичий центр мог стать базой для реконструкции многонационального полуимпериалистического государства. Другими словами, только Москва, порвавшая с помещиками, т.е. только Москва Ленина, несмотря на все свои противоречия и непоследовательные методы действия, была в состоянии втянуть в свою орбиту также и крестьян других национальностей.

По этой же причине “русский” характер одержанных побед не был замечен не только партизанскими отрядами, которые своими просоветскими военными переворотами открывали дорогу новому правительству, не только украинскими крестьянами, обманутыми обещаниями в раздаче земель, но даже и многими руководителями новорожденных украинских советских партий. Конечно, были украинские большевики, как, например, небезызвестный Шахрай, которые постепенно стали постигать суть происходящего. Но в целом, как писал Христюк, в январе 1919 года в силу ряда обстоятельств “рабочие и крестьяне Украины, влиятельное, активное левое крыло украинских социалистических партий собрались серьезно поддержать Временное правительство, несмотря на его “московское” происхождение” (10).

С этой точки зрения, триумф большевиков в январе 1919 года был также триумфом “недоразумения”, о котором мы не раз говорили выше. В конце этого же месяца Ленин был вынужден в спешке найти человека на должность первого министра Украины. Замена Пятакова Раковским, который в предыдущие месяцы вел переговоры с различными украинскими партиями, была, безусловно, мотивирована желанием Москвы иметь на Украине человека более надежного, чем Пятаков, с которым Ленин полемизировал ещё с 1915 года. В декабре же Пятаков заявил, что он лично был бы доволен “если бы союзные правительства решили силой разгромить советскую власть, поскольку

это было бы лучшим способом обострения классовой борьбы в Западной Европе” (11).

Одна мысль, что человек с такими идеями является главой украинского правительства, приводила Ленина в дрожь. Во всяком случае, он должен был вмешаться в жесточайшие конфликты, раздирающие два крыла правительства. Эти конфликты были непосредственно связаны с давними обидами между правыми и левыми группировками КП(б)У. Первые требовали во что бы то ни стало сместить ненавистного Пятакова и поставить на его место Артема. Вторые, возмущенные методами и поведением противников, дошли до того, что 19 января послали официальный запрос Ленину, Сталину и Троцкому с требованием предъявить обвинение и передать на рассмотрение суда дела руководителей, как презрительно называл их Антонов-Овсеенко, “Царицынской компании”. Речь шла о Рухимовиче, Межлауке и Ворошилове.

Поскольку эта “компания” была тесно связана со Сталиным, стоит коротко остановиться на её методах и поведении. Войдя в правительство по предложению Сталина, Ворошилов и его окружение прибыли на Украину, где они уже приобрели известность деспотов, любителей выпить и пошиковать. Говорили, что командир десятой армии ездил в сопровождении своего друга Буденного на карете, запряженной шестеркой лошадей за которой следовали ещё 10 карет с денщиками и 50 с багажом. В письмах к руководителям из сталинской дружины, например, Орджоникидзе, написанных в лстивых, покорных выражениях в духе прежних времен, они были скромными и прислужливыми (в дальнейшем такой стиль распространится также среди многих старых большевиков) (12). Но в отношениях со своими подчиненными и противниками они были способны на любую жестокость и вероломство.

Суть происходящего довольно скоро была понята и Пятаковым. В конце года он присоединился к противникам Ворошилова, которому Троцкий, помня о царицынском конфликте, отказал в должности командующего новосформированным украинским фронтом, отдав предпочтение Антонову-Овсеенко (13). Однако почти сразу же Пятаков подчинился приказам Москвы, поскольку думал, что украинское правительство “не вправе отменять приказы РВС Республики” (поступок, который во многом демонстрирует понимание Пятаковым русско-украинских отношений).

Поведение Пятакова вызвало гнев Ворошилова и старых донбасских товарищей, которые во главе с Артемом уже плели интриги, чтобы сбросить его с должности. Тогда же на Пятакова стали оказывать давление с тем, чтобы он подписал декрет, назначающий Рухимовича председателем украинского Революционного военного совета, в состав которого вошли бы Ворошилов и Межлаук. Пятаков отказался. Через несколько дней он обнаружил, что эта тройка сфальсифицировала его подпись под приказом с таким содержанием. Приказ был опубликован в газетах, и незаконные власти стали сразу же давать распоряжения, идущие в разрез с распоряжениями Антонова-Овсеенко. Тогда Пятаков послал формальный запрос в Москву с требованием дать ход делу по обвинению Ворошилова и его товарищей и обязывался выслать их под суд хотя бы в Харьков. Ответом донбассцев было назначение, незаконное, как считали, во всяком случае, левые, Артема на должность первого министра взамен Пятакова. Последний отказался уйти в отставку, вынудив тем самым Ленина самому найти выход из хаотического состояния, в которое постепенно впадало правительство, формально занятое руководством крестьянского повстанческого движения, направленного на завоевание огромной страны (14).

Естественно, что чувство ненависти, которое питали друг к другу две группировки не испарилось с приходом Раковского. Оно продолжало отравлять климат в верхушках большевистской власти и в последующие месяцы, ограничивая возможности её действий. Но в то же время “левые” и “правые” в КП(б)У сошлись по некоторым важным пунктам – как по вопросу о политической линии на Украине и в России, так и в организации оппозиции военной политике Троцкого. В дальнейшем это способствовало дружбе между представителями различных группировок: например, Пятакова с Ворошиловым, отношения которых укрепились после совместного участия в безжалостном подавлении “кулацких” восстаний; Пятакова с Орджоникидзе. Таким образом, в 1919 году в Харькове, а затем и в Киеве, в руководстве образовался союз, хотя и неустойчивый, между левой экстремистской интеллигенцией и просталинистами, происходившими из более низких социальных слоев и выходцами, в основном, из Донбасса. Почти все просталинисты прошли через Царицын и были известны своим русофобством. Пользуясь постоянной поддержкой Москвы, они руководили Центральным Комитетом вплоть до третьего съезда партии, состоявшегося

в марте. Здесь левые взяли в свои руки контроль над ЦК, однако, в политике, проводимой в стране, мало что изменилось. Этот факт ещё раз доказывал, что речь шла о союзе в какой-то мере предварявшем формирование группы вставшей во главе партии в антикрестьянской войне 1929–1933 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Bilinsky и Adams в Hunczak, *Ukraine*: 116, 254; Adams, *Bolsheviks*: 138; *Гражданская война на Украине*, т. I, ч. 2: 31; *Гражданская война*, т. III, глава VI; Винниченко, *Відродження*, ч. III: 245.

2 Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. III: 43 и далее; Христюк, *Замітки*, т. IV: 37 и далее, 75 и далее; Adams в Hunczak, *Ukraine*: 254 и далее; Motzkin, *Pogroms*: 34 и далее и Heifetz, *Slaughter*: 33 и далее об укрывательстве Петлюрой погромщиков.

3 Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. IV: 58 и далее; М. Рубач, “Переход Григорьева к Советской власти,” *Лет. рев.*, 3 (1924): 175-88.

4 Adams, *Bolsheviks*: 83 и далее; Majstrenko, *Borot'bism*: 81-6, 99 и далее.

5 Христюк, *Замітки*, т. IV: 31 и далее; Винниченко, *Відродження*, ч. III: 158 и далее и 189 и далее.

6 Mark, “Social”: 115 и далее; Majstrenko, *Borot'bism*: 89-106, 233 и далее; Рафес, *Два*: 126-27, 143 и далее; Bilinsky в Hunczak, *Ukraine*: 116; V. Serge, *Year One of the Russian Revolution* (Chicago, 1972): 339; Subtelny, *Ukraine*: 361.

7 *Второй съезд КП(б)У*: 21-37, 122 и далее; Majstrenko, *Borot'bism*: 120; Ленин, *ПСС*, т. 25: 272 и т. 38: 144, 182.

8 Majstrenko, *Borot'bism*: 122; X. Раковский, “Ильич и Украина”, *Лет.рев.*, 2 (1925): 5-10; Adams, *Bolsheviks*: 124; Margolin, *From*: 26.

9 Христюк, *Замітки*, т. IV: 77 и далее.

10 Reshetar в Hunczak, *Ukraine*: 183-85; Христюк, *Замітки*, т. IV: 82 и далее.

11 Price, *Reminiscences*: 209-10.

12 Brovkin, *Behind*: 137; R. Pipes, *Russia under the Bolshevik Regime* (New York, 1994): 441. В сентябре 1920 г., например, Ворошилов завершал свое письмо Орджоникидзе словами: “Вас мы всегда вспоминаем как лучшего нашего друга и товарища и как самого чуткого и преданного революционера” – РЦХИДНИ, ф. 85 (Орджоникидзе), оп. 8, д. 201, л. 1. 3-4. О существовании этого письма мне любезно сообщил Александр Квашонкин. В своем докладе Троцкому о конармии в декабре 1919 г. Пятаков сообщал о случаях насилия по отношению к населению, об алкоголизме, коррумпированности командного состава и т.д. (см. РГВА (Российский Государственный Военный Архив), ф. 33897 (*Секретариат Председателя РВС СССР*), оп. 2, д. 32, л. 533). О формировании сталинской дружины и её культуре см. также *The Great Soviet Peasant War* автора.

13 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 12, л. 71. Троцкий оправдывал свой отказ тем, что на Украине надо было противостоять англо-французам, а не только петлюровским “бандам”, и поэтому было необходимо иметь в командова-

нии серьезных людей, способных использовать “специалистов”, т.е. старых офицеров. Таким образом, была приведена мотивация, которая во многом была похожа на основания, которые спустя несколько дней вынудили Ленина заменить Пятакова Раковским.

14 РЦХИДНИ, ф. 74 (Ворошилов), оп. 1, д. 88, лл. 4-6 и ф. 17, оп. 109, д. 12, л. 74; *Узаконения*: 35-6; Adams, *Bolsheviks*: 114; Раковский, “Ильич”: 5-10; М. Сагун, “Штрихи биографии Г. Пятакова,” *Рабочая газета* (3 марта и 1 апреля 1989): 3; Солдатенко, “Пятаков”; Trotsky, *Falsification*: 210 и далее.

Г Л А В А 2

КРИЗИС “НЕДОРАЗУМЕНИЯ”

В феврале 1919 года стали проявляться первые признаки кризиса “недоразумения”, приведшего большевиков к триумфу в предыдущий месяц. Заблуждение раскрылось в течение двух последующих месяцев и смысл происходящего стал ясен всем. На последующих страницах речь пойдет в основном о факторах, определивших развитие этого кризиса в отношениях между КП(б)У, украинскими просоветскими партиями, партизанским движением и украинской деревней. Но не надо забывать, что кризис коснулся также отношений между новой большевистской властью и большинством неукраинского городского населения, которое в отличие от деревенского уже обожгло, как мы знаем, на событиях предыдущего года.

О серьезности и глубине этого кризиса в городах мы могли судить по мемуарной литературе и по произведениям таких авторов как Булгаков, писавших о жизни украинских городов под “безумным” режимом 1919 года. Он проступал в жалобах самих большевиков, вынужденных ещё в мае считаться, даже в Киеве, с враждебно настроенными “мелкобуржуазными” профсоюзами, а также в сводках, сообщающих о приеме, оказанном даже в Донбассе многими рабочими войскам Деникина летом того же года. О трудных отношениях на Украине между большевиками и рабочими на сегодняшний день можно прочесть также в сводках, которые составлялись для Центрального Комитета КП(б)У, начиная с марта-апреля 1919 года. В них говорится об определенном слое “сознательных” рабочих, находящихся под влиянием меньшевиков и особенно левых (русских) социалистов-революционеров и о массах, втянутых в волну антисемитизма (1).

Однако, перейдем к факторам, вызвавшим коллапс “недоразумения” в отношениях между КП(б)У и украинскими партиями и деревней (естественно, что эти факторы часто оказывали влияние и на отношения между большевиками и городским населением). Первый заключался в общем пренебрежении к украинской национальной проблеме, к украинской культуре и традициям со стороны руководства нового правительства. В этом плане Пятаков и Раковский, по крайней мере в начале 1919 года, мало чем отличались от Донбасско-Царицынской группы. Такое поведение ещё больше усугублялось под давлением Москвы, где в том же феврале 1919 года Ленин окончательно утвердил новый курс по отношению к деревне и к середнякам (2). И всё же подталкиваемый нуждой, недооценивая национального чувства украинцев, Ленин проводил по отношению к Украине политику, заключающуюся в требовании выжимать в более короткие сроки как можно больше зерна для России.

В начале 1919 года, как и в прошедшем 1918 году, не только Ленин видел в “завоевании” Украины открытие нового источника продовольствия для изнуренных северных городов. Как говорил в марте Шлихтер в своей речи на заседании Советов Москвы, “все вы помните, что когда Украина начала делаться советской... у вас, как и у нас, отлегалось от сердца... Богатая Украина, хлебная Украина – наша: не будет голодать московский пролетариат” (3).

Шлихтер – немец по происхождению, по профессии врач, родился в 1868 году в Полтавской губернии. В начале 1919 года он был вновь назначен Наркомом продовольствия Украины, на ту же самую должность, к которой не успел приступить в январе 1918 года. В этот период он был, пожалуй, лучшим из находившихся в распоряжении режима специалистом по реквизициям (4). Будучи убежденным и страстным сторонником административных методов (он, например, подготовил часть таблиц для распределения продовольствия по карточкам в годы военного коммунизма (5)) и реквизиций, Шлихтер за несколько месяцев до своего назначения возглавил специальные экспедиции в Западную Сибирь, которые “спасли” Москву (эти походы, наверное, стояли у истоков аналогичных действий, предпринятых Сталиным в 1928 году в начале второй фазы войны между крестьянами и большевистской властью).

Вместе со Шлихтером на Украину выехали 87 продотрядов численностью 2.500 человек, за которыми вскоре последовали

другие отряды того же типа. В их обязанности входила организация специальных экспедиций, направленных на выполнение приказа № 1 от 2 февраля 1919 года за подписью Раковского и Шлихтера, который объявлял снабжение России первой задачей нового украинского советского государства (это задание было вскоре подтверждено одобренной на третьем съезде КП(б)У резолюцией, где украинскому Наркомпроду приказывалось направлять в Россию насколько возможно большую часть из накопленного продовольствия).

В целом было организовано четыре специальные экспедиции, общим количеством в несколько тысяч человек (6). К ним прибавились ещё и “дикие” реквизиции, проводимые армией в условиях отсутствия снабжения из центра. Солдаты забирали на местах у крестьян все, что им было необходимо, вызывая тем самым сильное раздражение органов, участвовавших в реквизициях официально.

Но самая большая выкачка имущества, накопившегося в украинских деревнях, была произведена русскими, хлынувшими в недавно “завоеванную” Украину в поисках продовольствия. Это нашествие имело две формы: наряду с государственными ведомствами, направлявшими на Украину своих представителей для скупки продовольствия, частным образом действовали мешочники, которые нелегально ходили по украинским деревням и собирали продукты для последующей их продажи на черных рынках российских городов.

Оба явления не были, в конечном счете, негативными для украинских деревень, испытывающих часто острую нужду в городских товарах (например, русские государственные организации, действовавшие по собственной инициативе, предлагали крестьянам в обмен на сельскохозяйственную продукцию товарный эквивалент, намного превышающий санкционированный в декретах Шлихтера). Но, как и в случае с еврейскими посредниками предыдущего года, и даже в большей степени, это нашествие “чужеземцев”, – документы говорят о присутствии тысячи мешочников в день в отдельных уездах, – производило на крестьян впечатление, часто противоположное экономическому содержанию феномена (7).

Учитывая сложившуюся в стране ситуацию и присутствие в ней партизанских отрядов, Шлихтер сначала пытался вести относительно умеренную политику (кроме зон, предназначенных для специальных экспедиций). В феврале он установил фикс-

сированную квоту зерна весом в 13 пудов на душу, которая оставалась крестьянам и другую квоту на принадлежащих им животным. Конфисковывать разрешалось только излишки и формально запрещалось применение силы при конфискациях. Но даже эта умеренность и постепенность, установленная в первый период государственной монополии только лишь по четырем важнейшим видам продукции (пшеница, сахар, чай и соль), явились источником недовольства левых украинцев, пытавшихся защищать интересы деревни. Веря в монополию, они задавали себе вопрос, почему эта монополия была введена только на сельскохозяйственные продукты, и, в частности, на зерно, и видели в отказе введения государственной монополии на промышленные продукты проявление дискриминации крестьян.

Однако с самого начала “умеренные” приказы Шлихтера не выполнялись. Это касалось, в основном, несанкционированных реквизиций, составляющих, по всей вероятности, большую часть. Но и продовольственные отряды, которым было приказано конфисковывать только “излишки”, находясь под давлением Москвы и убежденные, что крестьяне в любом случае спрятали все, что было возможно спрятать, в конце концов брали все, что им попадалось под руку (миф о спрятанном зерне, сыгравший решающую роль также в начале тридцатых годов, не был, конечно, небезосновательным, но не настолько, чтобы оправдать то, что происходило) (8). Такое развитие событий заставило Межлаука в начале апреля отправить Ленину телеграмму, в которой он протестовал против продработников, воспринимавших “Украину как обетованную страну, откуда можно многое черпать без учета” (9).

Шлихтер, подвергаясь давлению со стороны Москвы и имея перед собой сопротивляющуюся деревню, вскоре отказался от изначально взятого умеренного курса и 12 апреля выпустил декрет, введивший и на Украине продразверстку на урожай предыдущих лет. В первой части этого декрета заявлялось, что всё делалось в интересах организации государственного планового снабжения населения республики (только городского, естественно) и для братской революционной помощи Северу (т. е. России). Декрет продолжался восхвалением квоты реквизиций, составляющей, в силу тяжелой экономической ситуации и грабежей со стороны предшествующих правительств, только половину подсчитанных излишков. Но в заключении говорилось, что, начиная с сегодняшнего дня, несданное зерно будет отбираться

силой, и что крестьяне, “злостно” скрывающие свои запасы, будут подвергнуты суровым мерам наказания “по всей строгости законов революционного времени”. Таким образом, продотряды всех типов официально получали абсолютную свободу действий (10).

В последующие месяцы, вплоть до падения режима в августе, реквизиторы смогли “взять” в общей сумме семь-восемь миллионов пудов, из которых удалось отправить в Москву лишь небольшую часть.

Несмотря на неточность этих данных, куда надо бы включить и потребление на местах оккупационными войсками, можно предположить, что речь идет о десятой части, во всяком случае об очень небольшой доле по сравнению с тем, что удалось взять год назад австро-германцам, которые, тем не менее, говорили о провале в этой области. Такая разница была результатом худших экономических условий 1919 года и большей эффективности немцев, как в области военной, так и в применении соответствующих методов (вспомним о широком использовании рынка). Но этот факт свидетельствовал также о возросших силах и о лучшем вооружении крестьянского движения (11).

Вместе с тем резкое падение производства и истощение запасов, а также концентрация действий экспедиций продотрядов в определенных районах весной 1919 года стали причиной голода местного уровня. Этот голод, признанный как Шлихтером, так и Раковским, стал быстро подтачивать материальную базу крестьянской энергии, проявленной в этот период с небывалой силой (12). Волна реквизиций в деревнях сопровождалась, а часто и предвлялась разграблением складов угля, зерна, чая и сахара, а также запасов, накопленных в городских центрах. Около трети наличествующего товара было сразу отправлено в Россию. Можно себе представить реакцию активистов украинских просоветских партий и городского населения вообще (13). Ещё одним ударом было массовое прибытие по приглашению Квинринга, назначенного начальником национализированного сектора экономики, представителей российского ВСНХ. Они начали брать на себя контроль над целыми секторами промышленности Украины, вызывая тем самым недовольство той части украинских социалистов, которая по причине своей приверженности марксистской идеологии не была особенно затронута антикрестьянской политикой режима (сказанное касается в основном *незалежников*).

Впечатления, накопленные в результате этих событий, неизбежно привели большую часть украинских левых, включая и настроенных просоветски, к проведению параллелей с действиями немецкой оккупации 1918 года. Такие мысли пришли в головы большинства крестьян и бойцов партизанских отрядов.

Недовольство партизан сильно возросло после попыток, предпринятых ещё в январе, провести военную реформу, которую любое правительство в подобных условиях посчитало бы необходимой. Она, с одной стороны, базировалась на введении обязательной военной службы, с другой – на борьбе против партизанщины, т.е. на попытке превратить партизанские отряды, ликвидируя в них ненадежные кадры, в регулярную армию. Первая мера, воспринятая, естественно, неодобрительно в деревнях, стала ещё ненавистнее вследствие методов, которыми она проводилась: её осуществление было поручено ненавистным комбедам, в обязанность которых входило составление списков призывников и арест уклоняющихся от военной службы. Чтобы вынудить явиться тех, кто скрывался от призыва в лесах или обнаружить их тайники, комбеды арестовывали и держали в заложниках членов их семей. Но царившая неорганизованность приводила к тому, что довольно часто, согласно тем же сводкам, подготовленным для правительства, арестовывали родных уже набранных на военную службу молодых людей. Подобные действия сильно отражались на настроениях отрядов. Одновременно война с украинской партизанщиной была на самом деле борьбой против национально-освободительного движения, которое когда-то помогло большевикам прийти к власти. Ненависть к “еврею Троцкому” и к его распоряжениям проникла в то время во все отряды, включая и “красные”, где часто, как в случае с двумя дивизиями, сформированными в 1918 году в нейтральной зоне, бойцы жили и ходили в походы со своими женщинами и даже с целыми семьями (14).

В сложившейся ситуации введение военной реформы проходило крайне медленно. В апреле 1919 года само правительство признавало себя ответственным за сильные задержки, зависящие, на самом деле, скорее от объективных обстоятельств (ситуация в партизанских отрядах, которые, напомним, насчитывали иногда тысячи, недостаточность ресурсов из центра, также и в смысле ненадежности его кадров, повторяющиеся вооруженные столкновения и т.д.), чем от нежелания “украинского” военного командования и Антонова-Овсенко, в частности.

С этой точки зрения, можно утверждать, что в яростной полемике, в которую он вступил сначала с Троцким, а затем с Лениным, правда была скорее на стороне Антонова-Овсенко.

Однако находясь под впечатлением участия левого и правого руководства КП(б)У в военной оппозиции на VIII съезде и помня о старой полемике с Царицынской компанией (которую, как знаем, ненавидел и Антонов-Овсенко), Троцкий ничего не хотел слышать и открыто обвинил “украинцев” в защите партизанщины. Приехав на Украину в мае 1919 года, сам Троцкий вынужден был считаться с местной ситуацией. Тогда же он признал, что почти все руководители КП(б)У придерживались уже линии VIII съезда (перемена, которую Троцкий приписал повторяющимся случаям неподчинения со стороны партизанских отрядов) (15). Тогда же, применяя по отношению к украинскому партизанскому движению антипартизанской линии, обеспечившей в России 1918 года столько успехов, Троцкий, фактически, в какой-то мере способствовал прорыву войск Деникина. Дело в том, что так называемая партизанщина, будучи явлением далеко не цельным, скрывала под собой сильно отличающиеся друг от друга течения. На Украине, например, их было, по крайней мере, три, находящихся часто в яростной борьбе друг с другом. С одной стороны, это была 10-я армия, которая была сформирована из красной гвардии в городах Донбасса. В этих отрядах, чем-то похожих на русские 1918 года, методы Троцкого функционировали прекрасно, не считая нескольких случаев выражения неудовольствия (здесь требовалось дополнительное применение плетки, что, однако, не вызывало возражений Ворошилова).

Партизанщина была представлена также отрядами, сформированными часто вокруг бывших унтер-офицеров первой мировой войны, как, например, Буденного, который впоследствии вместе с Ворошиловым станет командиром знаменитой конармии, родившейся из ребра 10-й армии. Этим отрядам были присущи многие черты мелкого “дворянства”. Они возглавлялись людьми, получившими привилегии, но в то же время готовыми исполнить приказ любого рода (по причине такой готовности центр часто закрывал глаза на значительную идеологическую ненадежность этих отрядов и даже их антикоммунизм, отмеченный Троцким в конце 1919 года и подтвержденный в 1921 году обеспокоенным Ворошиловым в письме Сталину) (16).

И, наконец, речь шла о настоящих крестьянских отрядах, которые состояли в основном из украинцев. Будучи порождением большого движения, основанного на крестьянстве, за национальное и социальное освобождение, эти отряды были действительно совершенно другими. С ними надо было действовать, как пытался убедить Антонов-Овсеенко, очень осторожно (17). В конечном счете, Ворошилов и его окружение никогда не отказывались подчиняться властям вообще. Они ненавидели власть Троцкого. В этом, а также в энтузиазме, с которым они приняли введение телесных наказаний для установления дисциплины в войсках, заключалось их отличие от левой интеллигенции, с которой они объединились на VIII съезде (18).

Но продолжим анализ факторов, которые в несколько недель привели к столкновению крестьян с большевиками. Большую роль, часто недооцененную, сыграли в этом антирелигиозные меры, глубоко ранившие деревню и вызывавшие острую реакцию крестьян. Привязанность крестьян к религии была "обнаружена" и в 1929-1930 годах, когда сначала ОГПУ, а затем Орджоникидзе оказались перед лицом усиления крестьянских восстаний против коллективизации после антирелигиозных мероприятий и, в частности, закрытия церквей (19). Этот факт показывал, что, несмотря на чувство отчуждения крестьян от официальной церковной иерархии, а иногда и по отношению к своим попам, религия оставалась основополагающей частью крестьянского мира и крестьянской психологии. Естественно, что антирелигиозные меры коснулись также и еврейских общин, синагог и их раввинов. Но в деревнях заметили скорее участие в этих мерах активистов с еврейскими фамилиями, чем закрытие синагог.

Такой же, если не более важной была деятельность ЧК Украины (ВУЧК) как в городах, так и в сельских местностях. Уездные ЧК, часто возглавляемые бывшими матросами, подвергли деревни всеобщему террору, мотивированному часто сугубо личными интересами. Как признавал М.И. Лацис (Судрабс), посланный на Украину для наведения порядка в местном ЧК, в чекистских отрядах находились многочисленные уголовники. И даже среди коммунистов нередки были случаи использования служебного положения для сведения старых личных или семейных счетов.

Конечно, эти проблемы касались не только Украины. Ещё в конце 1918 года партийные и другие местные организации

России всё сильнее протестовали против произвола и неограниченной власти ЧК. Тогда Дзержинский, под страхом потери предоставленной ему власти, приказал местным ЧК “прекратить терроризировать рабочих и крестьян” (20). В феврале 1919 года в России произошла частичная реформа, в результате которой распускались уездные ЧК, и ЧК в целом реформировалось, переходя под централизованный контроль. На Украине, напротив, уездные ЧК лишили партию власти (21) и в немалой степени способствовали росту непопулярности нового режима.

Ситуация в городах была ненамного лучше. Массовые расстрелы февраля 1918 года не повторились сразу. Однако в конце марта Д.Ю. Гопнер отправил Ленину и Чичерину письмо, которое в немалой степени поспособствовало отправке Ладиса на Украину. Содержание этого письма было намного мрачнее, чем документы белогвардейской пропаганды. Гопнер описывал, как на одном недавно состоявшемся заседании украинского правительства, на котором он присутствовал, Ворошилов и бывший в то время наркомюстом Хмельницкий “нарисовали печальную картину деятельности ВУЧК”. На этом основании они просили правительство заменить смертный приговор, вынесенный двум работникам ЧК за ряд должностных преступлений, в том числе за взяточничество и вымогательство. Эти двое на самом деле были скорее “жертвами отчаянно-преступной атмосферы, которая царит в ЧК”, организации “насквозь пропитанной уголовщиной, хулиганством, полнейшим произволом и безответственностью опытных негодяев”. Гопнер, считавший, что ответственность за всё это несет руководство ЧК и само правительство, добавлял затем, что и в Екатеринославе, куда он лично выезжал, и где во главе ЧК стоял старый партийный работник, посвящавший всё свое время репрессиям групп анархистов, “вооруженные с головы до ног люди от имени ЧК... производят обыски, аресты, подбрасывают фальшивые деньги, напрашиваются на взятки, шантажируют этими взятками, заключая в тюрьмы тех, кто эти взятки дал, чтобы в конце концов освободить человека из-под страха смерти за удесятеренную... взятку” (22).

Против этих “негодяев”, представлявших собой человеческий материал, с которым интеллигенты Пятаков и Раковский строили свой режим (23), правительство было почти бессильно. Хмельницкому, например, никак не удавалось получить список арестованных в столице, находящейся ещё в Харькове. И Раков-

ский, будучи человеком умным, известным своей сдержанностью и пользовавшийся большим уважением интеллигентских кругов, вынужден был отвечать лицемерно на замечательно правдивые письма Владимира Короленко, в которых он сообщал о происходящем и о его последствиях (надо отметить, что в общем-то и сам Короленко не придавал должного значения чисто криминальному и аполитичному элементу нового государства и концентрировал свое внимание, в основном, на политическом выборе, который, в принципе, и содействовал, хотя и не желая этого, скоплению этих элементов в режиме): “Бороться нужно с условиями строя, а не с людьми, пока они не совершают известных поступков. Иначе это будет не борьба за идеи и новый уклад жизни, а ЗВЕРИНАЯ СВАЛКА”. Короленко добавлял, что пролитая кровь и слезы могут превратиться в угрожающие тучи, которые рано или поздно накроют виновных. “Царское правительство этому не верило и свалилось. Правда, держалось долго. Но ведь корни его были глубоки: вращались столетиями... теперь всё совершается гораздо быстрее”. В завершении Короленко говорил, что хотя бы для этого, хотя бы для того, чтобы избежать наказания (которое для многих большевистских руководителей пришло неожиданно в 1936–1938 годах), новые власти должны немедленно прекратить свои преступные действия (24).

Учитывая исходные условия и ход развития событий в стране можно понять, почему попытка Лациса “реабилитировать” ЧК не могли иметь успеха. В июне Ленин был ещё вынужден заниматься “тьмой зла”, которое совершила эта организация. Мы можем прочесть в сводках, посланных правительству Раковского, о чувстве враждебности, испытываемом “массой трудового крестьянства” по отношению к ЧК, или о вооруженных столкновениях, вспыхивающих между подразделениями ЧК и крестьянскими партизанскими отрядами (включая, к примеру, и те, которые уже в марте 1918 года объединились в Бахмаче с большевиками, чтобы сражаться против немцев) и даже с самыми надежными красными казачьими подразделениями.

Дошло до того, что видя абсолютную непопулярность ЧК в верхах стали подумывать об изменении названия этой организации (25). Но в то же время крестьянские восстания и одновременное наступление войск Деникина и Петлюры вызвали скорее укрепление власти ВУЧК и ужесточение её методов. Причиной

этому была всё возрастающая реальность поражения и страх перед её последствиями. На этот раз желание мести и реванша, оставшиеся в марте–апреле 1918 года только желанием, наконец-то, полностью реализовались как в Киеве, так и в Харькове и Одессе, где уголовная и политическая преступность объединились в систематическом использовании пыток и массовых казней.

Следуя примеру российского центра, который поставил сначала болгарина во главе украинского правительства, а потом латыша во главе ЧК, большевистское правительство отличилось назначением на ответственные посты лиц неукраинской национальности. Как вскоре писал В.В. Осинский (Оболенский) Ленину, это делалось также для удовлетворения огромной массы партийных кадров с “престижным” именем и прошлым, требовавших в новом украинском государстве – не найдя их в России – посты соответственно своему рангу (также и по этой причине речь шла в основном об отбракованных элементах) (26).

Вообще, как признавали в 1920 году сами же большевики, в 1919 году в учреждения нового государства хлынул поток новых служащих, в основном выходцев из настроенного крайне антиукраински городского мещанства, напоминающих иногда своим поведением, правда в иных масштабах, вышеупомянутых Ворошилова и Буденного.

Естественно, что в этом потоке было большое количество евреев, присутствие которых, как замечал Элиас Хейфетц, было тем более заметным, что вплоть до 1917 года двери государственных служб любого типа перед евреями были закрыты. Сам факт, как и проистекающие из него последствия, были замечены Троцким, получившим в то время с Украины, и не только, сотни сводок по этому поводу. На основании этих сводок в апреле 1919 года он выразил недовольство по поводу присутствия слишком большого количества латышей и евреев в подразделениях ЧК и в различных учреждениях и предложил их перераспределение.

На сегодняшний день в бывших советских архивах можно найти многочисленные документы, свидетельствующие о подобных фактах. В том же апреле о подобных событиях писал из Белоруссии в ЦК член коллегии ВЧК Г. Мороз, еврей по происхождению. Чтобы приостановить широко распространившийся в народе антисемитизм, он предлагал “убрать официально с ответственных “комиссарских” постов евреев”. Их надо было отп-

равить в Россию, а на освободившиеся должности назначить русских; и вообще, было бы целесообразнее использовать евреев в Красной Армии в качестве рядовых. В Центральный Комитет поступило также заявление одного московского коммуниста, отправленного на Украину вместе с продотрядами. Он пытался объяснить, почему деревни встретили его и его товарищей криком *“бей жидов и москалей!”* В происходящем, говорил он, есть доля нашей вины, так как мы использовали слишком много еврейских кадров, часто несоциалистов, и на постах слишком бросающихся в глаза. В заключении он приводил пример Киевского губпродкомитета, где из 150 сотрудников 120 были евреями, подтверждая тем самым сказанное и оставляя членам ЦК самим вообразить, какое впечатление производило такое соотношение на крестьян, имевших дело с этим учреждением.

Как свидетельствует сводка, направленная в ЦК Украины 20 мая, в других городах, как, например, в Чернигове, вступившие в партию состояли *“исключительно из евреев, русских почти нет”* (заметьте, что об украинцах, как выше и о белорусах, не было сказано ни слова). И как отмечал впоследствии Рафес, ввиду анти-Бундовского сектантства украинских большевиков, многие из вышеназванных сотрудников и вступивших в партию евреев были довольно далеки от лучших традиций еврейского социализма. Вместо того, чтобы использовать носителей этих традиций, готовых к тому же к сотрудничеству с новыми властями, режим вовлекал в работу, как уже случилось в России, молодых евреев *“иногда явно контр-революционных”*, которые *“делали одну ошибку за другой”* в отношениях с деревней (27).

Кроме того, подобные назначения использовались в качестве инструмента для ликвидации сельских советов, свободно избранных в течение предыдущих недель, или, как отмечал Винниченко, для создания препятствий этим выборам там, где они ещё не проходили. С этой целью использовались также и комбеды, которым, как известно, Пятаков формально поручил местное управление. В этом смысле, как и в случае с ЧК и её реорганизацией, Украина *“запаздывала”* на несколько месяцев относительно России, где комбеды уже год назад сыграли свою роль и были распущены. Там же, где выборов все-таки было невозможно избежать, в них грубо вмешивалось правительство, подавляя и сокращая участие *“мелкобуржуазных”* партий и проводя, также легально и формально, политику дискриминации по отношению к крестьянам. Благодаря этим маневрам уже

25 февраля Совет Киевской губернии, население которой было преимущественно сельским и украинским, насчитывал около 100 делегатов от городов и только 62 из сельских местностей, включавших к тому же очень мало крестьян. Спустя некоторое время самые активные критики концепции “сословий”, опираясь на этих делегатов, одобрили законы и определили избирательный участок с количеством 30-40.000 голосов в сельских местностях против 7.000 в городских для избрания одного делегата.

В России такое возвращение – парадоксальное только на первый взгляд – к принципам, раскритикованным в прошлом, уже имело место и вызвало много дискуссий. На Украине же, по причине разницы между этническим составом города и деревни, эти принципы приобрели сразу неприятнейший оттенок не только антикрестьянской, но и антиукраинской дискриминации и намного обострили эти дискуссии. Поэтому не удивляет, что довольно скоро во многих “советских” партизанских отрядах, формально подчиняющихся правительству Раковского, зазвучал усиленный национальным вопросом лозунг “свободные советы”, превратившийся с обострением контрастов в лозунг “Советы без коммунистов” (28).

Также отличалась от московской и политика, которую вела КП(б)У по отношению к “мелкобуржуазным” партиям, включая и настроенные просоветски. Здесь, как известно, в феврале было достигнуто соглашение, хотя и кратковременное, с меньшевиками и социалистами-революционерами. А в Киеве, в особенности после победы, одержанной левыми и Пятаковым на III съезде партии, по отношению к просоветским украинским и неукраинским (как Бунд) партиям стала проводиться политика, которую в одном из своих апрельских писем сам Артем, колеблясь, определил как безумную, т.к. она стала причиной “ряда восстаний”. В частности, левым украинским социалистическим партиям формально не давали участвовать в образовании новых государственных структур. Эта политика сопровождалась открытым презрением и подавлением украинского национализма. Её разделяли как представители бывших правых из Донбасса, так и бывших левых. Кроме того, они пользовались благословением Москвы, где, как стало очевидно после заявлений Каменева на II съезде КП(б)У в октябре 1918 года, многие были убеждены (часто вразрез с Лениным, остающимся в меньшинстве по вопросу), что “лозунг “право наций на самоопределение” в процессе пролетарской революции превратился

в лозунг, на котором происходит сплочение контрреволюционных сил” (29).

Многие из руководителей-националистов и социалистов в то время были арестованы. Здания исторических центров украинского национализма были конфискованы под разными предлогами. Например, Украинский народный университет использовался в качестве казарм для проправительственных войск. На протесты украинцев комиссия по реквизициям ответила, что она не знает никакого “Украинского университета”. На общественных зданиях были подняты флаги Российской республики и в подтверждение популярности убеждений Раковского печатные органы КП(б)У стали публиковаться почти исключительно на русском языке (30).

На общем фоне красноречиво выделяются некоторые почти смешные недоразумения. На III Всеукраинском съезде советов, состоявшемся с 6 по 10 марта 1919 года, каждый раз, когда какой-нибудь делегат начинал говорить по-украински, зал, где большинство были русские, начинал шуметь и кричать “мы не понимаем”, тем самым вынуждая выступающего перейти на русский. Все официальные документы съезда составлялись и публиковались на русском языке и хотя Раковский объявил равенство всех языков, его Наркомпочт выпустил директиву, согласно которой все официальные сообщения, переданные по телеграфу, должны были проводиться на русском языке. В этом распоряжении была своя логика, учитывая, например, что П.Е. Дыбенко, командир знаменитой “украинской” дивизии, отвечал на сообщения, составленные по-украински, “в штабе никто не умеет читать по-хохлацки”, или, к примеру, Межлаук жаловался, что Наркомвоен прислал ему текст избирательных законов в Совет по-украински, назвав его “белогвардейским воззванием” (31).

Такое поведение выражалось в конкретных мерах, как, например, в подчинении железных дорог, таможен и внешней торговли Украины соответствующим российским Управлениям; в формальном подчинении украинского СНХ российскому ВСНХ и исходящего из Москвы запрещения чеканить собственную монету. Последняя мера имела катастрофические последствия. Как писал Троцкий, Киеву не давали денег и запрещали печатать свои, вынуждая правительство Раковского жить на то, что Москва, иногда вспоминая, удостаивала посылать (вспомним, что печатание бумажных денег, т.е. налог на инфляцию, было одним из источников дохода и для российского правительства).

Все это завершилось соглашениями, заключенными в июне 1919 года, согласно которым все основные украинские комиссары вошли в подчинение российских, а украинская армия распускалась, механически включаясь в Красную армию, как требовал Троцкий с самого дня своего прибытия на Украину в мае. Стоит заметить, что во многих смыслах эти соглашения, распространявшиеся в то время также на другие республики, составили ядро сталинского “неоимпериалистического” проекта, прованного Лениным в 1922 году. Вместо того, чтобы объединить все республики, хотя бы формально, на равных правах в новом государстве (то, что впоследствии будет называться Советским Союзом) их подчинили РСФСР, к чему вернется Сталин три года спустя (32).

Постепенное принятие мер, о которых мы говорили, было ускорено в начале марта вышеупомянутым III съездом КП(б)У. Несмотря на то, что ненависть и обиды, которые питали друг к другу две старые группировки, несколько не угасли, съезд санкционировал единство действий правых и левых группировок на основе введения “социалистических мер”, направленных на преодоления отставания от России. Таким образом, практически оставались в стороне члены партии украинской национальности, которые в 1918 году являлись центром равновесия между двумя группировками.

В формировании этого союза была немалая роль Москвы, которая через Свердлова, посланного на съезд в качестве представителя от Российской партии, пыталась убедить “украинцев” в необходимости того, “чтобы наша партия являлась монолитом” – вещь необходимая для удержания в единстве такую огромную и разрозненную страну, как Россия (33). Хотя и небольшим перевесом голосов (99 против 92), Пятаков был вновь избран секретарем ЦК, в состав которого вошли Раковский, Ворошилов (который представил резолюцию со стороны бывших правых), Затонский, Квириг, Харченко, Я.Н. Дробнис, Станислав Косиор, Хмельницкий, Аким, Рафаил, А.В. Иванов, Ян и В.Н. Мещеряков (34).

Через несколько дней на III Всеукраинском съезде советов сторонники Пятакова объявили его вождем украинской революции. Здесь же были приняты решения, часто идущие в разрез с решениями состоявшегося почти вслед за ним VIII съезда российской компартии, который одобрил поддерживаемый Лениным поворот в сторону середняка и официально заявил о по-

ражении военной оппозиции, где, как мы знаем, “украинские” левые и правые группировки выступали в единстве, хотя и стояли на далеких друг от друга идейных позициях (35).

После ноябрьской “немецкой революции” создалась атмосфера “головокружения от успехов”, достигшая кульминации 21 марта с новостью о победе революции в Венгрии, которая была отпразднована с экзальтацией передовыми статьями в украинских коммунистических газетах, также и по причине старых связей между Бела Куном и руководителями КП(б)У. Тогда же стали думать, что европейская революция уже свершилась, или, во всяком случае, находится на подходе. В конце месяца, как саркастически выразился Ленин во время VIII съезда, левые руководители, подобно Пятакову, были уверены, что возможно уничтожить нации, подчинить национальные компартии Центральному комитету российской партии, создать совет мирового хозяйства и перейти к введению полного коммунизма. И поэтому, как запланировал Пятаков на I съезде КП(б)У, было вполне правомерно перейти к решительным действиям для введения социалистических мер в украинских деревнях, тем более, что провозглашение 6 апреля советской баварской республики было, казалось, сигналом к тому, что уже можно рассчитывать на долгожданную поддержку “европейского пролетариата”.

Тем не менее, в те же самые дни украинская коммунистическая партия насчитывала всего 23.000 членов, из которых несколько тысяч были посланы из Москвы (в течение двух последующих месяцев в стране с населением в десятки миллионов количество членов партии возросло лишь до 36.000). Были также достаточно очевидны признаки разрыва с деревней, что, однако, никто не принимал всерьез, хотя уже в феврале на страницах “Коммуниста” (Харьков) и говорилось о неприятии крестьянами программы коммунистов (36).

Конечно, в памяти руководителей КП(б)У были ещё живы картины III съезда Советов с его 1.700 делегатами, среди которых было много крестьян, объявивших себя большевиками, хотя и на свой манер. Помнили также приветствия в адрес съезда от Махно и Григорьева, представители которых, после объявления о взятии Херсона 9 марта, были встречены бурными овациями (через несколько дней отряды Григорьева “освободили” также города Николаев и Одесса, войдя в них под черными, красными и желто-голубыми флагами и подвергнув, как известно, население грабежам). Но даже этот съезд, бывший в каком-то смысле

ещё выражением “недоразумения”, достигшего своей кульминационной точки в январе, обозначил стремительный кризис этого “недоразумения”. Например, Ворошилов был обвинен теми, кто обвинял большевиков в желании “закабалить крестьян” на земле, принадлежащей, согласно декрету, Главсахару, т.е. на обширных свекольных полях. Острая полемика вспыхнула вокруг военной реформы, а в газетах всё чаще и настойчивее говорилось о враждебном отношении крестьян к новой аграрной политике (37).

Третий съезд советов, на котором Раковский в своей вступительной речи ни словом не упомянул о национальном вопросе, окончательно подтвердил пренебрежение к украинским “советским” партиям. Тогда же им было отказано даже на участие в работе правительства, несмотря на то, что они поднимали очень разумные проблемы и заявили о своей готовности защищать с оружием в руках советскую власть (38).

Таким образом, за несколько недель в украинских деревнях и в сознании многих украинских социалистов, которые сражались против Директории, сложилось мнение о правительстве Раковского как о правительстве чужом и угнетающем. В результате начался раскол в украинских просоветских партиях. Некоторые, несмотря ни на что, продолжали поддерживать правительство Раковского, одновременно настойчиво требовали реформ. Другие строгие последователи марксизма, а значит и более заинтересованные в экономических вопросах, начали вскоре принимать участие в восстаниях или, во всяком случае, выступали их инициаторами (выбор, сделанный также многими анархистами и левыми русскими социалистами-революционерами).

В марте первыми перешли к действиям, не дожидаясь указаний из центра, местные кадры, побуждаемые также повторяющимися на страницах печатных органов их партий заявлениями о “ганебна русификации” (“позорной русификации”). В конце месяца сдвинулись с места и социал-демократы незалежники, которые раньше стояли на просоветской позиции против Директории. Вероятно, их побудила к действиям речь, с которой Пятаков, вновь избранный на пост секретаря КП(б)У, обрушился на VIII съезде РКП(б) на ленинскую национальную политику. Здесь он высказался не только за отмену лозунга о самоопределении наций, но и против лозунга самоопределения отдельных национальных пролетариатов. Его программа “жесткой проле-

тарской централизации и пролетарского объединения” была провалена, но, в любом случае, она выражала настроения партии и, конечно, “украинских” делегатов. Тогда незалежники назвали Пятакова вдохновителем на Украине русского империализма, прямым агентом которого, по их мнению, было правительство Раковского.

Тем не менее, по идейным убеждениям Пятаков был тогда искренним интернационалистом. Поэтому его возмутили обвинения незалежников, которым он в одной из статей в киевской газете “Коммунист” предлагал прочитать свой проект программы по национальному вопросу (39). Этот проект действительно базировался на чистом интернационализме, но Пятаков, казалось, не отдавал себе отчета в реальном значении программы в контексте мер, принятых правительством Раковского и подерживаемых возглавляемой им партией.

Не отдавал себе отчета он также в том, что всплеску “русопятства” (слово, которое впоследствии, как увидим, будет употреблять и Ленин) в 1919 году способствовала обида на украинцев, накопленная в предыдущие два года у большинства городского населения русской и еврейской национальности, бесовестное использование этих антиукраинских настроений со стороны правительства Раковского.

Пятакова, казалось, не мучили сомнения и в дальнейшем. И всё же уже в конце 1919 года трагические весенние “ошибки” и повторяющиеся обвинения незалежников были признаны многими другими руководителями. В декабре, например, Раковский признавался, что они подходили к Украине с идеей её максимального использования для разрешения продовольственных проблем России. Яковлев же добавлял, что реквизиции зерна были безумными, и даже Бубнов говорил о советской власти, как о власти, опирающейся на бронепоезда и реквизиционные отряды (40).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 М. Булгаков, *Белая гвардия* (Москва, 1988); *История КП(б)У*, т. II: 419, об анализах, представленных на съезде КП(б)У Киевской губернии в мае 1919 г., по поводу ситуации в профсоюзах; сводка от 3-5 апреля (в РЦХИДНИ, ф.17, оп. 6, д. 369, л. 109) о рабочих и железнодорожниках Елизаветграда и “Отчет центрального управления чрезвычайных комиссий при Совнарком Украины за 1920 год,” *3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ*, 1 (1994): 5-11.

2 Brovkin, *Behind*: 48 и далее.

3 А.Г. Шлихтер, "Борьба за хлеб на Украине в 1919 году," *Літопись революції*, 2 (1928): 96-135.

4 Там же, *Автобиография в: Деятели*. Некоторые из сочинений Шлихтера были переизданы его сыном в А.Г. Шлихтер, *Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы советской власти* (Москва, 1975).

5 Страсть Шлихтера к централизованным распределительным системам, на первый взгляд таким рациональным, немного напоминает "описание" Дагомеи Поляного, представленной в виде рая с хорошим и четким управлением, где даже вес тяжестей, которые должны переносить слуги, устанавливался заранее центральными властями. См.: *Redistribuzione: la sfera statale nel Dahomey del XVIII secolo*, в К. Polanyi, *Economie primitive, arcaiche e moderne* (Torino, 1980): 201-28.

6 Ю.І. Терещенко, "Протоколи засідань колегії Наркомпроду України," *Укр. іст. журнал*, 6 (1979): 136-143; Adams, *Bolsheviks*: 299 и далее; Ю.К. Стрижков, *Продовольственные отряды в годы гражданской войны, 1917-21* (Москва, 1973): 167, 173 и далее; *Коммунар* (Харьков, 26 марта 1919); Наркомпрод, *Три года борьбы с голодом* (Москва, 1920): 7 и далее; Терещенко, *Великий*: 77 и далее; *Узаконения*: 72-3; *Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций, 1918-56* (Киев, 1958): 33-43.

7 Шлихтер, "Борьба": 102 и далее; Majstrenko, *Borot' bism*: 120-22.

8 *Узаконения*: 103-33; Шлихтер, "Борьба": 117-25; Терещенко, *Великий*: 49-54; Adams, *Bolsheviks*: 131 и далее.

9 В.А. Савченко, "Измена "Батьки Махно" и "Железная метла" Л.Д. Троцкого", *История СССР*, 2 (1990): 75-90.

10 *Узаконения*: 561.

11 Супруненко, *Очерки*: 210-12; Х. Раковский, *Борьба за освобождение деревни* (Харьков, 1920): 51 и далее; К. Nakai, "Soviet Agricultural Policies in the Ukraine and the 1921-22 Famine", *Harvard Ukrainian Studies*, 1(1982): 43-61.

12 Шлихтер, "Борьба": 128-32; Раковский, *Освобождение*: 57

13 *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 71 и далее; Шлихтер, "Борьба": 109-11; Супруненко, *Очерки*: 191; Терещенко, *Великий*: 38-9, 49-53.

14 *Узаконения*: 48, 438; Примаков, *Борьба*: 190-91; ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419 (сводки 119-122, август 1919); *Второй съезд КП(б)У*: 184 и далее.

15 Trotsky Archives, Houghton Library, Harvard University, T 193-309.

16 РГВА, ф. 33897, оп. 2, д. 32, лл. 406 и 533; "Эпистолярное наследие," *Военные архивы России*, 1 (1993): 408; И. Бабель, *Конармия и другие рассказы* (Москва, 1989).

17 Раковский, *Освобождение*: 49; Антонов-Овсенко, *Записки*, т. III: 348, т. IV: 147 и далее

18 "VIII съезд РКП(б), Стенограмма заседаний военной секции", *Известия ЦК КПСС*, 9-11 (1989); M. von Hagen, *Soldiers in the Proletarian Dictatorship* (Ithaca, 1990): 52-55; *История КП(б)У*, т. II: 478 и далее о принятии решений по военным вопросам Восьмого съезда на Украине.

19 N. Werth e Gaël Moullec, *Rapports secrets soviétiques* (Paris, 1994): 95-159; N. Werth, "Le pouvoir soviétique e L'Eglise orthodoxe," *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, 3-4 (1993): 43; Graziosi, "Collectivisation": 464; Danilov и Berelowitch, "Documents": 672.

20 Brovkin, *Behind*: 46

21 Феномен, который наблюдался во все моменты кризиса советского режима с самого первого дня его возникновения.

22 РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2159, лл. 35-38. Письмо было показано А. Квашонкиным. и должно быть включено во вторую книгу серии "Документы советской истории" под его редакцией.

23 Неудивительно, что "кадры" подобного рода в дальнейшем встали на сторону Сталина. Надо добавить, что это явление наблюдалось не только на Украине. См.: Graziosi *The Great Soviet Peasant War* и Данилов, *Крестьянское восстание*: 26, 35-6, 51.

24 "Письма В.Г. Короленко Х.Г. Раковскому," *Вопросы истории*, 10 (1990); Melgunov, *Red*: 120 и далее, 143 и далее; A. Balabanoff, *Ma vie de rebele* (Paris, 1981): 227 и далее; Гольденвейзер, "Из Киевских": 247 и далее.

25 ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419 (сводка 119, 8 августа 1919); *Вестник Наркомвнутдел УССР*, 5 и 6 (Киев, 1 и 15 мая 1919); *Коммунист* (Киев, 25 апреля 1919); Савченко, "Измена": 80; Brovkin, *Behind*: 28, 46 и далее; Антонов-Овсенко, *Записки*, т. IV: 259.

26 Г.А. Борджогов, "Ленину о Ленине. Письма 1918-1921 гг.," *Неизвестная Россия XX век*, 1 (1992): 18.

27 Рафес, *Два*: 162 и далее; Антонов-Овсенко, *Записки*, т. IV: 317; РЦХИДНИ, ф.17, оп.6, д.369, лл. 137, 248-49 и оп. 66, д. 65, л. 27; Pipes, *Russia*: 104.

28 Винниченко, *Відродження*, ч. III: 313 и далее; Френкин, *Трагедия*: 41-72; *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 205.

29 *Второй съезд КП(б)У*: 162 и далее.

30 *Гражданская война на Украине*, т. I, ч. 2: 298; "Письма Короленко"; Majstrenko, *Vorot' bism*: 122; Христюк, *Замітки*, т. IV: 89 и далее.

31 Супруненко, *Очерки*: 216-17; *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 45-6, 76-8.

32 Супруненко, *Очерки*: 183-85; *Узаконения*: 559; Trotsky archives, T 218, 223, 251; Бош, *Год*: 151 и далее о монетарных проблемах февраля 1918 года; "Из истории образования СССР," *Известия ЦК КПСС*, 9 (1989): 191-217.

33 Я.М. Свердлов, *Избранные произведения*, т. 3 (Москва, 1960): 188.

34 К сожалению, не удалось прочитать стенографические отчеты Третьего съезда КП(б)У, которые должны где-то существовать (см. выступление Артема, цитируемое по стенограмме съезда в *История КП(б)У*, т. II: 458). За ходом его работы можно, во всяком случае, проследить в киевской газете *Коммунист* и в *Коммунисте* (впоследствии *Коммунар*) харьковском, а также во многих трудах по истории партии, как, например, процитированный выше Равич-Черкасский. Резолюции съезда были опубликованы в: *Компартия Украины в резолюциях*: 33-43. Возможно также восстановить по актам *III Всеукраїнського съезда Рад*, где поднимались те же самые вопросы. Многие документы касательно деятельности КП(б)У весной 1919 года были опубликованы в *Известиях ЦК КПСС* того же года, а затем переизданы в 1989 году в качестве приложения к новым *Известиям ЦК КПСС*. Другие документы можно найти в процитированной *Гражданская война на Украине*. Остальные протоколы заседаний Центрального Комитета и КП(б)У 1919 года на сегодняшний день находятся, вместе с другими бумагами, в РЦХИДНИ, ф.17, оп. 6, дд. 368 и 369.

35 *Восьмой съезд РКП(б), Протоколы* (Москва, 1959); "Восьмой съезд

РКП(б), Стенограмма заседаний военной секции”; Graziosi, *The Great Soviet Peasant War*; Там же, “Piatakov’s VSNKh”: 541.

36 *Компартия Украины в резолюциях*: 33-43; Reshetar в Hunczak, *Ukraine*: 179 и далее; “Отчет ЦК КП(б)У”, *Известия ЦК РКП(б)*, 3 июня 1919; В.Н. Мещеряков, “Земельная политика коммунистов”, *Коммунист* (Харьков, 27 февраля 1919).

37 *III Всеукраїнський з’їзд Рад*: 47-9; см., например, *Коммунар* (Харьков) от 28 марта и от 12 и 15 апреля или интервью, взятое у М. Скрыпника в *Коммунисте* (Киев) от 18 апреля 1919 года.

38 *III Всеукраїнський з’їзд Рад*: 32 и далее; *Коммунар* (Харьков, 16 апреля 1919); Majstrenko, *Vorot’bism*: 123 и далее.

39 Христюк, *Замітки*, т. IV: 89, 131; *Восьмой съезд РКП(б)*; В.С. Зайцев, “Выдающееся событие в истории КПСС”, *Вопросы истории КПСС*, 3 (1979): 15-29; Г.Л. Пятаков, “Брежуны”, *Коммунист* (Киев, 18 апреля 1919). Программа Пятакова, представленная на Восьмом съезде, была опубликована в органе комиссариата по национальностям *Жизнь национальностей*, т.е. Сталина, которому должны были показаться очень полезными позиция и иллюзии Пятакова.

40 Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. IV: 147; *Восьмая конференция РКП(б), Протоколы* (Москва, 1934): 84Б 95-96; Шлихтер, “Борьба”: 117-18, 133; Nakai, “Soviet”: 50.

Г Л А В А 3

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Следуя инструкциям III съезда партии и на волне "головокружения от успехов", о которой мы говорили, III съезд Советов принял курс на открытую борьбу с деревней. Эта политика формально оставалась в силе до поворота в мае 1919 года, наступившего вследствие решений VIII съезда РКП(б) и растущих внутренних трудностей. Тем не менее, он произошел с задержкой, обусловленной наступлением войск Деникина, и поэтому влияние этого поворота на дальнейший ход событий было минимальным (1).

Кроме мер, описанных в предыдущей главе, эта аграрная политика сыграла определяющую роль в возбуждении новой волны ненависти к советскому правительству крестьянского и партизанского движения, усилившегося в предыдущие месяцы. Решения, принятые на III съезде, интересны также с точки зрения дальнейшего развития советского режима. Прямая связь прослеживается с кампанией по принудительной коллективизации, начатой десять лет спустя и опирающейся, как уже отмечалось, на союз, сходный по многим параметрам с тем, на который опиралось правительство Раковского. В частности, совершенно очевидна роль, сыгранная в развязывании войны против деревни особым соединением идеологических моментов с жизненными потребностями, выразившемся в данном случае в сильном давлении со стороны Ленина с целью выжать как можно больше из деревни. И в этом случае сочетание этих факторов на Украине в 1919 году вызывает аналогии с событиями советской истории 1928-1929 годов. Новое отношение к аграрному вопросу уже в январе было выражено в одном из манифестов правительства,

текст которого сразу же появился на страницах многочисленных печатных органов. Речь фактически шла о резком изменении обещаний, данных в ноябре. За этим стояла недавняя победа политической линии “левых” в России, где с отменой комбедов была принята в декабре социалистическая программа, в которой говорилось о целях коллективизации (2). Но если в России вскоре отошли от этой линии под давлением уже упомянутых идей Ленина о необходимости союза с середняком, то на Украине события пошли другим ходом. В конце февраля, например, Бубнов, бывший в то время председателем Киевского Совета, заявил, что в области земельного вопроса предстоит борьба с деревенскими кулаками и средним крестьянством по организации коммун (3). Через несколько дней резолюции III съезда партии подтвердили, что “главнейшей задачей земельной политики является переход от единоличного хозяйства к товарищескому” (4).

Эти заявления вызвали сразу поток обвинений со стороны левых и правых социалистов-революционеров, русских и украинцев и, в особенности, многих представителей крестьянства в адрес коммунистов, предавших идею “социализации” земель, принятой год назад на II Всеукраинском съезде советов, а также изменивших ноябрьским обещаниям с распределении земель на принципе равенства. В частности, украинские большевики обвинялись в том, что заменили социализацию земли её национализацией, что передало бы землю “в руки государственных чиновников”, и в том, что толкали крестьян “в казенные коммуны”. Вскоре снова зазвучали слова левых социалистов-революционеров, призывающие крестьян и партизан продолжать борьбу за освобождение, прогнав коммунистов, которые желали отобрать зерно для его отправки на север, и учредить комиссародержавие, надев на деревню ярмо нового рабства.

В ответе КП(б)У, который мало кому казался убедительным, заявлялось, что не было никакого смысла делать разницу между национализацией и социализацией в “народном государстве”, в котором определения “общегосударственный и общенародный совпадают” (5). Это были слова В.Н. Мещерякова, назначенного 22 февраля Наркомземом СССР в правительстве Раковского на место А.Л. Колегаева – бывшего левого социалиста-революционера. В начале 1918 года Колегаев занимал пост комиссара земледелия России, а затем был отправлен на Дон. Мещеряков, бывший уже членом коллегии Наркомзема России,

автор ряда брошюр, посвященных организации сельскохозяйственных коммун под названиями, которые, конечно, не добавляли к ним доверия в украинских деревнях (6), представил свой проект аграрного закона на III съезде советов таким образом: “Везде нужно твердить крестьянству, что с этой уравнильной прирезкой долго прожить нельзя, что крестьянство должно перейти к социалистическому землеустройству. Это точно и ясно написано в проекте и это мы стремимся провести в жизнь” (7).

Такая постановка вопроса основывалась, естественно на твердых теоретических установках, подобных тем, которые, как мы уже видели, легли в основу непопулярного закона Центральной Рады, предложенного Мартосом за год до того. Подавляющее большинство социал-демократов, исходя из своих марксистских убеждений, стояло в целом на тех же позициях.

В феврале—апреле 1919 года эти позиции были закреплены и систематизированы в разработанном проекте закона, состоящего из 133 статей и восьми разделов, ни один из которых не затрагивал вопроса распределения земель. Вскоре проект был представлен Мещеряковым и одобрен 26 мая с некоторыми изменениями, которые, тем не менее не затронули общих установок (8). В первую очередь гарантировалась максимальная приоритетность в сохранении и, более того, в укреплении обширных земельных владений, а также в создании новых “коллективных” больших хозяйств. Одновременно подтверждалась “временность” распределения земли, которое, как не уставали повторять официальные органы, должно было, во всяком случае, уменьшиться до минимума. Закреплялась установленная уже в феврале государственная собственность, а, значит, прекращение распределения всех земель, на которых выращивалась свекла, принадлежащих сахарным заводам, а также посевов картофеля и пшеницы, традиционно связанных с винокурными заводами. Напомним, что Пятаков родился в одном из таких поместий и, значит, знал прекрасно о ненависти, которую питали к ним крестьяне, особенно правобережные, которые не могли дождаться момента, когда они смогут захватить эти земли и, засеяв их зерном, использовать для своих нужд.

Только в Киевской губернии, где была сконцентрирована основная часть помещичьих земель, большое количество бедняков и батраков, и земельный голод был намного острее, февральский декрет о сахарных заводах отдал Главсахару 1,9 миллионов десятин земли, т.е. “почти всю помещичью землю,

за исключением 80 тыс. десятин". В Подолии таким же образом было исключено из распределения 95-98% помещичьих земель, и можно себе представить, как это отразилось на настроениях и состоянии духа местных крестьян (9).

Вслед за Мартосом было решено, что все поместья, где были произведены улучшения, будут считаться образцовыми хозяйствами, будут национализированы и превращены в совхозы. На Украине это означало исключение из распределительного фонда лучших земель. В июле совхозы, которых насчитывалось 1250, и на организацию которых Наркомзем переклочил всё свое внимание и большую часть своих скудных ресурсов, занимали территорию площадью 1,2 миллионов десятин (10).

Имеет смысл добавить, что лидеры КП(б)У, рассчитывая на совхозы, косвенно продолжали критику, которой подвергли действия Ленина по распределению земель в 1917–1918 годах, считая их причиной возникновения необходимости ввести продразверстку (как если бы октябрьское "чудо" и особенно выживание и укоренение новой власти было бы возможно без признания процесса, который, в свою очередь, был спонтанным и его было невозможно остановить).

Подобные идеи высказывались и осуществлялись в те же самые дни Бела Куном в Венгрии, а критика по поводу действий Ленина в 1917 году полностью разделялась бывшими правыми, теперь "сталинистами" КП(б)У. Они громогласно заявили о своей позиции через Мещерякова в марте 1919 года. Однако, уже в июне 1918 года Яковлев, который, напомним, стал потом наркомземом, дал понять, что сам Ленин в каком-то смысле уже раскаивался в своей аграрной политике октября 1917 года (факт, который помогает понять "маленькую" коллективизацию в России в 1918 году) (11).

Однако в 1919 году на Украине, а потом в 1921 в Донбассе (12) земли, переданные совхозам не обрабатывались, углубляя тем самым кризис сельскохозяйственного производства, делая реквизиции ещё более тяжелыми, подтверждая ещё раз непреодолимые противоречия между реальным миром и его развитием и, на первый взгляд, логичными и последовательными теоретическими и политическими установками левых.

Многочисленные привилегии были предоставлены также коммунаам, организованность которых преувеличенно расхваливала печать. В отличие от совхозов, принадлежащих непосредственно государству, здесь речь шла о добровольных коллектив-

ных организациях, в основном учрежденных (как на Украине в 1919 году), некрестьянами на землях, переданных им государством. Этот факт объясняет, почему можно считать, как неустанно повторяла украинская коммунистическая партия, что они возникли действительно стихийно, а не были организованы силой. Несмотря на это, и несмотря на то, что речь шла о немногим более 500 хозяйств, под которые была выделена достаточно ограниченная площадь земель (около 60-70 десятин в июле 1919 года), эти коммун вызвали общую и сильнейшую неприязнь в крестьянском мире и стали предметом невероятных слухов и спекуляций. К причинам этого необычного феномена мы ещё вернемся, но совершенно очевидно то, что они были непосредственно связаны с “чужеродной” природой самих коммун, а также с недовольством, вызванным тем, что государство присвоило себе право раздавать другим земли, предназначенные, по мнению крестьян, распределению между ними и уже уменьшенные, несмотря на первоначальные обещания, передачей в резервы сахарных, винокуренных заводов, совхозов и т.д. (13)

Принимая в расчет различные мероприятия, из пятнадцати миллионов десятин земли, включающей бывшие владения помещиков, государства, церкви, банков и городских собственников и конфискованной в начале 1919 года, было оставлено “для временного уравнительного распределения” (выражение, взятое из текста закона) не более одной трети. И это случилось тогда, когда ускорение распада института больших семей и последующее увеличение количества семей, последовавшее за кризисом отношений между поколениями, вызванным первой мировой войной, намного обострили земельный голод. Видя распоряжения, касающиеся, например, земель, где были произведены улучшения, можно представить, что речь шла, как правило, о распределении земель худшего качества.

В довершение этого проводилась национализация всего имущества, находящегося на конфискованных землях: скота, сельскохозяйственной техники, семян и других запасов (уже упомянутого инвентаря). Проводимые мероприятия распространялись также на земли, предназначенные на распределение, заявлялось о намерении забрать у крестьян то, что они “незаконно” присвоили после падения режима Скоропадского (14).

12 апреля был одобрен вышеупомянутый декрет о продразверстке. Как обычно, часть, подлежащая реквизиции, росла вместе с увеличением размера хозяйства крестьянина, и здесь

власти исходили из предпосылки, что чем крупнее хозяйство, тем враждебнее, с классово́й точки зрения, настроен владелец и тем больше у него запасов. Как известно, такое представление не всегда соответствовало действительности, поскольку на крупных хозяйствах работали часто достаточно большие семьи, которые нередко исполняли в деревне функции руководства. Пренебрежение этой действительностью было осложнено ещё одним, более серьёзным недосмотром: устанавливая параметры, распределяющие крестьян по разным категориям, власти основывались преимущественно на размерах принадлежащей крестьянам земли и совершенно не принимали в расчёт, что средняя площадь земель крестьянских хозяйств на Украине несколько больше, чем в России. В частности, помощь оказывалась только хозяйствам площадью менее пяти десятин. В то время как, по словам Яковлева, уже в июне 1918 года 70% крестьян Екатеринославской губернии владели землей площадью от 5 до двенадцати десятин. Через год ситуация мало в чем изменилась: тенденция к уменьшению размеров земли на каждую семью, возникшая вследствие вышеупомянутого увеличения количества семейных ячеек, была частично компенсирована завоеванием и перераспределением земель после падения Скоропадского (это перераспределение, в свою очередь, ускорило процесс распада больших семей). Оба процесса вызвали гомогенизирование средних размеров крестьянских хозяйств, которые на Украине продолжали превышать минимальный предел, а, значит, не могли рассчитывать на частичное освобождение от реквизиций, предусмотренных режимом.

Речь шла о процессе осереднячивания, о котором недавно говорил Ленин на VIII съезде РКП(б) с целью поворота аграрной политики в сторону середняка. На Украине же, из которой Москва хотела выжать как можно больше зерна, с большинством середняков, имевших в руках ключи от этого зерна, обращались так же, как и с кулаками. Достаточно было только этой политики, чтобы настроить против режима подавляющее большинство крестьянских семей (15). Одобренному на VIII съезде повороту в сторону середняка, противоречило также принятое на Украине решение передать реквизиции комбедам, состоящим только из членов партии. Этот выбор, сформулированный в декрете о продразверстке, подтверждал политику конца 1918 года. Он был сделан несмотря на то, что результаты этой политики были уже налицо: опыт России совершенно ясно продемонстри-

ровал, что за первым временным успехом, обусловленным желанием части неимущих семей, а также криминальных элементов, завладеть имуществом других жителей деревни, следовало обычно отчуждение крестьянского мира и его более или менее единая реакция. Эти результаты привели российскую партию к отмене комбедов ещё до её VIII съезда, в то время как украинская партия считала их необходимым злом, открыто заявляя на своем III съезде о “неизбежности сильного кулацкого контрреволюционного сопротивления” проводимой аграрной политике.

Все происходящее оправдывалось теорией, согласно которой Украина, потерявшая год по вине немецкой оккупации, была с революционной точки зрения более “отсталой”, чем Россия. Как заявляли Шлихтер и другие “украинские” руководители, российские комбеды были распущены не вследствие оппозиции со стороны крестьянства, а потому, что они исчерпали свои функции. И действительно, с одной стороны, комбеды позволили партии продолжить начатый весной-летом 1918 года процесс раскулачивания, или, лучше сказать, процесс искоренения элиты крестьянского мира, представленной часто зажиточными крестьянами. С другой, комбеды послужили прекрасным инструментом для ликвидации сельских советов, избранных в результате свободного голосования в период между летом 1917 и весной 1918 года, возглавляемых обычно представителями этой элиты и партии социалистов-революционеров. Точно так же, как пытались сделать на Украине в январе, эти советы сначала были заменены в качестве местных органов власти комбедами, затем восстановлены фиктивно на основе тех же комбедов (последние, следовательно, не были “ликвидированы”, а просто влились в структуры новой власти в деревне, как показал Френкин в своей замечательной, хотя иногда и хаотичной, книге о трагедии крестьянских восстаний в России) (16). Введение комбедов в украинских деревнях весной 1919 года было, как признавались впоследствии сами же большевистские руководители, большой авантюрой. Тем более, если принимать в расчет тот факт, что украинские комбеды не пользовались привилегиями и не имели материального стимулирования, что давление Москвы на Шлихтера было настолько сильным, что комбедам не гарантировалась даже “разумная” часть от добычи, которую они же должны были приносить (17).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Терещенко, *Великий*: 97.

2 *Узаконения*: 48-51; Carr, *La rivoluzione bolscevica*: 458-61, 558-72.

3 *Киевщина в годы*: 161 и далее.

4 *Компартия Украины в резолюциях*: 33 и далее; Супруненко, *Очерки*: 194 и далее.

5 Мещеряков, "Земельная".

6 *Деревенская беднота и путь к социализму: о сельскохозяйственных коммунах* (Петроград, 1918); *Национализация и социализация земли* (Москва, 1918); *О сельскохозяйственных коммунах* (Москва, 1918) и т.д.

7 *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 61 и далее, 151 и далее; Adams, *Bolsheviks*: 126 и далее.

8 *Узаконения*: 695-712.

9 Супруненко, *Очерки*: 191-95; Раковский, *Освобождение*: 52-4; Терещенко, *Великий*: 57-69.

10 Супруненко, *Очерки*: 196-98.

11 R.L. Tökés, *Béla Kun and the Hungarian Soviet Republic* (New York, 1967): 130, 181 и далее; *Первый съезд КП(б)У*: 27; В.Н. Мещеряков, "Земельная политика в Великороссии и на Украине", *Коммунист* (Харьков, 8 марта 1919).

12 Graziosi, "At the roots": 122.

13 "Положение в деревне", *Коммунист* (Киев, 18 апреля 1919 г.); Супруненко, *Очерки*: 203 и далее; Терещенко, *Великий*: 64-7; *История КП(б)У*, т. II: 448 и далее.

14 Holubnychy, *Soviet*: 3 и далее; Borys, *Sovietization*: 278 и далее; Кубанин, "К истории": 101 и далее.

15 Стоит отметить, что согласно украинским большевикам, процесс осереднячивания начался уже со Столыпина и был затем ускорен войной, см.: Манилов, *1917*: 38; Супруненко, *Очерки*: 176-78; Holubnychy, *Soviet*: 4; *Узаконения*: 561; *Первый съезд КП(б)У*: 67-8.

16 Френкин, *Трагедия*: 41-72; Шлихтер, "Борьба": 116; *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 109 и далее; *Узаконения*: 10 и далее, 33 и далее; *Компартия Украины в резолюциях*: 38 и далее; O. Figes, *Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in the Revolution* (Oxford, 1989): 61-69 о происхождении сельсоветов в одной из больших российских областей.

17 Кубанин, "К истории": 122; *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 47; *Узаконения*: 561; *Вестник Наркомвнутрдел УССР*, 5 (Киев, 1 мая 1919): 16 и далее.

Г Л А В А 4

БОЛЬШОЕ ВОССТАНИЕ

Как уже отмечалось, последствия проводимой аграрной политики отразились в выступлениях и решениях III съезда КП(б)У. И то, что никто не питал иллюзий по этому поводу, подтверждают многочисленные заявления руководителей партии. Шлихтер, например, приветствовал введение продразверстки и создание комбедов, говоря, что “мы не должны, мы не можем бояться внедрения гражданской войны в деревню”. Обращаясь к сельским коммунистам, Бубнов добавлял: “Вы, товарищи крестьяне, должны знать, что здесь у нас на Украине, кулаков-богачей очень много, и они очень организованы, и когда мы в деревнях начнем насаждать свои коммуну (здесь позиция, во всяком случае, отличалась от официальной политики “добровольности” — А.Г.), когда мы будем там осуществлять свою программу... то эти кулаки будут оказывать величайшее сопротивление”. Раковский же со своей стороны предупреждал партию, что чем сильнее будут затрагиваться интересы мелкой буржуазии, “тем больше будут увеличиваться наши враги” (1).

Я посчитал целесообразным приведение многочисленных цитат, поскольку они приводят к интересным выводам. Теория обострения классово-борьбы в ходе укрепления социализма в мелкобуржуазной стране, которую многие историки считали безумной выдумкой Сталина, в действительности таковой не была. И в этом случае Сталин скорее повторял, конечно, в новых условиях, те “истины” (например: “если коллективизируем, крестьянин будет реагировать, и, значит, классовая борьба будет усиливаться”), которые с самого начала гражданской войны

составляли общее достояние партийных руководителей, в особенности тех, кто сформировался на Южном фронте (2).

Однако вернемся к прогнозам последствий аграрной политики, принятой на III съезде партии. Их стройность нарушала недооценка силы энергии украинских деревень, а также непонимание характера движения, родившегося в этих деревнях. Реакция украинских крестьян была намного сильнее, чем ожидалось, и она быстро заразила охваченные уже волнениями партизанские отряды, возглавив которые большевики когда-то пришли к власти. Результатом стало большое восстание, вспыхнувшее в марте—августе 1919 года. Сами его размеры не позволяют получить о нем полное представление. Необходимо также принять во внимание, что некоторые части западной Украины оставались в руках Петлюры и что большая часть её южных районов до мая находились в руках Григорьева и Махно. Формально не участвуя в восстании, они тем не менее, выходили из-под контроля большевиков.

Данные, находящиеся в нашем распоряжении, благодаря также открытию архивов, более чем достаточны для восстановления довольно четкой картины этого восстания, его хронологии и черт (3). Естественно, что, ввиду большевистской политики, скоро оттолкнувшей от режима также большинство городского населения; ввиду присутствия на оккупированной Украине людей из различных партий и антибольшевистских фронтов; ввиду различных качеств атаманов, что позволило большевикам говорить о “кулацкой (было бы правомернее сказать “крестьянской” — А.Г.) стихии” как о “многоголовой гидре”; ввиду наличия местничества, типичного для крестьянских восстаний, а также этнической и географической разнородности страны, восстание, как и в 1918 году и даже в большей степени, было общим и очень неоднородным. В нем приняли участие русские из городов, рабочие, немецкие колонисты, поляки и, в особенности на юге, также евреи, входившие в отряды Махно. Согласно сообщениям будущего председателя ГПУ Украины Всеволода Балицкого, в окрестностях Одессы, например, во главе восстания встали немецкие колонисты, за которыми следовали крестьяне всех национальностей (4).

Несмотря на ненависть, которую вследствие немецкой оккупации крестьяне питали к представителям этой национальности, это стало возможным ещё и потому, что, как писал Равич-Черкасский, восстание носило “общекрестьянский характер”.

Но, поскольку крестьяне в подавляющем своем большинстве были украинцы, ядро восстания составляло столкновение между правительством Раковского, т.е. “настоящими” большевиками, и украинской деревней. Таким образом, восстание обозначило третью фазу родившегося в 1917 году на Украине большого социально- и национально-освободительного движения, опирающегося на крестьянство.

Через год после описываемых событий большевистские руководители также заметили, что за разнообразием происходящего скрывается некое единство. В резолюциях, одобренных в то время КП(б)У, отмечалось, как “в зависимости от характерных для различных районов Украины социальных группировок в селе” (конечно, на развитие событий оказывали воздействие и другие факторы – А.Г.), восстание принимало различную идеологическую окраску: “анархистскую на юге, националистическую на западе, погромно-бандитскую в окрестностях Одессы и т.д”. Несмотря на это, в заключение делался вывод, что в сущности “прошлогодний “бандитизм” был восстанием единого политически села” против города, определенного как рабочий и коммунистический (5).

Кроме очень интересного употребления кавычек для слова “бандитизм”, которое показывает, что большевики уже прекрасно представляли политико-пропагандистскую выгоду употребления двойной правды (которая, однако со временем стала для них ловушкой (6)), можно заметить, что и прилагательные, которыми определяли города, были далеки от действительности. Согласно сводкам, поступавшим в Центральный Комитет, уже в начале апреля даже рабочие и железнодорожники промышленных центров, которые, как Бахмач, ранее были оплотом большевиков, стали разделять общую враждебность по отношению к коммунистам (подобных примеров можно привести множество, некоторые из них будут отмечены на последующих страницах) (7). Кроме того, с февраля по август 1919 года ситуация резко изменилась, и тенденции к объединению движения, проявленного деревней, подтвердились ещё с большей силой. В результате политики правительства Пятакова-Раковского многие просоветски настроенные атаманы, оставаясь в целом враждебными Петлюре, вновь ещё с большей силой подчеркнули свое украинское национальное чувство. Тот же Махно, хотя и продолжая осуждать как национализм, так и антисемитизм, становился тогда всё более и более “антицентралистом”, начиная

понимать, почему люди Григорьева смогли пойти за “фальшивыми знаменами” (8). Эта эволюция подтверждается рассказанной выше историей таращанской бригады, но можно было бы привести множество других, не менее интересных случаев.

В Умани, например, антигерманское сопротивление возглавляла группа студентов, состоящая из боротьбистов и большевиков из известного местного института агрономии. Они сохранили единство и в борьбе против Петлюры. Но уже во время легализации профсоюзов, проведенной Директорией, имели место первые размолвки, вызванные предложениями боротьбистов. Они требовали равного представительства в управленческих органах евреев, русских и украинцев. Несмотря на это, лидер боротьбистов Шторгин был спасен от ареста большевиком Красным (И.Н. Гладун), который использовал подпольную большевистскую сеть, чтобы помочь ему укрыться в Киеве. Шторгин возвратился в Умань в качестве председателя ЧК после “освобождения” города в марте 1919 года. Но уже в апреле, по причине выборов в исполком местных советов, вновь вспыхнули ожесточенные столкновения. Тогда Шторгин воспротивился способу выборов, поддерживаемому большевиками, аргументируя свой протест тем, что в этом органе “нет крестьян, мало украинцев, много коммунистов”. Вскоре он встал во главе восстания, жестоко обрушившегося на членов продотрядов, но пощадившего партийных руководителей. С прибытием подкрепления из Киева, большевики вновь взяли верх и расстреляли всех лидеров “кулацкого” восстания, включая и Шторгина; подавление восстания сопровождалось жесточайшими еврейскими погромами (9).

Не менее любопытной является история Волоха. Офицер-националист, антибольшевик, он, однако, питал симпатии к боротьбистам. В состав его полка в начале 1918 года входили бойцы, многие из которых впоследствии сформировали первые отряды красных казаков.

В последующие месяцы он возглавил в Волини бригаду “гайдамаков”, которая приняла участие в борьбе против немцев, а затем в 1919 году – против большевиков. Интересно, что бригада сражалась против большевиков под красными знаменами с надписью “Долгая жизнь советской власти на Украине”, сохраняя враждебное отношение к Петлюре и даже захватив его штаб-квартиру в конце 1919 года. Бригада была переименована в украинскую красную армию Галиции, затем часть бригады

была интернирована в Польше, а остальные – уничтожены большевиками (10).

Однако вернемся к хронологии большого антибольшевистского восстания 1919 года и попытаемся восстановить хотя бы основную цепь событий. Первые мятежи просоветских отрядов наблюдались уже в феврале–марте, главным образом, в Киевской, Подольской, Волынской и отчасти в Полтавской и Екатеринославской губерниях.

В восточной и южной части Украины эти первые мятежи часто возглавлялись левыми русскими социалистами-революционерами. Однако вскоре в борьбу включились и украинские левые, отстраненные от участия в большевистской политике. Как известно, после первых инициатив, предпринятых представителями из различных местных партий, первой организацией, которая перешла к активным действиям, была организация социал-демократов незалежников. Вскоре за ними последовали все более уплотняющиеся ряды украинских социалистов-революционеров, в которых было весьма заметно отсутствие боротьбистов, не прекращавших попыток, во всяком случае на уровне руководства, прийти к соглашению с правительством Раковского и добиться реформ со стороны правительства.

Поначалу такое поведение объединило многих украинских левых и, прежде всего, многие партизанские отряды, которые пытались сохранить верность “советской” власти. Но в то же время эти отряды разделяли идеологию и требования повстанцев, так что было довольно трудно использовать их для подавления проходившего восстания, и вообще они казались ненадежными и потенциально враждебными в отношении к большевистскому центру.

По мере развития событий это впечатление подтвердилось всё возрастающей тенденцией объединения партизанских отрядов с антиправительственными силами. Большинство большевистских руководителей объясняли этот факт скорее националистической и “мелкобуржуазной” природой этих отрядов, чем проводимой ими политикой. И все-таки, как заявил главнокомандующий украинской Красной Армии, восстания отрядов и деревень, искренне считавших себя социалистами и советскими, были вызваны именно “нашей земельной и национальной политикой на Украине”. Отождествление середняка с кулаком, продовольственная диктатура, действия московских продотрядов и интернациональных полков (состоявших часто из бывших

военнопленных австро-венгерской войны), по мнению Антонова-Овсеенко, только ускорили разложение “нашей почти исключительно крестьянской армии”. Все это, заключал он, “возрождает национализм, поднимая на борьбу с “оккупантами” всё население без различия” (11).

В конце марта социал-демократы и социалисты-революционеры центристы присоединились к незалежникам и подписали с ними соглашение, направленное против правительства Раковского. За соглашением последовал призыв к восстанию, брошенный незалежниками совместно с социалистами-революционерами, стоящими на центристских позициях. Таким образом, поднялась первая большая волна антибольшевизма, увлекшая за собой таких мятежных руководителей, как Батрак, Кацюра, Струк, Ангель и Соколовский, которые, как мы уже знаем, были раньше на стороне нового правительства, проводя с ним переговоры и заключая соглашения о сотрудничестве (12).

Сразу возникли очень серьезные осложнения, главным образом, в Киевской губернии, где, напомним, земельный голод был особенно острым, а люди раздражены декретом, который исключил из распределительного фонда большие земельные территории, связанные с сахарными заводами. Здесь прошли 34 из 93 апрельских восстаний, в то время как на Черниговщине и на Полтавщине их было соответственно 19 и 17 (13).

1 апреля 1919 года был объявлен вне закона Зеленый, влиятельный командир одного из крупных партизанских отрядов. В те же дни столица была практически изолирована от остальной части страны крестьянскими отрядами, которые шли на борьбу с криком “Да здравствует советская власть! Долой большевиков и евреев!” (достаточно распространенное поведение, свойственное согласно сводкам для Центрального Комитета, также рабочим-неукраинцам городских центров) (14).

Опасность падения Киева, который ещё в середине месяца имел связь только с 6 из 21 волостей своего уезда, казалась настолько реальной, что 3 апреля руководитель бывших правых Донбасса Артем написал в Москву, требуя немедленной отправки на Украину полномочного “авторитетного лица, авторитетного продовольственника, хотя бы Сталина (который имел ту же должность, что и год назад в Царицыне, – А.Г.)”. Такое лицо должно было положить конец безумной политике левых во главе с Пятаковым, спровоцировавшей восстание, и снова овладеть контролем над ситуацией (15).

Однако предприняв неимоверные усилия, Пятаков, Бубнов и Ворошилов смогли выйти из трудной ситуации, использовав только в Киевской губернии 14.000 человек, из которых более 6.000 были отправлены против Зеленого (16). Таким образом, крестьянские и партизанские отряды не смогли взять столицу и были вынуждены оставить важнейшие центры и даже некоторые из своих “цитаделей”. Однако отряды не были истреблены и часто отступали в леса, где быстро восстанавливали силы.

Партия, кроме репрессий, в начале апреля среагировала на восстания поворотом “влево”. В частности, на пленуме ЦК КП(б)У, состоявшемся с 7 по 9 апреля, была одобрена резолюция, которая осуждала “кулацкую контр-революцию”, но в то же время заявляла, что она прикрывала “свою кулацко-шовинистическую сущность большевистской фразеологией: “Мы – украинские большевики”, “Мы за власть Советов”, но “против жидов и кацапов”, “за самостоятельную Украину””. Резолюция признавала также, что повстанческое политическое руководство поддерживалось не “правыми националистами”, а украинскими социалистическими партиями, но в то же время эти две силы объединялись в единый антиреволюционный фронт.

Далее, ссылаясь на “своеобразные местные условия”, резолюция пыталась оправдать значительные изменения политической линии, одобренные недавно на VIII съезде РКП(б).

На первое место ставилась “задача беспощадного подавления кулацкой контрреволюции”, и этой задаче подчинялась новая политика повышенного внимания к середняку. Это, говорилось далее, было тем более необходимо на Украине, где середняки были очень близки к кулакам, которым удавалось “обманывать” даже многих бедняков. И поэтому только батраки могли быть надежной основой в борьбе против *soi-disant* “украинских большевиков”. Чтобы оказать сопротивление последним, были приняты чрезвычайные меры, среди которых особое место занимала милитаризация партии, которая превращалась в машину для борьбы против мятежного “чужого” населения. 19 апреля Антонов-Овсеенко оспорил такую установку в своем действительно замечательном рапорте в Совет Обороны РСФСР, где он разоблачал политику Пятакова и Царицынской компании. Однако на предложения о радикальном повороте, выдвинутые командующим армией, ЦК КП(б)У раздраженно ответил, что не намерен сходить с раз избранного им пути (17).

Май начался новой волной восстаний. Только в первой половине месяца прошло 28 восстаний, 13 из которых вспыхнули на Киевщине, 5 на Екатеринославщине и 4 в Подолии. 8 мая вспыхнуло одно из самых важнейших восстаний, возглавляемого Григорьевым, перешедшим от боротьбистов к украинским социал-демократам (хотя, на самом деле, политические ярлыки мало что могут сказать об этой личности). Его отряд насчитывал около 15.000 человек, имел бронепоезда, пушки и сотни пулеметов.

На протяжении предыдущего месяца в Киев поступали сообщения о ненадежности Григорьева. Например, одна из сводок от 13 апреля из Одессы открывалась словами “Больше всего нас беспокоит Григорьев”, который “дебоширит и пьянствует”. Другие тексты подчеркивали амбиции и многочисленные отвратительные черты характера этого человека и его идеологии, а также антисемитизм и жестокость его людей. Но в то же время, эти были те же люди, которых III съезд советов и московская пресса в момент “освобождения” юга приветствовали как героев. Антонов-Овсеенко, поехавший на встречу с Григорьевым прямо перед восстанием, писал Раковскому, что отряды и население зоны, находившейся под контролем этого партизанского командира, были спровоцированы действиями продотрядов, а также политикой правительства, вызывавших возмущение не только у кулаков, но и во всех слоях населения.

В знаменитом манифесте, выпущенном в момент восстания, Григорьев объявлял себя советским и социалистом и призывал к борьбе против продотрядов, ЧК, аграрной политики правительства Раковского, коммунистов и евреев. Его стремительное наступление, сопровождавшееся насилием не только по отношению к евреям, завершилось таким же быстрым поражением, обусловленным рядом причин (18).

Большую роль, безусловно, сыграла жестокость в подавлении восстания, массовые расстрелы, в отдельных местностях до нескольких сотен в день, которыми отличились отряды Е.А. Щаденко (19). Главную заслугу тогдашней победы приписал себе Ворошилов, хваставший повсюду чужими успехами. Антонов-Овсеенко был разгневан поведением Ворошилова и 2 июня сообщил о его действиях и обмане Ленину и Раковскому. Кроме того, войска, находящиеся в подчинении Ворошилова, предались безудержным грабежам “освобожденных” зон, причем “добыча” (оружие, боеприпасы, продовольствие, экипиров-

ка и т.д.) присваивалась грабителями, что раздражало как Киев, так и Москву (20).

Однако в быстром подавлении восстания немалая доля принадлежала и Махно, который отказался создать единый фронт с Григорьевым, несмотря на формальные предложения последнего и на то, что на III съезде советов Гуляйпольского района он сурово осуждал политику правительства Раковского и комиссародержавие. Невзирая на всё это, уже в мае на встрече с Каменевым и Антоновым-Овсеенко Махно заявил о своей верности идеалам революции, а позже собственноручно застрелил Григорьева, чтобы наказать его, как он сам говорил, за еврейские погромы.

И, наконец, ещё одной причиной поражения Григорьева был небольшой переворот, совершенный КП(б)У под давлением Москвы и приведший к власти боротьбистов. Их идеология и убеждение в том, что они находятся перед лицом мировой революции привели к тому, что боротьбисты даже не попытались воспользоваться предоставленным им случаем возглавить антибольшевистское движение. Таким образом, большое восстание 1919 года потеряло один из немногих центров, который мог бы руководить им и остановить самые ужасные беспорядки, хотя надо помнить, что боротьбисты были слабыми, а насильственные импульсы очень сильными (21).

Незначительный поворот выразился также в предложении Лациса осуществить реформу ЧК и в обещании Мещерякова передать крестьянам хотя бы половину земель, отданных Главсахару. Последнее вызвало сразу отрицательную реакцию российского ВСНХ, который, по подстрекательству одного из киевских большевистских руководителей Черекул-Куша, обвинил новую политику в разрушении сахарной промышленности (стоит добавить, что Черекул-Куш уже отличился к тому времени своим антиукраинизмом: например, в июне 1917 года он заявил, что даже если Учредительное собрание “высказалось бы за самостоятельную Украину, мы (большевики – А.Г.) и тогда должны были бы бороться с этим решением” (22).

Давление Москвы, обеспокоенной развитием событий в украинских деревнях, провалом заготовок и, прежде всего, угрозой Деникина Донбассу, выразилось также в прибытии на Украину Каменева, Иоффе и Троцкого. Последний, в частности, несмотря на свои частые перемещения, посвятил несколько недель “украинскому вопросу”, оказав, тем самым большое

влияние на ход событий (23). 19 мая, когда проходили последние операции по окончательному подавлению восстания Григорьева, на пленуме ЦК КП(б)У принимались решения о роспуске украинского фронта и подчинении украинского командования российскому; а также о слиянии важнейших комиссариатов Украины с соответствующими московскими.

Однако все предпринятые меры и усилия не привели к желаемым результатам. Ещё в конце мая *Бюллетень* украинского ЦК был вынужден говорить о “деревнях, которые волнуются, как море во время бури” и о “повстанческом селянском рухе”, который прикрывал свою “истинную” сущность... обманчивыми лозунгами. Поэтому, добавлялось, Украина покрыта повстанческими бандами, опирающимися на “аморфность селянских мас”, включая также бедняков и середняков. Но в этом явлении, говорилось в заключении, не было ничего исключительного, речь шла о закономерной реакции отсталой мелкобуржуазной страны на социалистическую революцию. Таким образом, в который раз обострение классовой борьбы представлялось “нормальной” реакцией, вызванной введением социалистических мер.

Желаемые результаты не появлялись ещё и потому, что, несмотря на поворот, о котором мы говорили, в конце месяца КП(б)У исходила из необходимости завоевания середняков и бедняков, но предлагалось это сделать через “строгую классовую политику”, “внедряя микроб гражданской войны в деревни” (24).

Как известно, именно эта политика вызвала как в России, так и на Украине волну больших крестьянских восстаний. Известно также, что прибытие Троцкого повлекло за собой резкое ужесточение мер, направленных на превращение украинской Красной Армии и её партизанских отрядов в регулярную армию. Однако грубое и механическое применение русского опыта, который обеспечил быстрый успех в стране с сильными государственными, имперскими и военными традициями, благодаря также их восстановлению (вспомним об использовании бывших царских офицеров), привел к совершенно другим результатам на Украине, стране, которая на протяжении веков находилась под угнетением, где к тому же проходило широкое и хаотичное движение за национальное и социальное освобождение. Таким образом, количество восстаний, охвативших целые отряды, росло. Тем более, что решение о ликвидации Махно, после того как

разделались с Григорьевым, очистило дорогу для продвижения Деникина.

В первую очередь по приказу Троцкого было приостановлено снабжение отрядов Махно, которые должны были сопротивляться белым без боеприпасов. Почти сразу же, 26 мая, несмотря на протесты Антонова-Овсеенко и на сообщения о наступлении Деникина, часть самого надежного воинского контингента была брошена на подавление махновщины, оказавшейся в этой ситуации под двойным обстрелом. Таким образом, Деникин, действовавший с меньшим количеством воинского состава, но сумевший уже воспользоваться пустотами, образованными восстанием Григорьева и проблемами, возникшими у большевиков во время восстания северных районов Дона, получил возможность закрепить и развить свои успехи.

Имеет смысл добавить, что, как отмечал и Адамс, роль Троцкого в прорыве фронта Деникина, и, в любом случае, провал его миссии на Украине (напомним, что он поехал туда в мае, чтобы навести порядок), можно считать одной из причин его разрыва с Лениным в июле 1919 года, имевшим важнейшие последствия в событиях последующих трех лет. Вполне допустимо, что Ленин считал тогда Троцкого в какой-то мере ответственным за поражение и поэтому он всё больше склонялся к мнению Сталина, который подготавливал себе дорогу, организовывая и “раскрывая” несуществующие заговоры и заключая союз с победителями на восточном фронте, имевшими, в свою очередь, личные счеты с Троцким (25).

Новый чрезвычайный пленум ЦК, состоявшийся 28 мая в Киеве, вынужден был признать, что ситуация в Донбассе близка к катастрофической и что очевиден общий коллапс правительства и партии в стране, уже охваченной всеобщим хаосом. Тогда же на Украине, следуя, как всегда, примеру России, было решено создать Совет обороны под председательством Раковского, получавшего чрезвычайные полномочия. Кроме того, по приказу Российского ЦК, Пятаков вместе с Бубновым был отправлен в Донбасс. Этот приказ, который фактически означал его отстранение от работы в секретариате КП(б)У, ознаменовал собой конец “украинской авантюры” Пятакова. 30 мая на его место был назначен Станислав Косиор, его бывший товарищ по партийному течению, который вследствие событий предыдущих месяцев убедился в правильности позиции своих старых противников и, намеревался стать членом сталинской группировки.

Это решение фактически утверждало ликвидацию относительной независимости Советской Украины, которая была начата за десять дней до описываемых событий, и укрепляло неоимперский поворот середины 1919 года, получивший затем формальное подтверждение в вышеупомянутых июньских соглашениях (26).

Именно в этом контексте надо рассматривать формальное объявление войны “русскому” правительству Раковского, сделанное в июне группой украинских (совершенно не прокрестьянских) марксистов, возглавляемой Юрием Мазуренко, уже упомянутым выше главой просоветской делегации, которую отправил Винниченко в Москву в январе. Речь шла о группе социал-демократов, носителей особенно зрелой формы национал-социализма отсталой и угнетенной страны. В частности, они были сторонниками модели, основанной на быстром промышленном развитии Украины под предводительством социалистов. Эта модель станет “популярной” десятилетия спустя (и приведет часть украинского руководства к поддержке сталинской принудительной индустриализации конца 20-х годов) (27).

Распад правительства Раковского продолжался, и в течение нескольких недель стало очевидно банкротство (слово, употребленное Лацисом) большевистского опыта на Украине. Сегодня можно проследить за ходом событий по протоколам ЦК и Политбюро КП(б)У, подтверждающих, как группа большевистских руководителей, имея перед собой растущую всеобщую враждебность населения страны и всё больше теряя контроль над ней, продолжала все-таки, по инерции или с отчаяния, следовать линии, заведшей их в тупик, из которого нельзя было выйти. Достаточно вспомнить об июньских соглашениях, которые санкционировали формальное подчинение Украины России, или о попытках, предпринятых до поражения, отправить в Россию как можно большую часть урожая, разного рода имущества и сырья. Шлихтер, например, отстаивал тогда необходимость развертывания в стране, охваченной восстаниями, “вооруженной борьбы, войны за хлеб”. 16 июня он запросил ЦК предоставить в его распоряжение 150 командиров и 15.000 рабочих (что совершенно не означает, что членами его отрядов действительно стали рабочие) для организации массовых реквизиций в 30 уездах Киевской, Херсонской и Подольской губерний. Через несколько дней возглавляемая им карательная экспедиция направилась в едва успокоившиеся после поражения Григорьевы районы “для выкачивания хлеба” (28).

Между тем в городах, объятых хаосом, вспыхнул красный террор, выразившийся в ужасных пытках и массовых расстрелах. В Одессе, окруженной восставшими крестьянами, большевики попытались даже договориться с организованной преступностью, позволив печально известному Мишке Япончику, ставшему знаменитым благодаря рассказам Бабеля, организовать “отряд” из 2.400 уголовников, которые снабжались тяжелым вооружением в обмен на обещание пойти на сражение с крестьянами, угрожавшими городу и местечкам, где жили евреи (часть уголовников была из этих общин). Едва получив оружие, новорожденный “отряд” принялся грабить город, причем этому грабежу никто, даже отряды верные режиму, не мог помешать, так как в руках у преступников были пулеметы (29). В Харькове Пятаков, назначенный председателем Революционного Трибунала, выпускал воззвания с угрозой, что “всякое недонесение будет рассматриваться как преступление” и приговорил Махно к смертной казни. Одновременно он укрывал факт использования в тюрьмах пыток, практикуемых ЧК, которая, как никогда, стала полновластным хозяином положения. Поэтому не вызывает удивления, что большинство городского населения встретило приход белых с облегчением, почти с энтузиазмом (30).

События происходили 26 июня. В последующие недели, когда войска Деникина продолжали наступать с юга, а с запада в направлении Киева двигались войска Петлюры, антибольшевистские восстания всё больше распространялись. С 1 по 19 июля их число достигло уже 200, из которых почти половина вспыхнула на Киевщине, 37 на Полтавщине, 20 в Волынии и 14 в Херсонской губернии. В ближайшие за этими событиями дни пожар восстаний вспыхнул ещё сильнее. Этому способствовало решение, принятое в начале августа, о передаче в ведение ЧК вопроса о деятельности заготовительных пунктов. Это было вторым после конца 1918 года кульминационным моментом украинского крестьянского движения, которое отличалось от традиционных форм крестьянских восстаний, связанных обычно с календарем проведения сельскохозяйственных работ и поэтому, естественно, усиливающимся весной и осенью.

21 июля большевики потеряли Полтаву. 1 августа Троцкий телеграфировал в российское Политбюро, что “при том бандитизме, который царит на Украине”, было невозможно организовать серьезное сопротивление. 13 августа белые вошли в Киев,

откуда они поспешили прогнать националистов, вошедших в город почти одновременно. В последних сводках, полученных Раковским в момент краха, украинские деревни описывались потерпевшим поражение и расстроеным большевистским руководителем как “чужие, вооруженные и антисемитские”, с местными советами в руках “кулаков” и где даже военкомы, назначенные правительством, были, часто и на уездном уровне, “элементами темными, криминальными, петлюровцами” (31).

Однако, как признавал несколько месяцев спустя Раковский, бунтовали не только зажиточные крестьяне, но и вся деревня. Иначе и не могло быть, поскольку в 1919 году, как год спустя подтвердили официальные резолюции партии, борьба против украинского крестьянства, начатая большевиками, “носила характер лобового удара по всей деревне” (32).

Советы, на которые жаловались в августе большевики как на враждебные и “кулацкие”, были те же самые, где, как ещё в марте хвастались большевики, они имели прямой или через симпатизирующих им контроль на 80%. А партизанские и крестьянские повстанческие отряды состояли из бедных крестьян, как, например, в Киевской губернии, и даже из батраков, воевавших за приобретение куска земли (здесь уместно вспомнить, что псевдоним “Батрак” имел один из самых известных атаманов). Кроме того, наблюдалось массовое участие в отрядах дезертиров из Красной армии. Как телеграфировал Троцкий в российский ЦК 11 августа, “состояние солдата – это такое состояние, в котором украинский крестьянин находится, пока не получит винтовку, дабы с ней вернуться к себе на село, где винтовки стекаются в руки кулаков и так называемых середняков, т.е. потенциальных кулаков” (курсив мой – А.Г.) (33).

Если то, что зажиточные крестьяне поставляли руководящие кадры для восстания, а также снабжали эти восстания всем необходимым, было верно, то, тем не менее, как становится ясно из анализа преобладающих в то время идеологий, нельзя сказать, что они имели доступ к политическому управлению. Поэтому интересно знать, почему большевики, которые были в курсе всего происходящего и в августе на собраниях своих руководящих органов говорили о “крестьянских восстаниях”, называли затем восстания 1919 года как “кулацкие” и в дальнейшем определяли их только этим термином. Как совершенно очевидно следует из процитированной фразы Троцкого, отождествление и взаимозаменяемость понятий “крестьянин” и “кулак”

было также результатом впечатления, вызванного общей враждебностью деревни. Однако рассудком большевистские руководители прекрасно понимали, что идентификация этих понятий не имела никакого основания. Поэтому можно сказать, что, как и в случае употребления в документах внутреннего пользования кавычек для слова бандитизм, мы находимся перед лицом развития неких “умозаключений” (Маркс назвал бы “идеологии”), аналитическую ложность которых осознавали многие. Но от внедрения этих “умозаключений” ожидалась значительные политические выгоды, причем их авторы и не подозревали, что инструмент искажения реальности и господства над ней со временем может превратиться в оковы для самих же его изобретателей и в тюрьму для ума их наследников.

В 1925 году один из советских исследователей махновщины выразится по этому поводу достаточно ясно: “употребляя слово “кулак”, я придаю ему значение не то, какое он в действительности имеет – ростовщик, паразит, пользующийся исключительно наемным трудом, а в общежитском, т.е. зажиточный или богатый селянин”. На самом деле, уже с 1919 года это слово употреблялось по отношению ко всем, кто мог иметь запасы зерна, или к тем, кто сопротивлялся реквизициям, и вообще ко всем, кто каким-либо образом сопротивлялся политике правительства. И в этом случае, как уже было с теорией обострения классово-борьбы при социализме, Сталин, перешедший в наступление в 1929 г., не придумал новых слов, а просто придал логическую последовательность уже существующим “рассуждениям” и типам поведения, сильно укоренившимся в руководителях времен гражданской войны (34). Не ограничившись только словесными угрозами, большевистские руководители проявили и на практике свою враждебность по отношению к чужой им деревне (а украинская деревня была ещё более чужой именно потому, что была украинской), выразившейся уже в 1919 года в необычайной жестокости насилия, применяемого в ходе подавления крестьянских волнений и уничтожения банд.

Уже упоминавшаяся ненадежность многих украинских полков, подкрепленная бунтами июня 1919 года, которые вспыхнули даже в таких отборных войсках, как соединения красных казаков, а также в российской регулярной армии, солдаты которой задавали себе вопрос, почему они должны сражаться “за хохлов, на что мне нужна Украина”, заставили большевиков, как и немцев в 1918 году, прибегнуть к помощи войск

специального назначения (35). Таким образом, начиная с 1919 года главными действующими лицами внутренних фронтов стали многочисленные особотряды. Многие из них отправлялись на Украину непосредственно из Москвы, как, например, отряды, запрошенные телеграммой Троцкого. Во главе этих отрядов был поставлен Ворошилов, которому было поручено подавление восстаний.

Речь шла о подразделениях особого типа, в которые входили внутренние войска НКВД, реорганизованные Лацисом сначала в апреле, а затем в июне; части особого назначения, в которые набирались только члены партии или комсомола; особотряды армии, находящиеся под контролем партии и более или менее эквивалентные особенно агрессивной военной полиции; продотряды, часто используемые в подавлении ими же вызванных восстаний.

Обычно в этих подразделениях было очень мало украинцев, даже если их командующий Ворошилов был “русифицированным” украинцем. Как в 1918 году в Средней Азии, самыми устрашающими были отряды “интернационалистов”, сформированные на Украине из нескольких тысяч бывших военнопленных австрийцев, немцев, румын и венгров, которым было обещано возвращение на родину в обмен на услугу (здесь часто речь шла о солдатах, отставших от своих войск, не способных приспособиться к гражданской жизни и готовых к любой авантуре; это явление в то время было распространено по всей Европе). В частности, было очень много венгров, поскольку после своего прихода к власти Бела Кун запросил правительство Раковского мобилизовать всех граждан Венгрии, проживающих на Украине, в особые отряды для оказания помощи Советской Венгрии. На Украине, кажется, действовало и несколько китайских отрядов, о страшной жестокости которых распространились слухи всякого рода, основанные иногда на ложной информации. Естественно, что такой “чуждый” состав самых активных в подавлении отрядов не мог не разжечь “национал-социалистические” инстинкты деревни (36).

В деятельности этих особых отрядов и войск, занятых в операциях по чистке на внутреннем фронте, проявлялась, естественно, преемственность событий 1918 года, в частности, расстрелы в городах в начале года. Но намного важнее были нововведения, заключавшиеся в принятии и в применении жесточайших репрессивных мер по отношению к крестьянству

в целом. Эта политика, официально резко осужденная в 1920 году (хотя, впрочем, как мы увидим, к ней продолжали прибегать в случае необходимости), была описана в официальных документах. Примером тому может служить жестокая резолюция против “кулацких” восстаний, составленная Бубновым, Раковским и Иоффе в начале августа 1919 года (37).

Из этого и других документов можно понять, что политика, которую Троцкий и Раковский окрестили соответственно “железная метла” и “железные рукавицы”, предполагала разрушение деревень, признанных “притоном” партизанских отрядов и повстанческих банд. Поэтому ЧК при помощи допросов и пыток заключенных, например, последователей Махно, с особой тщательностью восстанавливал географию восстаний и точки их опоры, следуя тактике, анализ которой показал, как прекрасно были прослежены местные корни крестьянских волнений, тесно связанных с уже упомянутым местничеством.

Среди прочих предпринятых мер, часть которых доводила до совершенства практику, примененную во время первой мировой войны, были: предупредительное взятие заложников (38); применение коллективной ответственности относительно как заложников, так и их родных и соседей; введение жестоких коллективных наказаний вплоть до казни каждого десятого (во всяком случае угроз исполнения, вплоть до расстрелов мужского населения обвиняемых деревень); обращение к карательным мерам, которые доходили до обещаний расстрелять сто человек за каждого убитого коммуниста и т.д. (уже упомянутый Колегаев, перешедший с Украины на Дон, установил там процентный расстрел взрослого мужского населения) и поджог “подозреваемых” деревень. В ряде мест по отношению жителей “виновных” деревень стали вновь применяться массовые порки, большим специалистом которых был когда-то Аракчеев и которые гневно разоблачали Герцен и Салтыков-Щедрин (как известно, порки применялись ещё в начале века, когда наказывали таким способом украинских крестьян, ответственных за нападения на сахарные заводы). Некоторые из самых жестоких преступлений приписывались впоследствии кулацким агентам, якобы внедрившимся в Красную армию, но существующая документация не вызывает никаких сомнений о реальном положении вещей и о жестокости подавления крестьянских выступлений. Все события на сегодняшний день основательно подкреплены новыми архивными документами, Однако, чтобы лучше и четче

представить происходящее, достаточно проявить больше внимания и доверия к текстам советских официальных документов тех месяцев (39).

Насколько бы ни были известны или, лучше сказать, познаваемы с годами, жестокость этих репрессий ещё и сегодня вызывает ужас. Вместе с тем надо признать, что историки ещё не обратили должного внимания на влияние подобных событий на дальнейший ход советской истории (проблема, к которой мы вернемся в заключении). Тем более, что подобного уровня репрессии достигли не только на Украине 1919–1920 годов. Напротив, в некоторых регионах дела обстояли ещё хуже. Примером тому – события в Средней Азии, начавшиеся в 1918 году. Этот список можно продолжить донскими событиями 1919 года, где только 8-ая армия Сокольников, которую все упрекали в умеренности, расстреляла в течение считанных недель несколько тысяч человек; событиями в Тамбовской губернии в 1920–1921 годах и Крыму в конце 1920 года (40), где М.В. Фрунзе в секретном представлении предложил дать высокую награду Е.Г. Евдокимову за то, что его особый отряд в течение нескольких дней расстрелял 12.000 человек (стоит добавить, что два пораженца 1919 года, Пятаков и Бела Кун, несли в те дни политическую ответственность за Крым). Правда, здесь речь шла о жертвах, состоявших из офицеров и симпатизирующих белым, но тот же Евдокимов применил свой опыт и технику в качестве начальника Особого отдела Южного фронта, чтобы получить затем задание по ликвидации украинского “бандитизма” (41).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 32 и далее, 109 и далее.

2 В этом смысле настоящими новаторами были Ленин эпохи НЭПа и руководители “правых”, даже если можно вполне полагать, что они встали на путь возвращения к гуманным традициям социализма, с которыми большевики драматическим образом порвали в 1917–22 гг. Всегда в этом смысле вполне допустимо критиковать теорию, согласно которой в 1928–29 гг. с централизованных заготовок дошли до раскулачивания, а затем до коллективизации. Те, кто в 1928 г. стал вновь следовать политике 1918–19 гг., имел ясное представление о её последствиях, как проявилось, например, в словесной перепалке между Ворошиловым и Бухариным в 1928 г., отмеченной в конце этой книги.

3 Данные о восстании см. в: Раковский, *Освобождение*: 2; Шлихтер, “Борьба”: 128 и далее; Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. III: 329 и далее и т. IV: 58

и далее; Равич-Черкасский, "История": 121 и далее; Adams, *Bolsheviks*: 232 и далее; Там же в Hunczak, *Ukraine*, и на сегодняшний день, главным образом, вышеупомянутые бюллетени и сводки, подготовленные для правительства и ЦК партии соответствующими отделами осведомления, в ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419 и в РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, дд. 368 (в котором, однако, находятся вперемешку материалы 1919 и 1920 г.) и 369. Богатая документация о восстаниях 1919 г. хранится также в РГВА, как в фондах отдельных армий, действующих на южном фронте, например, № 198 (Тринадцатой армии), так и в фондах украинского Наркомвоендела (№ 25860).

4 ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419, 11. 1-88.

5 Равич-Черкасский, "История": 121 и далее; Христюк, *Замітки*, т. IV: 131 и далее; *Компартия України в резолюціях*: 95 и далее.

6 Построение, с целью контроля и манипуляции действительностью, категорий, в ложности которых в начале они прекрасно отдавали себе отчет (и поэтому надо подходить с большой осторожностью к текстам большевистских руководителей и было бы наивным понимать их буквально), что заставило в дальнейшем режим прибегнуть к смиренной рубашке. Она также была сделана из обмана, который мешал всё увеличивающейся группе руководителей, вынужденных вскоре придерживаться этих категорий даже в конфиденциальных дискуссиях, "видеть" действительность, а, значит, и отвечать надлежащим образом на его призывы. Это ещё больше ограничило свободу действий группы руководителей, которая уже частично была пленником категорий марксистской идеологии, во всяком случае менее обязывающих и "закрытых" от реальности по сравнению с категориями, служащими для ближайших политических целей. К этой теме мы вернемся в настоящей главе, когда речь пойдет об эволюции употребления слова "кулак". Мой друг Антонелло Вентури сделал наблюдение, что, возможно, это рассуждение "ложное", потому что далекое от действительности, но "мощное", потому что способно изменить ее. Так же и марксизм имел подобные характеристики, как, впрочем, и многие другие импортированные западные идеологии (см., например, дискуссию по вопросу: Albert Hirschmann, "Underdevelopment, Obstacles to the Perception of Change and Leadership", *Daedalus*, 3 (1968)). Но русские марксисты были бессознательными пленниками своей идеологии, которая, во всяком случае, возникла как искренняя попытка объяснить действительность. Мне же кажется, что в ходе "гражданской войны" произошел качественный скачок именно в осознании руководством ложности подобных "рассуждений".

7 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 369, л. 123.

8 Об эволюции Махно касательно украинского национального вопроса см. Sysyn в Hunczak, *Ukraine*: 271-304.

9 С.П. Партигул, *Большевики Умани в борьбе с контрреволюцией*, в: *В защиту*: 177-87; ГАРФ, ф. 130, оп. №, д. 419 (сводки 110-122, Август 1919).

10 Majstrenko, *Borot'bism*: 171 и далее.

11 Антонов-Овсеев, *Записки*, т. IV: 147 и далее.

12 Христюк, *Замітки*, т. IV: 131 и далее; *Гражданская война на Украине*, т. I, ч. 2: 360-61.

13 Раковский, *Освобождение*: 2 и далее.

14 Шлихтер, "Борьба": 105; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 369, 11. 109 и далее. К сожалению, многие из сводок, подготовленные для Центрального Комитета с 13 апреля по 10 мая в единственном экземпляре, кажется, были потеряны,

когда Пятаков повез их с собой в начале июня в Донбасс.

15 *Гражданская война на Украине*, т. I, ч. 2: 297-98.

16 Тогда же отношения между Пятаковым и Ворошиловым, такие напряженные после январского конфликта, укрепились на основе совместного антикрестьянского опыта. Два года спустя, во время ожесточенной борьбы между фракциями, предварившей десятый съезд партии, Пятаков, ставший троцкистом, писал сталинисту Ворошилову теплые слова о дружбе. (см., например, письмо от 20 января 1921 г. в РЦХИДНИ, ф. 74, оп. 2, д. 44). В первой половине тридцатых годов Ворошилов будет иногда защищать Пятакова.

17 Nakai, "Soviet": 46-7; ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419, лл. 1.88; Adams, *Bolsheviks*: 236 и далее; Barmine, *Uno che sopravvisse*: 52 и далее; *Коммунар* (Харьков, 16-18 апреля 1919); *Очерки историй киевских*: 222 и далее; *История КП(б)У*: т. II: 446 и далее, 496; Христюк, *Замітки*, т. IV: 131 и далее.

18 Раковский, *Освобождение*: 2 и далее, 11 и далее; Adams, *Bolsheviks*: 259 и далее; Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. IV: 58 и далее, 208 и далее; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 369, л. 125; Kenez, *Civil*, т. II: 163 и далее.

19 Е.А. Щаденко, *Григорьевичина*, в *Гражданская война*, т. I: 68-95.

20 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 109, д. 12, л. 75 и Trotsky Archives, T 260. В своем письме Антонов-Овсеенко писал, что Ворошилов "приписывает себе одному успех борьбы с Григорьевым лишь по большому недоразумению" и добавлял, что "донесения его штаба о разгроме Григорьева под Александрией оказались ложными".

21 Волковинский, *Махно*: 88-119; Majstrenko, *Borot'bism*: 78; *Гражданская война на Украине*, т. II: 23 и далее, 32 и далее.

22 Терещенко, *Великий*: 64; Супруненко, *Очерки*: 203 и далее; Манилов, 1917: 26.

23 Л.Д. Троцкий, *Сочинения*, т. XVII, ч. II (Москва, 1926): 174 и далее.

24 *История КП(б)У*, т. II: 448 и далее.

25 Majstrenko, *Borot'bism*: 123 и дальше; Волковинский, *Махно*: 76 и дальше; Adams, *Bolsheviks*: 350; Holquist, *A Russian Vendée*: 504; Савченко, "Измена": 80 и дальше; Троцкий, *Сочинения*, т. XVII, ч. II: 167 и дальше; F. Benvenuti, *The Bolsheviks and the Red Army* (Cambridge, 1988): 134-35; Pipes, *Russia*: 125; Равич-Черкасский, *История*: 131; Trotsky Archives, T 197-349, в частности, Т. 268 об использовании Сталиным против Вацетиса выдуманного заговора, составленного по сфальсифицированным иностранным документам. Ответом Троцкого была организация, среди прочего, небольшого "пронунсиаменто" командного состава различных армий (T 315-17).

26 *Гражданская война на Украине*, т. II: 92; М. Яворьский, *Револуція на Україні в її головничіх етапах* (Харків, 1923): 67 и далее; *Переписка секретариата ЦК РКП(б)*, т. 8, июнь-июль 1919 г. (Москва, 1974): 198.

27 Христюк, *Замітки*, т. IV: 131 и далее; Рафес, *Два*: 125 и далее; Heifetz, *Slaughter*: 80; Н.А. Скрипник, *Трипольский поход*, в: *В защиту*: 210-17.

28 *Гражданская война на Украине*, т. II: 92; Adams, *Bolsheviks*: 330; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 368 и 369, лл. 13 и дальше; Шлихтер, "Борьба": 133.

29 См. сводки Балицкого в Киеве и в Москве в ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 319, лл. 1-88. Когда я рассказал историю этих сводок профессору Конфино, он вспомнил о своих парижских встречах с дочерью Саблина, адмирала Черноморского флота, которая, основываясь на своих воспоминаниях, пыталась

убедить его, что во время гражданской войны город находился в руках не только красных и белых, но и организованной преступности.

30 L.D. Trotsky, *How the Revolution Armed*, Т. 2, 1919 (London, 1980): 291; В.Г. Короленко, "Из дневников", *Память. Исторический сборник*, выпуск 2 (Paris, 1979): 390; М. Крицкий, "Красная армия на Южном фронте в 1918-20 гг.", *Архив русской революции*, т. XVIII: 275; Melgunov, *Red*: 120 и далее, 143 и далее; Kenez, *Civil*, т. II: 157; Brovkin, *Behind*: 115, 214.

31 Раковский, *Освобождение*: 53 и дальше; Brovkin, *Behind*: 321; *История КП(б)У*, т. II: 451 и далее, 494 и далее; Trotsky Archives, Т 329 и 331.

32 *Компартия Украины в резолюциях*: 95 и далее.

33 Trotsky archives, Т 342.

34 Раковский, *Освобождение*: 2; Кубанин, "К истории": 116; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 368 л. 7.

35 Пятаков, *Юбилейное*: 14; Adams, *Bolsheviks*: 339 и далее; Раковский, *Освобождение*: 49; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 369, л. 143.

36 *Узаконения*: 639 и далее, 744; *Коммунист* (Киев, 25 апреля 1919); Супруненко, *Очерки*: 173-75; Шлихтер, "Борьба": 133; Винниченко, *Відродження*, ч. III: 225. Согласно *Внутренние войска советской республики, 1917-22* (Москва, 1972) в 1920 году внутренние войска ЧК объединяли около 70.000 человек по всей РСФСР. Марко Буттино проанализировал роль специальных армянских отрядов в подавлении Средней Азии (в "Etnicità"). Венгерские войска использовались также в подавлении крестьянского "бандитизма" на юге Италии после 1861 года, см. *La legione ungherese in Italia* (Roma, 1927). О явлении бывших бойцов и молодых, неспособных отказаться от войны см., например, R.G.L. Waite, *Vanguard of Nazism. The Free Corps Movement in Postwar Germany, 1918-1923* (Cambridge, Mass. 1952): 17 и далее.

37 *Компартия Украины в резолюциях*: 99 и далее; *Вестник Наркомвнутдел УССР*, 5 (Киев, 1 мая 1919): 16 и далее; Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. III: 343.

38 См., например, замечательное описание применения этой меры уже в 1914 г. со стороны австрийского командования в Боснии, сделанное Иво Андричем в своей *Na Drini Cupria (Il est un pont sur la Drina)* (Paris, 1956): 324-25).

39 Holquist, *A Russian Vendée*: 500; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 368, л. 7; Кубанин, "К истории": 116 и далее; А. Herzen, *Passé et Méditations*, т. II (Paris, 1976): 95 и далее; Dioneo, "Peasant": 265; Савченко, "Измена": 81 и далее. "Искусство" подавления крестьянских восстаний достигло своей высшей точки весной 1921 г., когда два таких умных человека, как Антонов-Овсеенко и Тухачевский, стали сотрудничать вместе для искоренения Антоновщины в Тамбовской губернии. В их приказах № 130 и 171 крайняя жестокость соединялась с пониманием необходимости сломить психологически и разделить восставшие деревни. Эта цель была достигнута через применение насилия, через публичные расстрелы групп заложников, которые повторялись каждые несколько часов на центральной площади. Добивались, например, того, чтобы жители выдали имена родных, самых активных "бандитов", внедряя тем самым чувство ужаса в души всех и компрометируя одновременно в глазах повстанцев семьи "доносчиков". Даже крепкая солидарность деревень не смогла выдержать такого испытания. См.: Данилов, *Крестьянское восстание*: 172 и далее.

40 Антонов-Овсеенко, *Записки*, т.IV: 331; В.Л. Генис, "Расказачивание в Советской России," *Вопросы истории*, 1 (1994): 29-41; Holquist, *A Russian Vendée*: 500; А.В. Денков, *Донское казачество в гражданской войне* (Ростов, 1992); А. Козлов, "Расказачивание", *Родина*, 6 (1990): 64-71 и 7 (1990): 43-47; Buttino, "Etnicità".

41 Литвин, "Красный": 60 и далее; В. Золотарев и Ю. Шаповал, "Карьера Ката", *Розбудова Держави*, 1 (1995): 27-36.

Г Л А В А 5

ИДЕОЛОГИЯ ВОССТАНИЯ

Исследователи, занимающиеся анализом идеологии крестьянских волнений на Украине, сразу обращают внимание на то, что как в 1918, так и в 1919 году, эта идеология была довольно разнородна и представляла собой скорее разноцветный спектр, чем единое и связанное целое. Она отражала разнообразие исторической, национальной и экономической географии Украины, различия между личными качествами и биографиями атаманов и крестьянских лидеров, проявляла важное значение местничества во всех крестьянских движениях, а также, в каком-то смысле, ограниченность этих движений и возглавляющей её элиты (1).

Но в 1919 году этот идеологический спектр характеризовался многими общими чертами, которые тесно связывали идеологии в единое целое. Некоторые из этих черт совпадали с теми, которые обеспечили цельность движения в течение предыдущего года. Другие, только относительно новые, были на самом деле преувеличенным отражением характеристик, уже проявившихся в 1917–1918 годах. И, наконец, третьи, которые возникли в результате изменения обстоятельств и, в частности, инициатив большевиков, представляли собой ответную реакцию крестьян и партизанского движения на эти инициативы.

Во всех случаях было бесспорно наличие интересного, но в то же время нежелательного эволюционного процесса, обусловленного общей варваризацией, а также присутствием обновленного оккупационного режима, на этот раз связанного с Москвой. Проявились также очевидные симптомы разочарования в обещаниях и в идеалах левых, хотя и принимая в расчет все то, что делалось во имя этих идеалов, приходится только

удивляться тому, как эти идеалы смогли продержаться так долго (достаточно вспомнить о неизменной популярности “советских” лозунгов).

Подобные эволюционные процессы проходили и в других зонах бывшей российской империи. Весной того же 1919 года, например, повстанцы северных донских районов в своих воззваниях заявляли о том, что они не против Советов вообще, а требуют свободно избранных Советов, и добавляли, что будут бороться против коммунистов и их коммун, против комиссаров, евреев, реквизиций, грабежей и казней (2). В этом смысле 1919 год стал ключевым для созревания на всей территории будущего Советского Союза вышеупомянутого явления “эсеровщины”, которое вспыхнет с необычайной силой после поражения белых в 1920 году, вынудив власти пойти на компромисс НЭПа.

На Украине, как и в 1918 году, так и в 1919, ядро этой эсеровщины составляли два основных требования. Первое касалось перераспределения на более или менее уравнительных принципах земель и инвентаря. Как вынужден был признать в 1920 году Мануильский, “аграрная революция на Украине, как и в России, носит на себе отпечаток полной уравнительности”. Это признание противоречило одновременным утверждениям о “кулацкой” природе проходящего восстания и давало ясно понять, что как и в 1917–1918 годах идеология зажиточных слоев, которые часто возглавляли восстания, оставалась в сущности “крестьянской” (3). На втором месте стояло требование свободной торговли, которое уже в 1919 году вовлекла и основные слои городских рабочих. Как и в 1918 году, крестьяне и рабочие продолжали думать о торговле только на местном уровне и поэтому их отношение к этому требованию, как и к концепции “свободной торговли” вообще, было двойственным.

Такая двойственность исходила не только из готовности в любой момент принять ограничительные меры, поддерживающие местные интересы, но и из противоречивых чувств, вызванных расцветом черного рынка с мешочниками, обходящими деревни. Этот рынок вместе со своими торгашами, своим риском и своими, часто очень жестокими, правилами, естественно, терпели с трудом, но в то же время он был очень популярен, поскольку являлся основным источником хлеба для рабочих и необходимых товаров для крестьян (4). Среди новых, во всяком случае, в сравнении с 1918 годом, элементов была всеобщая ненависть к совхозам, в которых украинская деревня, и не толь-

ко она, видела символ нового закабаления. Тогда крестьяне говорили, и вслед за ними повторяли украинские и русские социалисты-революционеры и анархисты, что большевики намеревались ввести снова “старую панскую кабалу, но только в иной форме” (5).

Это убеждение настолько укоренилось и выражалось с такой силой, что Ленин был вынужден остановиться на этом вопросе на VIII съезде РКП(б), где заявил, что крестьяне идентифицируют любой тип крупного хозяйства с помещичьим имением и думают, что “если крупное хозяйство, я опять батрак”. Это убеждение проявится с силой в 1929–1930 годы, в момент принудительной коллективизации, и поэтому именно в нем заключается один из главных элементов преемственности между двумя периодами. Можно добавить, что десятилетиями большинство историков и наблюдателей (в отличие от Ленина) оставались глухими к голосам из деревень, производя на свет массу работ по коллективизации, в которых нет даже следа от мнения, которое имели с самого начала по поводу коллективизации миллионы крестьян (6).

Вместе с совхозами ещё большую ненависть вызывали “коммуны”. Большевики об этом тоже знали: на III Всеукраинском съезде Советов один из крестьянских делегатов, симпатизирующих партии, заявил, что его избиратели сказали ему: “мы уже слышали про этих коммунистов... если ты приедешь в село и привезешь нам коммуну, мы тебе морду побьем”. Как это, так и другие подобные заявления были приняты съездом на заметку, так как в принятых на нем резолюциях можно было прочитать, что “крестьяне на местах совершенно не понимают целей коммунальной обработки земли”.

Однако можно предположить, что крестьяне, хотя и по-своему, принимали эти цели достаточно ясно, видя в них один из способов, с помощью которого государство пыталось отнять у них завоеванную свободу, диктуя им условия и цели сельскохозяйственной деятельности. Тем не менее, не приходится сомневаться, особенно принимая во внимание незначительное количество учрежденных коммун, что вспышку ненависти к коммунам нельзя объяснять, оперируя только более и менее рациональными интересами крестьян. На Украине, во всяком случае, деревни были наполнены апокалиптическими слухами о принудительной организации в ближайшем будущем коммун, и такие слухи вместе с “комиссаром-коммунистом-евреем” сильно обострили страхи

и сомнения этого периода, а также усилили отрицательную реакцию, вызванную большевистской политикой. “Хотели учредить коммуны, грязные жида!” – это был боевой клич многих еврейских погромов, а комитеты помощи еврейскому населению дошли до того, что попросили Красный крест не организовывать “коммунальные” кухни для беженцев, чтобы не раздражать окрестных крестьян. Ненависть, сгустившаяся вокруг коммун, была настолько сильной, что даже само слово превратилось в табу и для советского режима, из словаря которого оно исчезло, чтобы не появиться, – во всяком случае, с редкими исключениями, на уровне деревни, – даже в начале тридцатых годов, когда было отдано предпочтение более нейтральному слову “колхоз” (7).

Подтверждая силу и устойчивость мифа о советской власти, требования о передаче власти советам стали на Украине центром программы почти всех главнейших крестьянских волнений. Например, в одной из резолюций коммунистической партии от 1920 года можно было прочесть, что в 1919 году “лозунги восстания во всех районах имели почти исключительно “советский характер” (Григорьев – за “самостийную Советскую власть”, Зеленый – за “самостийную вильню Радянску Украину”, Махно – за “вольные Советы”)”. Повстанцы, однако, требовали “настоящей” советской власти, а не той “поддельной” – коммунистов, москвичей и евреев. Эти требования, безусловно, были реакцией на дискриминационные, антикрестьянские и антиукраинские избирательные законы, введенные режимом (вспомним, например, конфликты вокруг выборов в исполнительный комитет Советов Умани).

В более широком смысле можно утверждать, что требования крестьянами советской власти являлись проявлением оппозиции присутствию государства в большей степени, чем это требовалось им, а также требованием самоуправления, которое вдохновляло большую часть крестьянских движений на территории бывшей Российской империи. Можно также добавить, что и в случае требования советов “без коммунистов”, возникшего в России в 1918 и ставшего впоследствии центральным в общей вспышке “эсеровщины” в 1920–1921 годах (вспомним Кронштадт), на Украине уже в 1919 году они приобрели экстремальный и массовый характер (можно провести параллель с вышеупомянутым восстанием в северных районах Дона, которое, однако не имело такого размаха). Возможно, что причиной стал нацио-

нальный вопрос, который выводил на поверхность маневры коммунистической партии, проводимые для обеспечения контроля над выборными органами, где, как и в России, она могла бы оказаться в меньшинстве (вспомним, что на Украине коммунисты были в основном не украинцы) (8).

Принимая во внимание события и заблуждения 1918 года, не приходится удивляться, что рядом с советскими и антикоммунистическими лозунгами зазвучали в то время такие же антикоммунистические, но пробольшевистские лозунги. В украинских партизанских отрядах можно было услышать рассуждения такого рода: “Мы – большевики... но не коммунисты. Большевики нам дали землю, коммунисты увозят наше зерно... Не позволим Красной Армии повесить коммуны на нашу шею. Долой Коммуны! Да здравствуют большевики!” (9).

В штабе Махно “большевики”, которые понимали аграрную политику партии как “делёж поровну земли между крестьянами” (и небезосновательно, видя данные в 1918 году обещания) часто были действительно членами партии, билетами которой они размахивали, чтобы придать больше авторитета своим словам (10). Конечно, были и такие, кто, разобравшись в ситуации, отождествлял большевиков с коммунистами и обвинял первых в том, что пообещав сначала разделить земли, они взяли затем лучшую их часть под совхозы и коммуны – “так делают только воры да большевики”. Но то, что существование большого недоразумения 1917–1918 годов в такой странной форме не ограничивалось отдельными случаями, подтверждают многочисленные сводки, которые приходили в правительство Раковского. В них можно было прочитать, что “в ряде мест среди крестьян получило распространение ошибочное мнение, что большевик и коммунист – представители разных политических партий, что на Украину возвратилась не прежняя партия большевиков, а иная – партия коммунистов” (11). Ещё в июне на съезде волостных исполкомов можно было услышать из уст крестьянских делегатов, что “и сейчас у нас настроение за Советскую власть. Если сказать “коммунист” – ни то ни сё, а слово “большевик” – все за ним” (12).

Намного более распространёнными были лозунги за большевизм, но без евреев, которые переворачивали самые известные “теории” об “иудейском большевизме”, выдвинутой белыми и быстро распространившейся на Западе (13). Согласно сводкам в ЦК компартии, в которых называли виновником всего

происходящего пропаганду левых социалистов-революционеров, эти лозунги, кроме деревень, скоро завоевали многочисленные городские центры с их пролетариатом. В конце марта, например, рабочие и железнодорожники Елизаветграда были против правительства Раковского, потому что это – “власть жидов”. По этой причине просили центр посылать агитаторов не-евреев по происхождению. В Белой Церкви 31 марта восстали крестьяне с криком “Да здравствует власть Советов, долой большевиков и евреев!”. В середине же мая в окрестных деревнях Могилева отмечалось “настроение и антикоммунистическое и антисемитское... на их языке коммунист – жид” (14).

Естественно, что такое отождествление коммунизма с евреями, как раньше евреев с капитализмом, или слухи об особых отношениях между евреями и немецкими оккупантами, распространившиеся в 1918 году, не имели под собой оснований. И не надо забывать, что, несмотря на участие, новое и поэтому заметное, ряда служащих еврейской национальности в работе правительства, подавляющее большинство членов еврейской общины придерживалось умеренной, даже консервативной линии в политике и религии, что постоянно с раздражением подчеркивали руководители – социалисты еврейского происхождения. В 1918 году это подтвердилось результатами выборов, которые состоялись в 202 еврейских общинах Украины и в которых приняло участие около 300.000 избирателей. Большинство проголосовало за сионистские и религиозные организации. *Все* социалистические партии вместе, включая и умеренные, набрали только треть голосов – намного *меньше*, чем они собрали среди украинцев и русских. Можно добавить, что поддержка, оказываемая еврейской общиной режиму и, особенно, его идеологии, оставалась сомнительной и после того, когда большие погромы 1919–1920 годов вызвали бесспорный поворот в сторону нового государства, особенно заметный среди молодежи. И тогда заметная часть еврейского населения, хотя бы по своим религиозным убеждениям, осталась достаточно равнодушной к “советским” проектам и культуре (15).

Защита своих религиозных институтов, и в более широком смысле всей системы ценностей и культурного, а, значит, и национально-этнического наследия, составила другой из центральных пунктов “программы” восстаний 1919 года. Надо заметить, что, ввиду стремительной эволюции этой системы и этого наследия, применение к ним термина “традиционный” вводит

в заблуждение. Больше, чем собственные “традиции”, деревня защищала возможность относительно автономного и свободно следования этой эволюции (вспомним, например, о церкви и религии, которые постепенно освобождались от своей зависимости от государства и от старых господствующих классов, превращаясь в почти чисто крестьянские институты, или о структуре семьи и о семейных отношениях, изменившихся с относительной возможностью иметь землю, или о национальных и политических чувствах и сознании).

Как и требования самоуправления, которые составляли ядро “советских” требований, защита собственного “культурного” наследия и самостоятельной эволюции вливалась в более общее движение сил, которые в 1919 году довели до максимума антигосударственные и антигородские тенденции, очевидные уже в 1917–1918 годы. Ввиду особых качеств городского населения (которые, напомним, стали более очевидными в 1919 году) и ввиду наличия второго оккупационного режима, пришедшего на смену надеждам, которые появились в конце 1918 года после ликвидации первого, на Украине, в отличие от России, эти тенденции породили нечто большее, чем “бунт против городской цивилизации”: по сути, они представляли собой настоящий взрыв национал-социализма на основе крестьянства.

Ненависть деревень и банд обратилась на этот раз на всех представителей нового “иностранного” государства, которое, казалось, держалось только на поддержке Москвы и “чужих” городов (которые, однако, вскоре перестали его поддерживать). Почвой для этой ненависти послужило уже упомянутое превращение государства, особенно по отношению к деревне, в чистый аппарат насилия.

Его представители – комиссары, чекисты, члены особотрядов, продотрядов и комбедов (последние после короткого периода популярности) – систематически уничтожались, поскольку в них видели воплощение обмана, – так воспринимали тогда крестьяне и партизаны “недоразумение”, достигшее своей кульминации в январе 1919 года (16). Эти убийства были иногда делом рук “особых отрядов”, появившихся вскоре и в рядах восставших. В частности, в крупных военных формированиях, как повстанческая армия Махно, были свои особотряды, которые были сформированы для исполнения “грязных” работ и для поддержания контроля над населением, которое иногда волновалось по принципу требований повстанцев.

В атмосфере общей деградации целых регионов, охваченных “полной анархией, грабежами и насилием” (17), где одновременно с безжалостными большевистскими репрессиями происходили частые стычки между бандами (особенно, если они были из разных местностей) и деревнями, проявилась другая из важнейших отличительных черт украинского 1919 года. В ситуации всплеска национал-социализма ярко проявились самые жестокие и отвратительные черты национал-социализма вообще, присутствующие в менее развитой форме в предыдущие годы. Эти черты выразились в яростных вспышках этнической и религиозной “чистки”, обозлении и регрессе, построенных иногда на идеологических конструкциях параноидального типа, которые подтверждают парадигматичную ценность украинского опыта 1918–1919 годов для нашего века, изъязвленного подобными патологиями.

Почти все национальности и группы были в то время вовлечены в этот общий процесс (18), но большинство самых значительных примеров предоставляет украинское социально-национально-освободительное движение, основанное на крестьянстве, поскольку даже будучи разрозненным, оно превосходило по своим масштабам все остальные. В то время это движение имело или нашло врагов в лице московских коммунистов, русских и польских господ, немецких колонистов и, главным образом, евреев, которые обвинялись в том, что они представляли одновременно одинаково ненавистные капитализм и коммунизм (обвинение, которое, несмотря на свои противоречия, имело в нашем веке долгую судьбу). Самыми отвратительными проявлениями этих вспышек были поэтому массовые насилия против евреев. Частично избежали погромов юго-восточные районы, благодаря уже упомянутому пестрому этническому составу и Махно, который пытался сохранить, насколько это было возможно, интернациональный характер своего движения. Однако сам же Махно замечал недоверие и подозрительность, которые вызывали у его крестьян “пришлые”. Если и верно то, что в районах, находящихся под его контролем, не было больших погромов, не надо забывать, что городское население сильно пострадало от его отрядов, и что в других национальных группах, как, например, менонитские колонии с немецким населением, пролилось много крови (19).

В 1919 году на Украине было много типов антисемитизма, сопровождающихся убийствами. Насколько это возможно, мы

постараемся не останавливаться на антисемитизме таких украинских националистических группировок и их вооруженных отрядов, как, например, *Курины смерти*, которые дали толчок к истребительским погромам в январе 1919 года. Не будем также касаться действий войск Деникина, несущих большую ответственность за убийство 50.000–200.000 человек, ставших жертвами волны антисемитизма 1918–1921 годов (20). Сосредоточим наше внимание на проявлениях *народного* антисемитизма, выразителем которого, естественно, являлось почти всегда “активное” меньшинство. Этот антисемитизм проявлялся в различных, часто переплетенных между собой видах: настоящий, преступный по своей сути бандитизм; вызванный религиозными или политическими мотивами; являющийся продуктом ярости молодых людей и насилия. Они возникли на почве событий этого периода. *Носителями антисемитизма были различные национальности*, например, немецкие колонии на юге, которые сражались с “еврейским правительством Одессы”. Русское городское население часто было в первых рядах этого явления, поскольку обозлилось на то, что было поставлено под сомнение его первенство. Как демонстрирует случай в Черкассах, также и рабочие часто принимали активное участие в массовых убийствах, возрождая “традиции” забастовок в Донбассе, которые ещё до революции выливались часто в кровопролитные погромы (21).

Что касается украинских деревень и части повстанческих и партизанских отрядов, то можно утверждать, что вспышки антисемитского насилия были, главным образом, проявлением регресса, также и психического, характеризующего период, начатый 1914 годом и постепенно ускоряющийся после 1917 года. Такое утверждение остается верным, несмотря на бесспорное влияние *Вильного козацтва* и *Курины смерти*, в рядах которых не было недостатка в молодых крестьянах. И несмотря на отрицательную роль атаманов социалистически-революционной направленности, которые под влиянием обстоятельств обратились к “чистому” национализму “Украина для украинцев” (22), подтверждая своим поведением существование общей питательной среды для популизма и агрессивного национализма, отмеченной многими историками (23) (классическим является пример Григорьева).

В игру, естественно, вступили и другие факторы, но они, пожалуй, лишь усложнили уже определившуюся ситуацию. Вспомним, например, о голоде, обострившемся в украинских

деревнях в 1919 году, о социальной зависти и о желании овладения чужим имуществом, которые стали мощным стимулом к грабежам крестьян после погромов, совершенных военными формированиями или партизанскими отрядами (надо добавить, что такие же стимулы использовали большевики, чтобы разжечь комбеды и “раскулачивание” как в 1919, так и в 1930 году. В значительной мере именно погромы послужили прецедентом раскулачивания) (24).

Однако, надо упомянуть и о советском “легкомыслии”, например, в вопросах, касающихся религии и назначений, которые, как отмечал и Антонов-Овсеенко, могли стать опасными “провокациями”. Такое легкомыслие содействовало распространению в деревнях мифа, согласно которому “еврейская нация пыталась господствовать над крестьянами-христианами”, даже если эти страхи рождались вследствие психического кризиса, вызванного неуверенностью, резкими изменениями и насилием этих лет (25). Психический кризис был одним из важнейших проявлений регресса. Как и в отождествлении евреев с коммунистами и с московской властью, кризис выражался также в резко отрицательной реакции на присутствие “чужеродных тел”, и поэтому служил прекрасной питательной средой для погромов.

На уровне Украины эта реакция автоматически приобретала черты основанного на инстинктах национал-социализма, который представляется нам намного более примитивным по сравнению с национал-социализмом предшествующего года (и в этом случае, более, чем об эволюции, можно говорить о деградации идеологии украинского национально-освободительного движения). Вновь вышли на поверхность жестокие традиции больших крестьянских восстаний XVII и XVIII веков, также характеризующиеся “этническими чистками”. В этом смысле очень красноречиво совпадение хронологии погромов с хронологией восстаний, которые мы попытались описать в их наиболее характерных чертах (26).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Kenez, *Civil*, т. II: 161-64; Adams в Hunczak, *Ukraine* о предыдущих интерпретациях.

2 Holquist, *A Russian Vendée*: 491.

3 Кубанин, “К истории”: 114.

4 Партигул в: *В защиту*: 186; Шлихтер, “Борьба”: 103 и далее; Супру-

ненко, *Очерки*: 213-17; Brovkin, *Behind*: 78 о крупной забастовке в Твери в июне 1919, на которой выдвигались требования экономического и “социалистически-революционного характера” как: свободная торговля, свободные выборы, приостановка реквизиций и т.д. О центральной роли черного рынка в деле обеспечения выживания городов, главным образом российских, после 1918 г. см. P. Sorokin, *Hunger as a Factor in Human Affairs* (The University Presses of Florida, 1975, но Петроград, 1922) и данные (ориентировочные), собранные в 20-х годах в: *Труды ЦСУ*, т. XVIII, *отдел 7*.

5 Супруненко, *Очерки*: 201.

6 Там же: 198. О крестьянах, которые в 30-х годах, находясь перед лицом коллективизации, говорили о возвращении к кабале см. в моей “Collectivisation”: 453.

7 *III Всеукраїнський з'їзд Рад*: 177 и далее; *Коммунар* (Харьков, 12 и 13 апреля 1919); Heifetz, *Slaughter*: 59-60; Motzkin, *Pogroms, Annexes*, N 44.

8 *Компартия Украины в резолюциях*: 98-101; Majstrenko, *Borot' bism*: 94 и далее.

9 Heifetz, *Slaughter*: 50 и далее.

10 Котов, *Тактика*: 283 и далее о Махно и о большевиках-крестьянах, которые и в Сибири “противопоставляли себя “коммунистам”

11 *Коммунар* (Харьков, 16 апреля 1919); ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419. В своих воспоминаниях об Украине 1919 г., один старый большевик писал в 1933 г., что украинские крестьяне тогда любили хороших большевиков, возглавляемых Лениным, которые дали им землю, и ненавидели партию коммунистов, еврейскую организацию, во главе которой стоит Троцкий и которая находится в борьбе с первой (в: Brovkin, *Behind*: 141 и далее). Конечно, год, когда были написаны воспоминания, заставляет нас принимать эти заявления, особенно касательно Троцкого, *cum grano salis*, но в целом им можно доверять, т.к. они соответствуют источникам, находящимся в нашем распоряжении.

12 Супруненко. *Очерки*: 201 и далее.

13 P. Johnson, *A History of the Jews* (New York, 1987): 456 и далее. Pipes, *Russia*: 100 заметил, как с отменой старой зоны принудительного проживания евреев (которые, с редким исключением, не имели права проживать на чисто русских территориях) после 1914 г. началась миграция сотен тысяч евреев - часто беженцев - в глубь империи. Этот поток увеличился в годы революции и гражданской войны. Так еврейское население России быстро выросло одновременно с распадом старого русского государства и поэтому было нетрудно ассоциировать этот распад с появлением “проклятого народа”. Естественно, что “иудейско-большевистские теории” питались также религиозными и культурными элементами и “интеллектуальными” инстинктами и механизмами примитивного типа, которые расцветали обычно в моменты кризиса.

14 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 369, л. 109 и далее.

15 Motzkin, *Pogroms*: 43 и далее; Гольденвейзер, “Из Киевских”: 200 и далее.

16 Kenez, *Civil*; т. II: 161; ГАРФ, ф. 130, оп.3, д. 419; РЦХИДНИ, ф. 17, оп.6, д. 369.

17 ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419.

18 Серьезная опасность, неуверенность и сильный страх, появившийся в том время, толкнул всех, даже на уровне отдельных деревень (а в городах на

уровне кварталов и семей), на защиту собственной территории и запасов от "чужих" (появление и присутствие которых было часто плохим предзнаменованием). В этом смысле взрыв агрессивной "национал-социалистической" нетерпимости является преувеличенным, и тем более опасным, проявлением патологического поведения, свойственного как отдельным индивидуумам, так и социальным группам.

19 Sysyn в Hunczak, *Ukraine*: 295; Voline, *Révolution*: 595-626; Arsinov, *Storia*: 120 и далее; Волковинский, *Махно*: 64 и далее.

20 Abramson, "Historiography"; И. Чериковер, *Антисемитизм и погромы на Украине, 1917-1918* (Berlin, 1923) в *Революция на Украине по мемуарам белых* (Москва, 1930): 240 и далее; Motzkin, *Pogroms*; Margolin, *Ukraine*: 224 и далее; Heifetz, *Slaughter*; Kenez, *Civil*, т. II: 170 и далее; Рафес, *Два*: 132 и далее, 148; Subtelny, *Ukraine*: 362. В своем *Russia under the Bolshevik Regime* Pipes утверждает, основываясь на *YIVO Annual of Jewish Social Science*, 6 (1951): 244, что колич. евреев, убитых на территории бывшей империи с 1918 по 1920 г. составляет 50-100.000 и приписывает 40% убийств Петлюре, 17% - белым и 25% "независимым" атаманам. *Encyclopaedia Judaica*, 13: 701 приводит данные о 60.000 евреях, убитых на Украине в 1918-21 гг. О погромах, организованных белыми, которые, согласно некоторым авторам (например, Brovkin, *Behind*: 228) вызвали намного больше жертв, чем в данных, приведенных Pipes, см. также И.В. Шехтман, *Погромы добровольческой армии* (Berlin, 1932).

21 Об Одессе см.: ГАРФ, ф. 130, оп. 3, д. 419 (*сводка* 109, 31 июля 1919) и "Collectivisation": 447 автора. О Черкассах см.: Heifetz, *Slaughter*: 251. О погромных традициях городов и рабочих Донбасса см.: Wynn, *Workers, Strikes and Pogroms*. Описание классического превращения забастовок в погромы можно найти в замечательном романе Izrael Singer о царской Польше *I fratelli Ashkenazy* (Milano, 1970): 382 и далее.

22 Motzkin, *Pogroms*: 120 и далее.

23 Антонелло Вентури писал мне, что такое утверждение правомерно только, когда речь идет о популизме в американском значении и не может применяться относительно "настоящего" русского социалистич. популизма, который был "этикой навязанной (или, во всяком случае, указанной) народу" ("американский" популизм касается только царей). Это верно, но, кажется, что и в дореволюц. России некоторые экстремистские националистич. традиции имели "популистские" корни, начиная от утверждения специфичности, а, значит, и превосходства, русских.

24 Heifetz, *Slaughter*: 135.

25 Антонов-Овсеенко, *Записки*, т. III: 341; Heifetz, *Slaughter*: 7 и далее.

26 Motzkin, *Pogroms*: 120 и далее.

Э П И Л О Г

ПОРАЖЕНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Вторая авантюра большевиков на Украине завершилась оставлением Киева в конце августа 1919 года. Более четверти членов Центрального Комитета, избранного на I съезде КП(б)У, уже не было в живых или погибнет до конца года. Другие, среди которых были Пятаков, Бубнов, Ворошилов и Затонский, отошли от политической деятельности, вступив в начале лета в армию, находившуюся в непосредственном подчинении у Москвы. Некоторые ожидали своего отправления в различные регионы страны, в частности, в Тамбов, где политика Шлихтера и Антонова-Овсеенко в немалой степени содействовала вспышке большого восстания 1920–1921 годов. Кроме того, поражение ещё более усилило напряжение и ускорило разложение партии, которая, на самом деле, никогда и не станет единым целым, несмотря на то, что большая часть центрального руководства со временем сориентировалась на Сталина.

В сентябре КП(б)У практически прекратил свое существование. 2 октября Москва утвердила этот факт, санкционируя “нелегальный” с точки зрения устава роспуск избранного в марте Центрального Комитета. Неудивительно, что украинская коммунистическая партия оставалась в течение всего 1920 года “трудной” партией. В марте, например, она была единственной крупной организацией, где оппозиция, противодействующая милитаризации и единоначалию, добилась победы (1).

С такой слабой и разобщенной партией оказался в конце 1919 года крестьянский мир, который, казалось, в борьбе против Деникина, подтвердил свою необычайную силу и энергию. Многочисленные крестьянские войска, как, например, отряды из

Кобеляков и Махно, смогли пройти через всю страну, дойдя до Петлюры на западе и ускользнув от наступления белых. Благодаря дерзкому и неожиданному маневру, произведенному на фронте, Махно уничтожил в конце сентября своих преследователей и двинулся по направлению своих родных краев, с жестокостью сметая на своем пути любое “буржуазное” препятствие. Тогда же легенда о Махно-Пугачеве, распространившаяся за год до описываемых событий в городах юго-востока страны, достигла своей наивысшей точки.

Махно, который в конце года имел десятки тысяч людей (кажется, можно предполагать, что число их достигало даже 50.000) и другие атаманы смогли без видимых усилий сформировать новые бригады, количеством в несколько тысяч человек, которые приняли активное участие в борьбе и в победе над Деникиным. Как и в январе, в конце 1919 года большевики наступали на Украине благодаря прорывам, образованным вследствие операций партизанских отрядов, а также, естественно, благодаря быстрому отступлению белых под ударами Красной армии.

Это было третий по счету взлет движения, возникшего в 1918 году. Он был вновь направлен против “украинских” городов, превратившихся в чисто колониальные вследствие политики белых, проводимой такими деятелями, как уже упомянутый Шульгин, и основанной на великорусском национализме, ненависти к деревне, антиукраинизме и антисемитизме. Эта борьба послужила поводом для нового поворота влево украинского движения. В августе, например, пока шел распад старой КП(б)У, боротьбисты объединились с частью украинских левых социал-демократов с целью образования новой действительно украинской коммунистической партии: Украинской коммунистической партии (боротьбистов) (УКП(б)) (2).

Однако два года войны не прошли бесследно. Борьба против немцев и Скоропадского, против французов и правительства Раковского, репрессии со стороны большевиков и белых, война против Деникина, внутренние конфликты, голод, эпидемии тифа унесли жизнь большей части участников движения, определенного нами, как украинское национально-освободительное движение. Войско из Кобеляков, уже наполовину истребленное Деникиным и тифом, было полностью уничтожено анархической бандой. Тот факт, что Махно был вынужден формировать все новые и новые бригады, являлся не только выражением его воз-

возможностей, но и демонстрировал стремительное истощение крестьянской энергии (3).

И поэтому, когда после поражения Деникина большевики вернулись на Украину в третий раз, они оказались перед лицом противника, сила которого, хотя с ней приходилось ещё считаться, была во многом скорее видимой, чем реальной. Но, чтобы понять это, потребовалось время. Тем более, что и сами большевики были сильно истощены теми же конфликтами и обожглись на двойном поражении 1918–1919 годов. Последним фактом объясняется крайняя серьезность, с которой большевики, и прежде всего Ленин, подошли к разбору причин этих поражений. Скорее всего, именно размышления по этому поводу в конце 1919 года стали важнейшей предпосылкой для введения НЭПа. В результате анализа Ленин убедился тогда не только в правильности своей прокрестьянской политики 1917 года, но и вновь “обнаружил” силу украинского национализма. Как впоследствии рассказывал Раковский, Ленин высказался за вхождение новообразованной партии коммунистов-боротьбистов в Коминтерн и отказался от политики 1919 года, от действий по организации коммун и совхозов и передачи земель сахарным заводам.

Несмотря на то, что большинство членов ЦК иногда выступало против и даже проваливала некоторые из его предложений (как, например, случилось с вопросом о боротьбистах), Ленину всё же удалось принудить партию принять линию поворота в национальной и аграрной политике. В вопросе аграрной политики его поддержали даже такие руководители, как Орджоникидзе и Яковлев. Полностью изменив свои взгляды, Яковлев потребовал тогда применения декрета о земле 1917 года. Одновременно Орджоникидзе в ноябре 1919 года писал Ленину, что принуждать украинского крестьянина вступать в коммуны бессмысленно, поскольку это может привести к катастрофе, и поэтому, добавлял он, надо воспрепятствовать возвращению на Украину многих из руководителей КП(б)У (4).

Если необходимость пойти на “уступку” крестьянину встретила полное согласие, такое же согласие царило по поводу ужесточения методов ликвидации остатков повстанческих сил и их “базы”, которая определялась как “социальная” (т.е. “кулак”), хотя её территориальную природу все осознали прекрасно. Даже Раковский со своей “умеренностью”, умом и рассудительностью, которые он не раз проявлял впоследствии,

боясь повторений 1919 года, говорил о необходимости “держать [украинского “кулака”] в ежовых рукавицах”. А люди типа Ворошилова, Буденного и Евдокимова были готовы исполнить то, о чем просил Троцкий ещё в августе: покончить с мелкобуржуазным океаном, который затопил режим и открыл путь белым, пройдя “каленным утюгом по его спине” (5).

Кроме страха повторения событий 1919 года, на этот раз в пользу франко-британского империализма, эта политика питалась также сильнейшим желанием взять реванш. Оно появилось на почве убеждения, что если бы не угроза Деникина, т.е. сражаясь только с деревнями, можно было одержать победу и в 1919 году. Хотя на VIII конференции РКП(б) некоторые, как, например, Мануильский, признавали, что летом 1919 года советское правительство было сметено именно такими же “советскими” украинскими крестьянами, все-таки это убеждение на первый взгляд не было совсем уж безосновательным. Однако события 1920–1921 годов вскоре показали, что без проведения радикальных изменений политического курса, продолжая упорствовать в столкновении в лоб с деревней, новорожденное большевистское правительство не смогло бы выжить.

Таким образом, в 1920–1921 годах политика большевиков по отношению к Украине пошла по двойному пути. С одной стороны, была сразу же утверждена политика внимательного отношения к украинскому языку и культуре и, после соответствующей селекции, было принято решение принять боротьбистов (и многих руководителей коммунистического Бунда) в украинскую компартию, фактически основанную заново (несмотря на приток украинцев, она оставалась вплоть до украинизации двадцатых годов партией в основном русской: ещё в 1922 году около половины её членов были русские, а более 10% – евреи). Кроме того, уже в феврале вся земля была отдана крестьянам. Это были первые важнейшие шаги по направлению к компромиссу с “эсеровщиной”, завершившейся НЭПом. Но в то время этой эволюции противодействовали меры совершенно противоположного направления.

В отличие от России, где в реквизициях 1920 года, кажется, стала применяться политика коллективной ответственности в деревнях, “раскулаченных” уже в 1918 году (6), на Украине год начался новой, жестокой попыткой “раскулачивания”, т.е. социального, а иногда и физического уничтожения крестьянской элиты. “Раскулачивание” производилось возрожденными *комне-*

замами, как окрестили тогда комбеды 1918 года, отдавая дань политике внимательного отношения к украинскому языку (в обоих случаях речь шла об аббревиатуре, обозначающей комитеты крестьянской бедноты).

Если применение репрессий получило поддержку внутри украинской партии, которая на уже упомянутой IV конференции в марте 1920 года проголосовала за введение военных мер для “усмирения” деревень, то отношение к *комнезамам* было иным. Большинство противников политики милитаризации не приняли предложение о повторном создании в деревне этой организации. Однако решения конференции не были проведены в жизнь. *Комнезамы* все-таки были введены, и, как уже было в России в 1918 году и затем во всем Советском Союзе в 1929–1930 годах (7), на Украине в 1920 году политика разрушения единства крестьянского мира и ослабления его сил, дала в самом начале желаемые результаты.

С одной стороны (особенно после процесса варваризации и обнищания предыдущих лет), часть сельского населения была готова воспользоваться случаем, предоставленным государством, и организовать легальные и защищенные властями погромы против своих соседей, вспомнив вновь старые обиды и сводя старые личные, семейные и социальные счеты. С другой стороны, партия и режим, которые ещё в июне в деревнях могли рассчитывать лишь на 10.000 членов партии, нашли таким образом рычаг для действий внутри деревень, бывших раньше закрытыми для них. Так создавался новый слой, преданный режиму. Согласно переоцененным, но, во всяком случае, многозначительным данным, в конце 1920 года на территории Украины было организовано шесть тысяч *комнезамов* с десятками тысяч членов.

Вместе с тем, как и в России в 1918 году и в Советском Союзе в 1930 году, эта политика быстро дала и негативные для режима плоды. Процесс “раскулачивания”, вызвав сначала распад крестьянского мира и уничтожив его “авангард”, впоследствии укрепил и объединил ряды крестьян в выступлениях против режима. На Украине же 1920 года, в отличие от 1930 года, как и в России в 1918 году, режим не был достаточно сильным, чтобы суметь пройти через этот бурный период. Политика милитаризации, введение *комнезамов* и подавление “бандитизма” вызвали новые ожесточенные столкновения с деревней, которые в 1920 году своей жестокостью намного превосходили

стычки 1919 года: как отмечали в 1930 году руководители украинского ГПУ, обсуждая положение в деревнях, восставших против коллективизации, речь касалась местностей, которые “при подавлении восстания против Соввласти в 1920 году армией БУДЕННОГО (которому было поручено искоренение махновщины – А.Г.) были уничтожены на 50%”. Со своей стороны, Махно и другие партизаны ответили приказом уничтожить всех взятых в плен представителей власти, включая и членов *комнезамов* (8).

Жестокость, с которой проводились репрессии, и вообще жестокость борьбы в 1920 году стали, безусловно, одной из основных причин расстройств сельскохозяйственного производства. Как и в 1919 году, всё усугублялось реквизициями, об успехах которых с гордостью говорилось в конце года на V конференции украинской партии.

И, наконец, последний удар по сельскому хозяйству самых крупных районов страны нанесла засуха, вызвавшая великий голод 1920–1921 годов (9). Эти явления истощили ещё больше энергию украинских деревень, остатки которой проявлялись только в реакции на раскулачивание.

В этом смысле политбандитизм 1920 года можно считать “остатками”, сохранившимися после оттока движения 1918–1919 годов (это станет ещё очевиднее в 1921 году). Естественно, что размер этих “остатков” соответствовал размаху, достигнутому движением ранее и отражал его географию. В частности, сила движения была мощнее на западе (где были теснее связи с национализмом и Петлюрой) и на юге, в районах действий Григорьева и Махно.

Остаточный характер “политического бандитизма” 1920 года подтверждался тем, что его элементы часто смешивались, не соблюдая старых идеологических разделений, а также тем, как постепенно стиралась граница между бандитизмом политическим и уголовным. После поражения, например, Петлюры, некоторые солдаты его разгромленной армии присоединялись к отрядам Махно. Одновременно многочисленные местные отряды быстрыми темпами превращались в уголовные банды, тем более, что этой трансформации сильно содействовала политика тех, которые, как Махно, разрушили тюрьмы и открыли заключенным вход в свои отряды. В таких случаях деревни скорее поддерживали репрессивные акции правительства тем сильнее, чем жестче были эти репрессии.

В начале 1921 года на Украине действовало ещё около ста “банд” общей численностью около 10.000 человек. Это было немало, однако в целом “пожары” крестьянских мятежей вспыхивали уже в других местах, например, в Тамбовской губернии, или в западной Сибири, где действовали целые крестьянские “армии”, включавшие десятки тысяч человек. Для их подавления режим был вынужден прибегнуть, кроме новых и фундаментальных поворотов в политике, к помощи регулярной армии и даже использовать удушающие газы (10).

Несмотря на относительное истощение сил, в конце 1920 году украинские деревни в любом случае оставались враждебными по отношению к новому государству. В свою очередь, само государство было не в состоянии довести до конца “преобразование” деревень, поскольку было вынуждено противостоять оппозиции своей политике, да и четыре года войны на внешнем и внутреннем фронтах истощили его силы.

Зимой 1920–1921 годов рассуждения украинских большевиков, которых два года непрерывной борьбы заставили посмотреть в лицо действительности, ломая иногда ими же построенные идеологические схемы, исходили именно из этой констатации. Косвенно признавая убедительность заключений Чаянова (который, кстати, был вызван обратно в Москву для исполнения ответственных заданий) и анализируя достаточно реалистически, хотя и очень схематично, процессы, ускоренные или вызванные сначала 1914, а затем 1917 годами, КП(б)У признал тогда, что в деревнях имела место уравнительная революция.

В свою очередь, эта революция привела к преобладанию в деревне “мелкого крестьянского хозяйства натурально-потребительского типа”, прототипа, доведенного до крайности, регресса вызванного первой мировой войной во всей центральной и восточной Европе (и не так остро в западной). Эти мелкие производители фактически превратили деревню в “самостоятельное, самоснабжающееся, замыкающееся в себя “государство” феодального типа”, движимое сильнейшей “экономической” враждебностью к “пролетариату” (т.е. к большевистскому государству), против которого оно было готово бороться не только за землю (борьба, которую оно фактически выиграло в 1919 году), но и за “эквивалент своего труда”, т.е. против реквизиций. Таким образом, режим находился под постоянной угрозой массовой “контрреволюции”, выраженной в “упорном

сопротивлении миллионов мелких собственников коммунистическому преобразованию”.

Из сложившейся ситуации могло быть только два выхода: “либо пойти на открытую гражданскую войну с массой крестьянства”, в условиях слабости государства и без поддержки западного пролетариата, на который уже не приходилось больше надеяться; или же пойти на новые “экономические уступки крестьянству”, чтобы укрепить социальную базу режима (11). Как известно, в конце концов было решено вступить на второй путь. Однако, не приходится сомневаться, что многие из руководителей, которые когда-то вели яростную борьбу против украинских крестьян, согласились на этот выбор, как на наименьшее из зол и посчитали его скорее отсрочкой,

В последующие месяцы НЭП и голод, разразившийся летом 1921 года, завершили период большого движения за национальное и социальное освобождение, возникшее в украинских деревнях осенью 1917 года. В некотором смысле речь шла о поражении: в августе 1921 года Махно и немногочисленная группа его сторонников вынуждены были бежать в Румынию, а в стране в конце года действовало лишь несколько десятков маленьких отрядов, да и те находились в процессе ликвидации (12). С другой стороны, хотя бы на короткий срок, восстание завершалось победой, символом которой стали НЭП и “национал-коммунистическая” политика, проводимая впоследствии на Украине.

Но, если 1921–1922 годы по-своему закрыли один этап, нельзя, тем не менее, утверждать, что был завершен период противостояния между государственными многонациональными образованиями на русской основе и украинскими крестьянами, обрисовывающегося уже в начале века, возросшего на почве мировой войны и событий 1917 года и вспыхнувшего с необычайной силой в 1918–1919 годах. Окончательным завершением этого периода станут ещё более драматические события 1929–1933 годов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Adams, *Bolsheviks*: 375 и далее; Пиріг, “Діяльність ЦК”: 41; И.Ф. Курас, глав. ред., *Про минуле заради майбутнього* (Київ, 1989): 226 и далее; Равич-Черкасский, *История*: 132 и далее; Borys, *Russian*: 251; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 1 о некоторых заседаниях ЦК в 1920 г.. *Компартия України в резолюціях*: 44-72 о четвертой конференции, состоявшейся в марте.

2 Heifetz, *Slaughter*: 99-122; Motzkin, *Pogroms*: 9-10; Гольденвейзер, "Из Киевских": 251 и далее; Kenez, *Civil*, т. II: 155, 175; *Гражданская война*, т. III: 113 и далее; Равич-Черкасский, *История*: 143 и далее; Majstrenko, *Borot'bism*: 136-72; A. Procyk, *Russian Nationalism and Ukraine. The Nationality Policy of the Volunteer Army* (Edmonton, 1995).

3 Об этом говорил и Adams в Hunczak, *Ukraine*. Что касается украинского политического национализма, Марк утверждал, что он подавал заметные признаки истощения уже весной 1919 г. (в "Social").

4 Bilinsky в Hunczak, *Ukraine*: 120 и далее; *Известия ЦК РКП(б)*, 8 (1919); Majstrenko, *Borot'bism*: 162 и далее; Раковский, "Ильич": 8-10; Nakai, "Soviet": 46 и далее; Graziosi, "Collectivisation": 460. Однако Орджоникидзе в частных беседах со своими сотрудниками говорил в 1930 году о крестьянах, как "о самых опасных врагах пролетариата... что надо их усмирить до того, как они нас уничтожат" и утверждал, что коллективизация, определяя её как "самую гениальную идею Сталина", самое подходящее оружие для победы над ними (в: К.И. Albrecht, *Le socialisme trahi* (Paris, 1943): 122. Немецкий коммунист, ставший высокопост. чиновником Рабкрина, Альбрехт впоследствии стал нацистом, и его воспоминания, опубликованные во время войны, в некоторых своих частях извращены нацистской пропагандой. Согласно ему же, Скрипник, Петровский и Чубарь, разделяя саму идею коллективизации, относились более критично, чем Орджоникидзе к методам её реализации).

5 Раковский, *Освобождение*: 1; Троцкий, *Сочинения*, т. XVII, ч. 2: 206.

6 Brovkin, *Behind*: 302; Данилов, *Крестьянское восстание*: 52-5.

7 Graziosi, "Collectivisation": 450 о параллели с 1930 г.

8 Там же: 439, 534; Волковинский, *Махно*: 148-94.

9 *Компартия Украины в резолюциях*: 44 и далее, 94-98; Nakai, "Soviet": 43 и далее; *Очерки истории КП(б)У*: 291; R. Serbyn, *The Famine of 1921-23: A Model for 1932-33?*, в R. Serbyn и B. Krawchenko, сост., *Famine in Ukraine, 1932-33* (Edmonton, 1986): 147-78; Pipes, *Russia*: 415 и далее.

10 *Повстанческие движения на Украине. 1921 г., Комплект документов из фондов ЦГАСА* (Москва, 1991), док. 3, 13, 22, 23, 32, 34 (эти документы рисуют картину, схожую с описаниями политэмигрантов. См.: *Повстанческое движение на Украине*, в: Brovkin, *Behind*: 334-35); Волконский, *Махно*: 148 и далее; Sysyn в Hunczak, *Ukraine*: 289 и далее; Данилов, *Крестьянское восстание*; Graziosi, *The Great Soviet Peasant War*; P.П. Эйдеман, *Очаги атаманичины и бандитизма* (Харьков, 1921).

11 *Компартия Украины в резолюциях*: 89 и далее.

12 *Повстанческие движения*, док. 3, 11-14; M. Wehner, "Голод 1921-22 гг.. в Самарской губернии и реакция правительства" в процессе публикации в *Cahiers du monde russe*; Graziosi, *The Great The Soviet Peasant War*.

НЕКОТОРЫЕ ИТоговые ЗАМЕЧАНИЯ

Первая группа замечаний, которые завершают эти страницы, касается размаха крестьянского движения на Украине, его периодизации, пусть и в общих чертах, а также отличий этого движения от своего русского аналога, который тоже был очень сильным и прошел путь, во многом похожий на украинский.

В первую очередь, как нам кажется, можно утверждать, что украинское движение было явлением самостоятельным, со своими программами, в большинстве своем “спонтанными”. Это была настоящая стихия, в которой национальный и социальный элементы переплетались часто самыми различными способами, порождая на основе общей питательной среды иногда очень далекие друг от друга сочетания.

На Украине период этого движения, у которого, естественно, были свои важнейшие исторические прецеденты, составляет, на наш взгляд, около восьмидесяти лет, начиная с реакции на Крымскую войну, и кончая великим голодом тридцатых годов нашего столетия. В границах последнего было несколько переломных этапов: 1902–1907, 1914–1922 и 1929–1933 годы.

О многих отличительных и сходных чертах украинского и русского крестьянского движения во время второго из переломных этапов уже говорилось выше. Мы увидели, например, огромную важность национальной проблемы на Украине и отличие её национал-социализма, как страны угнетенной, с пестрым этническим составом населения, пережившей следующие друг за другом два оккупационных режима, от национал-

социализма, созревшего в России – страны с этнически более компактным населением, великой имперской державы, униженной и поэтому испытывавшей сильное желание реванша. Мы также говорили, что на Украине, где в период с 1918 по 1919 год крестьянское движение пережило три всплеска (против немцев и Скоропадского, против Раковского и Пятакова и, наконец, против Деникина), можно рассматривать 1920 год как момент относительного отлива крестьянского движения, возникшего в 1917 году. Несмотря на то, что в деревнях, ослабленных репрессиями политбандитизма, где шла безжалостная борьба против реквизиций, милитаризации и *комнезамов*, продолжало царить насилие, можно утверждать, что ярость предыдущих лет исчерпала большую часть энергии и людей, которые поддерживали пожары восстаний в деревнях.

Согласно, например, одному из рапортов польского генерального штаба, в мае 1920 года в украинских деревнях наблюдалось “всеобщее желание мира”, и восстания, даже если и продолжали вспыхивать, носили преимущественно оборонительный характер. Если это так, то здесь речь идет о значительном отличии от России, где, напротив, после относительного застоя в период с лета 1919 до весны 1920 года, восстания стали расти именно в мае-июне 1920 года (естественно, что эта разница в развитии в 1920 году была обусловлена также случайными причинами: вспомним об особом “внимании”, которое большевики уделили после урока 1919 года украинским крестьянам и об относительном успехе их политики расслоения в деревнях) (1).

Вторая группа замечаний касается последствий поражения большевиков в 1919 году.

Отметим сначала те из них, которые можно было бы определить как “положительные”, помня, что заключения, к которым пришел Ленин по поводу украинского вопроса в конце 1919 года, с полным основанием можно считать одной из важнейших предпосылок НЭПа в двух его основных аспектах: “компромисса” с деревней и с национальными образованиями. НЭП представлял собой как бы расширенный, имеющий радикальное значение, вариант двух важнейших изменений конца 1919 года в вопросе о земле (тогда был фактически признан черный передел) и уважительного отношения к крестьянской культуре. В марте 1921 года сюда добавились отмена реквизиций, относительная свобода торговли, а также очень противоречивое признание прав нерусских национальностей. С социально-экономической

точки зрения таким образом определилась победа, хотя и длившаяся недолго, эсеровщины, созревшей в 1919 году. Украинские, а также русские, сибирские и казацкие деревни заплатили за эту победу очень дорогой ценой (2). Однако, как заявлял на X съезде РКП(б) Затонский, важнейшей частью новой политики было также установление различия “между необходимостью централизации и примитивным *русоятством*”. Слово это, добавлял Затонский, “не мое, а товарища Ленина, который, к несчастью, употребил его только в конце 1919 года” (3).

В вопросе признания прав национальностей важнейшие рассуждения Ленина об украинском поражении предварили, хотя и косвенно, борьбу вокруг национального вопроса, начатую осенью 1922 года самим же Лениным против Сталина и его людей, составлявших до этого момента, пожалуй, самое сильное и самое активное ядро ленинской группировки. Не случайно, что сталинский проект поглощения всех советских республик российской федеративной республикой был ничем иным, как повторным выдвиганием предложения, отложенного в сторону летом 1919 года (4).

Благодаря также поддержке украинцев (и Раковского, который уже признавал права и культуру Украины) осенью 1922 года Ленину удалось провести закон об образовании Советского Союза, куда все республики, по крайней мере формально, вошли на равных правах и основаниях. Как уже было сказано, таким образом, национал-социализм, как и украинизация двадцатых годов, явились наследниками национально-освободительного движения 1918–1919 годов.

Здесь перед нами переломный момент, который вновь приводит нас к парадигматической ценности украинского опыта тех лет для нашего столетия. Если в 1918–1919 годах Украина, хотя и в беспорядочной форме, предварила большие национально-освободительные движения последующих десятилетий на социальной и крестьянской базе, то в двадцатые годы, говоря словами главы грузинских меньшевиков Ноя Жордания, она стала почвой, на которой произошло первое превращение коммунизма в инструмент для принудительного развития “народов без историй”. Эта попытка повторится затем в десятках новых государств (катастрофа, которой закончились эти попытки, предпринятые часто с благими намерениями, объясняет употребление кавычек в разговоре о “положительных” последствиях украинских событий 1918–1919 годов) (5).

Продолжая рассуждения по этому поводу, вполне правомерно предположить, что поражение на Украине в 1919 году, явившееся в те годы одним из самых важнейших уроков подобного рода, помогло советскому режиму сделать существенные выводы о том, как надо управлять “отсталыми” странами, обращаться с ними и с их освободительными движениями. Как писал Карахан в сентябре 1920 года после падения советского правительства северной Персии, произошедшего по причинам очень похожим на те, которые за год до этого привели к поражению на Украине, было нелегально продолжать действовать прямо, используя иностранные кадры (в данном случае русские, армянские и грузинские), поскольку “хозяйничанье их как в завоеванной стране очень быстро вооружило против нас всё население, ослабило враждебное отношение к англичанам”. Как известно, и в этом случае урок тоже дал свои плоды в последующие десятилетия (6).

Что касается “отрицательных” последствий украинских событий 1918–1919 годов, их значение, а в более широком смысле значение событий на всем “Южном фронте” (включая Дон и Северный Кавказ) для понимания утверждения сталинизма и политики тридцатых годов, уже отмечалось.

Особое внимание, как нам кажется, нужно обратить скорее на прямую преемственность между Украиной 1919–1920 годов и Советским Союзом 1929–1930 годов и начала тридцатых годов вообще. Речь идет о сельскохозяйственной политике и методах её проведения в жизнь: борьбе за хлеб, раскулачивании, коллективизации (несколько по-иному необходимо рассматривать голод 1921–1922 и 1932–1933 годов, хотя они тоже имеют важнейшие точки соприкосновения). Это отмечал и Затонский в введении к своему сборнику, где он в 1932 году собрал документы III Всеукраинского съезда, состоявшегося в марте 1919 года – “Именно теперь, когда завершается сплошная коллективизация деревни, интересно вспомнить, как ставился земельный вопрос тогда. Видим, что теперь осуществляется то, что тогда было мечтой” (7).

Эта преемственность начиналась с механизмов действия и кончалась словарным запасом руководителей, включая в себя многочисленные важнейшие “детали”, такие как география сопротивления и восстаний крестьян. Наглядным примером преемственности механизмов может служить раскулачивание. Что касается словаря, то можно вспомнить, например, что было

сказано о происхождении “теории” обострения классовой борьбы как о неизбежном последствии “построения социализма”, к которому можно добавить множество других примеров. Вспоминается, например, и “злостный укрыватель хлеба” – одна из центральных фигур начала тридцатых годов и виновник, согласно Сталину, всех бед того периода. Шлихтер и Раковский выпустили декрет совнаркома по этому поводу ещё в апреле 1919 года (в русских документах этот персонаж появился в 1918 году). Чтобы лучше представить себе размеры этого феномена, достаточно сопоставить не раз упоминавшиеся статьи Шлихтера о “борьбе за хлеб” на Украине 1919 года с очерками Моше Левина, посвященными этой проблеме в начале тридцатых годов, которые передают нам настроения и методы советских руководителей того периода (8).

Что касается географических ареалов крестьянского сопротивления, стоит вспомнить то, что писал в 1930 году зампреда украинского ГПУ Карлсон, комментируя проводимые в то время попытки коллективизации. По его мнению, все беспокойные округа имели общее “историческое прошлое”, выразившееся в том, что в 1919–1920 годах они были “плацдармами повстанческого движения”. Наблюдения подобного рода были сделаны тогда и различными руководителями местных “органов”, которые заметили преемственность с политбандитизмом. Наблюдения подтверждались повторением тех же наименований в сводках 1919 года и в сводках 1929–1930 годов, а также в отчетах иностранных дипломатов по поводу коллективизации и голода 1932–33 годов на Украине. Так что можно проследить историю некоторых деревень в каждый из вышеназванных переломных моментов.

Заметна также, несмотря на некоторые вариации, преемственность программ крестьянских восстаний, суждений о коллективизации, как о новой кабале, защиты свободы торговли и крестьянских, или ставшими таковыми (как церковь) институтов (9). Не менее впечатляющими являются следы этой преемственности, которые можно обнаружить не только в политике, но и в психологической реакции большевистских руководителей. Она основывалась на страхах, на ненависти, возникшей вследствие поражения, на культе силы, как единственном способе “разрешения” крестьянских проблем. В частности, для многих бывших руководителей украинской компартии 1929 год стал годом реванша. По этому поводу интересно привести диалог

между Бухариным и Ворошиловым на пленуме в июле 1928 года, на котором была сыграна последняя партия между “правыми” и сталинистами. Бухарин тогда сказал своим товарищам: “Представьте себе, что у вас есть пролетарская власть в мелкобуржуазной стране, но что она насильно вгоняет мужика в коммуну”. Ворошилов перебил его словами “Как в 18-м и 19-м году, скажи”, на что Бухарин ответил, что “тогда вы получите восстание мужика” (10). Как понял сам Бухарин и сообщил в те же дни Каменеву, новым, по сравнению с 1920–1921 годами было то, что Сталин и его окружение надеялись с относительной легкостью подавить это восстание и навязать крестьянам свои порядки (11).

Несмотря на разоружение деревень, проведенное в течение предыдущих лет и параллельное укрепление советского государства, вскоре сталинистам стало ясно, что они недооценили размах и осложнения авантюры, в которую ввязались. Первые месяцы 1930 года, мартовское отступление и, главным образом, тот факт, что для окончательного подавления крестьян, а особенно украинских, режиму нужен – ещё больше, чем в 1921–1922 годах – новый большой голод, стали наглядным тому примером. В феврале-марте 1930 года вновь пробудились и приобрели большое значение воспоминания и страхи 1919 года. В частности, казалось, что партийные руководители действуют, переживая снова всё то, что случилось десять лет назад и проводя через эту призму, искажая тем самым реальных ход вещей, все, что случалось (12).

Эти наблюдения, касающиеся психологии новой элиты, могут служить хорошим введением к третьей группе замечаний, касающихся стремительной эволюции партии, психологии и идеологии её руководства (13). Как известно, последствием “гражданской войны” было, среди прочего, формирование внутри партии централизованного и милитаризованного руководящего ядра, состоящего из нескольких десятков тысяч кадров. Это ядро, которое уже в марте 1919 года Свердлов (список не ограничивается только им) хотел сделать “монолитным”, в свою очередь возглавлялось узкой центральной группой из приблизительно сотни человек. В этой группе Троцкий вместе с несколькими своими сторонниками был фактически в изоляции уже в 1919–1920 годах.

Вышеназванные две группы, которые были уже замешаны в ужасных кровавых преступлениях (а также связаны ими),

в короткий период НЭПа, когда нововступившие в партию лишь “затопили” их, сохраняли свой состав более или менее неизменным. В частности, центральная группа с составом, уменьшенным лишь вследствие смерти некоторых из её членов, а также в результате окончательного исключения Троцкого и Раковского (все остальные троцкисты, после перерыва 1927–1928 годов, вновь заняли свои посты по крайней мере до 1932–33 годов) продолжала руководить партией вплоть до середины тридцатых.

Как показывают протоколы, Политбюро продолжало оставаться, правда, во всё ухудшающихся условиях, представительным органом по крайней мере до 1934 года. И поэтому как решения, принятые до 1932–1933 годов, когда единство этой группы уже дало трещину, так и ответственность, были коллективными, а не только Сталина и его личного окружения (14). Если зададимся вопросом о том, в чем заключались, накануне НЭПа, принципы и идеология этой партии внутри партии, или, выражаясь другими словами, что они считали дозволенным и до какой степени простиралась эта дозволенность, то можно ответить, что в дозволенное, кроме жесточайших репрессий, входило и уничтожение крестьян, кочевников и рабочих.

Конечно и в этом случае можно найти прецеденты в русском дореволюционном марксизме и, особенно, в большевизме, которые в отличие от других неопопулистских движений никогда не исходили из мифа о “хорошем крестьянине” и “хорошем рабочем” и никогда не считали, что социализм можно построить, сражаясь только против класса эксплуататоров. Но и в этом случае, на наш взгляд, период между 1918 и 1922 годами образует окончательный водораздел. Большевистское руководство сделало из событий этого периода вывод, что подавляющее большинство субъектов нового государства, как крестьяне, так и рабочие, т.е. “народ”, являются настоящими их врагами.

Кроме того, не замечая собственной примитивности и насилия, руководители считали, что эти враги много раз проявляли свою “звериную” сущность, неспособность понять проводимые изменения, а также готовность слепо и яростно противостоять этим изменениям. Например, согласно Ворошилову, в 1919 году крестьяне и рабочие на Украине были “такие темные и неграмотные”, что могли совершить любое зверство и были абсолютно неспособны понять собственные интересы (15). Выражения подобного рода постоянно встречались в процитиро-

ванных выше сводках, составленных летом 1919 года для правительства и ЦК Украины.

Подобной сущности, заключали они, можно было противостать (и это было другим важнейшим “уроком”, извлеченным из событий тех лет), выражаясь словами, встреченными на предыдущих страницах, только с помощью плетки, “железной рукавицы” или “каленого утюга”. Безжалостность этих заявлений объясняется ещё и тем, что на окраинах бывшей империи, где противодействие “чужим” было намного ожесточеннее, вышеупомянутые “уроки” преподавались с большей жесткостью, и их результаты, – неважно, настоящие или предполагаемые, – казалось, были более очевидны. И поэтому большевики, которые действовали там, приобрели относительно большую “свободу” действий и совести в акциях против населения (16).

Укрепление подобных убеждений способствовало ускорению и углублению общего процесса кризиса и потери веры в возможность каких-либо демократических действий, “краху демократии”, как это определял Рафес. Если народ был таким, то отказ от демократии не был временным, обусловленным чрезвычайными обстоятельствами. Во всяком случае, убеждение, что народ был таким “темным”, стало предпосылкой для растягивания на неопределенный срок этой “временности”, которое послужило оправданием применения самых крайних принудительных мер *также* по отношению и к тем слоям населения, которых официальная идеология формально приветствовала.

Такова была эволюция многих большевиков, которые сначала способствовали пробуждению “зверя”, а затем пытались его усмирить способами не менее “зверскими”. Но не только они. Горький придерживался подобного мнения ещё до 1918 года, когда обвинял большевиков в том, что они стали во главе “зверя” и встал на сторону большевиков, когда они показали “железный кулак” ему. После 1919–1920 годов и левые меньшевики, такие как Мартов, уже примирились с мыслью, что широкие массы, пусть и по вине политики большевиков, настолько сдвинулись “вправо”, что ими уже невозможно ни управлять, ни прислушиваться к ним. И, перед лицом появления правительств “погромщиков” на Украине и в Польше, по характеру “реакционных”, но поддерживаемых большинством населения, еврейские социал-демократы левого течения также прошли подобную эволюцию, ускоренную невозможностью договориться с религиозным и сионистским большинством собственных общин (17).

Как уже говорилось, именно большевики, которые на Южном фронте (и ещё в большей степени в Средней Азии) были в непосредственном контакте со “зверем”, претерпели наиболее быструю эволюцию. В некотором смысле, они превратились тогда в настоящих реакционеров, если можно назвать так людей, в голове которых прочно укоренились ненависть и недоверие к населению, восхищение сильной личностью и его жестокими методами и склонность к насилию. В 1920 году даже такой человек, как председатель Всеукраинского ЦИК Г.И. Петровский, известный своей “умеренностью” в других вопросах и ставший впоследствии яростным антисталинистом, признавался Александру Беркману, что “для него коммунизм был просто сильным правительством и установкой следовать воле этого правительства” (18).

Здесь мы находимся у истоков великой, но заведомо скрытой “правды” руководящих структур режима и настолько же большого обмана, которым этот режим прикрывался. Первое заключалось в точке зрения, распространенной среди руководства, что новое государство было каким угодно, но только не “народным” (19), – напротив, держалось против воли населения. Второе, которое было обратной стороной первого, заключалось во всё растущей общественной претензии нового руководства быть в действительности самым народным из всех режимов и систем. Эта претензия стала необходимой из-за прошлого и исходных идеологий руководителей. Кроме того, это противоречие помогает понять парадоксальную историю системы конспирации, разработанной для борьбы с самодержавием, но достигшей вместе со своим аппаратом чрезмерных размеров, когда превратилось, сохраняя то же название, в один из инструментов управления населением (20).

В измененном восприятии большевиками понятия “народ”, включая и городской пролетариат (у которого Ленин в 1920–1921 годах отнял право называть себя так), заключается одна из важнейших причин постепенного превращения большевизма в жесткую идеологию с особым типом модернизации, который на сегодняшний день не имеет будущего, и который на окраинах бывшей российской империи принял формы, отличные от принятых в центре (здесь уместно вспомнить то, что было сказано по поводу “национал-социализма” и его вариантов).

Другая группа рассуждений, завершающих этот очерк, вытекает из масштабов насилия и зверств, совершенных на Украи-

не. Ввиду подхода, принятого в данной работе, в центре этих рассуждений находятся большевистские руководители, но с таким же успехом можно было рассматривать в рамках данного вопроса крестьян, партизан, националистов или белых. В первую очередь, можно утверждать, что в самом же масштабе заключено объяснение такой острой необходимости в прикрытии и в вытеснении из сознания некоторых моментов, которые могли бы препятствовать возникновению в среде большевиков мифа, согласно которому гражданская война и террор были навязаны большевикам.

Однако, большевики настаивали на необходимости как того, так и другого ещё до 1917 года, когда идея “превращения империалистической войны в гражданскую” стала их знаменем. В частности, впечатляет то, что в 1919 году этот миф защищали, даже убежденно, те, кто, буквально через несколько секунд говорили о необходимости введения гражданской войны в деревню способами, о которых мы уже знаем (21).

Вторая проблема, касающаяся насилия, представляет, с точки зрения исторической, больший интерес. Речь идет об уже отмеченной “особой” роли Южного фронта (Украина, Дон, Северный Кавказ) в гражданской войне, ставшей почвой для возникновения сталинизма с его жестокостью. Эту роль почти сразу же заметил Троцкий, рассматривая ее, однако, только в связи с формированием сталинской дружины Ворошилова и его людей. Нам кажется, что здесь надо расширить тему Южного Фронта, включив сюда и то, что там было сделано и по подстрекательству Троцкого. Не поняв и не приняв это в расчет, невозможно объяснить тридцатые годы и сталинизм. Конечно, только социально-экономические факторы не могут стать единственным объяснением.

В таком разрезе элементы типа роли “школы”, созданной внутри ЧК Евдокимовым на волне насилия и, в особенности, пыток, применяемых во второй половине 30-х годов для укрощения многих большевистских руководителей, которые сами возглавляли насилие во время гражданской войны (22), напоминает нам то, о чем предупреждал Раковского весной 1919 года Короленко. Напомним, что тогда старый писатель говорил, что пролитая кровь превратится в кровавые тучи, и дождь из них прольется на самих большевиков. Конечно, он не представлял, каким образом это произойдет (т.е. внутри самого режима, поражая “лучших” руководителей, но отнюдь не вследствие про-

буждения народного гнева, который цинично использовал Сталин в операциях по “чисткам”) (23).

Третья проблема носит ещё более общий характер, и мы ограничимся только её постановкой, поскольку не в состоянии её разрешить (24). Где находятся корни той необычайной агрессивности, насилия и решимости при их исполнении, которую проявили большевики? И, если верно то, что подобные агрессивные “элиты” Европа начала столетия производила на свет не раз, то в чем они отличаются и в чем сходятся? Или ещё лучше, какие феномены – материальные, культурные и психические – послужили пищей для них? И как разница между ними и между историческими почвами, на которых они выросли и развивались, вызвала результаты, во многих смыслах такие разные?

Четвертый вопрос вытекает из сказанного о погромах – народных и нет, и о подавлениях восстаний на Украине. Вопрос непосредственно затрагивает общий характер нашего века, о котором можно сделать некоторые наблюдения, вытекающие из исключительных насильственных действий. В Европе XX век был отмечен жесточайшими войнами, состоящих из конфликтов не менее жестоких. Кто стал жертвой или даже только свидетелем одного из них, часто проносил воспоминания через всю свою жизнь, если только время не поразило их с обратной стороны с той же жестокостью (примеров предостаточно: достаточно вспомнить об украинцах Галиции, ставших коммунистами в борьбе против польского угнетения и потом узнавших о голоде в 1932–1933 годах или подвергнутых “советизации” 1940–1941 годов, или о немецких коммунистах, переданных Гестапо в 1939–1940 годах). Это помогает нам понять необычайную силу логики *“встать на сторону”*, которая господствовала в последние десятилетия. А насилие, частота и обратное направление ударов, которые нанесло время своим жителям помогает нам понять, почему многие из них, вышедшие часто из одной и той же среды и набравшие схожий во многом жизненный опыт, смогли пройти эволюцию, идущую иногда по различным направлениям.

Один из боротьбистов, который эмигрировал, чтобы не сотрудничать с большевиками, сумел разобраться в сути происходящего и написал об этом в письме своему старому другу, который остался на Украине для реализации мечты двадцатых годов о национал-коммунизме: “Ты не можешь говорить обо мне, как о своей противоположности... И история тебя оправдает.

Она запечатлела наши жизни так: К., учитель начальных классов, из крестьян, украинский социалист-революционер, в дальнейшем коммунист, украинский большевик; Н., учитель начальных классов, из крестьян, украинский социалист-революционер. Оба сражались за победу эксплуатируемых, за свое правительство, за “советскую систему”, за Украину, за свободный мир... Почему один стал “янычаром”, а другой нашел убежище у “освободителей”?... Могло бы случиться и обратное. *Чего только не сделала история с нами?*” (курсив мой, – А.Г.) (25)

Оглядываясь через семьдесят лет назад и просматривая то, что было написано про историю нашего века, возникает ощущение, что, как и жизнь боротьбистов, написанное находилось под влиянием трагических событий периода с 1912 по 1956 год. Даже труды лучших историков часто зависели от того, в какой степени их затронули волны насилия этого века, который они не любили и в котором они жили не по своему выбору. На сегодняшний день есть надежда, что наступил момент, когда можно написать, хотя бы сделать попытку, историю XX века, не обусловленную влиянием этих событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Mark, “Social”: 113 и далее; Majstrenko, *Borot'bism*: 163; Кубанин, “К истории”: 117; Wehner, “Голод 1921-22 гг.”

2 Об анализе соответствия между НЭПом и социально-экономической программой крестьянства в России см.: С.А. Есиков и Л.Г. Протасов, “Антоновский НЭП,” *Отечественная история*, 4 (1993): 61-72.

3 Majstrenko, *Borot'bism*: 163; *Первый съезд КП(б)У*: 14-15.

4 “Из истории образования СССР”: 191-217; Graziosi, “At the roots”: 102, 124 и далее; Рудницький, *Історичні*, т. 2: 437-48.

5 В. Krawchenko, *Social Change*: 111; Mace, *Communism*: 40 и далее; Subtelny, *Ukraine*: 380-402.

6 РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 208, л. 1. Но, во всяком случае в первый момент, украинский урок о возможности использования в мировом масштабе в борьбе против “империалистического капитализма” движений за национальное и социальное освобождение на крестьянской базе “отсталых” стран, был забыт. Под влиянием таких руководителей, как Чичерин, и на основе печального опыта использования национальных кадров (самым известным стал случай Султан-Галиева), в двадцатых годах появилась тенденция подчеркивать скорее роль, которую могли сыграть в этой борьбе “национальные буржуазии”, как, например, турецкая или индийская, на стороне которых, согласно Чичерину, должен был выступать СССР. Как известно, основным испытанием двух линий (третья – если включим и “пролетарскую”, которой придерживалась левая оппозиция) стали тогда события в Китае. См., например, письмо

Чичерина Сталину от 22 ноября 1921 г. в РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 2, д. 315, лл. 252-55, которое будет опубликовано вместе с письмами Гопнера и Карахана. Мне удалось ознакомиться с ними до публикации, благодаря А. Квашонкину.

7 III Всеукраїнський з'їзд Рад: VII.

8 Шлихтер, "Борьба": 133-35; Супруненко, *Очерки*: 208 и далее; Узаконения: 561; M. Lewin, "Taking Grain": *Soviet Policies of Agricultural Procurements Before the War* (1974), в настоящее время в *The Making of the Soviet System* (New York, 1985): 142-77.

9 Graziosi, "Collectivisation": 439, 456-57; Там же (под редакцией), *Lettere da Kharkov. La carestia in Ucraina e nel Caucaso del Nord nei rapporti dei diplomatici italiani* (Torino, 1991) 129-34; Там же, *The Great Soviet Peasant War*; С.Ф. Красильников, О.М. Мамкин, "Восстание в Парбигской комендатуре", *Исторический архив*, 3 (1994): 128-38; Werth и Moullec, *Rapports secrets*: 357.

10 М. Кун, *Бухарин, его друзья и враги* (Москва, 1992): 234 и далее.

11 Ю. Фельштинский, "Конфиденциальные беседы Бухарина", *Вопросы истории*, 2-3 (1991): 182-203.

12 Wehner, "Голод 1921-22 гг"; Graziosi, *The Great Peasant War*. Paul Bushkovitch привел меня к мыслям о значении этого психического последствия.

13 Об изменениях в группе большевистских руководителей, вызванных гражданской войной, среди прочих см. статьи Sheila Fitzpatrick и Moshe Lewin в *The Legacy of the Civil War* в D.P. Koenker, W.G. Rosenberg и R.G. Suny, *Party, State and Society in the Russian Civil War* (Bloomington, 1989): 385-423.

14 О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, *Сталинское Политбюро в 30-е годы* (Москва, 1995).

15 *Вестник Наркомвнутдел УССР*, 5 (Киев, 1 мая 1919).

16 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 6, д. 369, лл. 147 и далее.

17 M.D. Steinberg, ed., M. Gorky, *Untimely Thoughts* (New Haven, 1995); A. Graziosi, "Stalin's Antiworker Workerism," *International Review of Social History*, 2 (1995): 223-59; Там же, *The Great Soviet Peasant War*.

18 Рафес, *Два*: 134 и далее; A. Berkman, *The Bolshevik Myth, 1920-22* (London, 1925): 174.

19 Хотя это не значит, что во многих смыслах, включая происхождение и культуру большинства его руководителей, это государство не было продуктом "народа", с которым руководители вступили в борьбу. Но это является характерной чертой всех действительно новых систем с новообразованной "элитой". Советская специфика заключалась в силе противопоставления этой "элиты" миру, из которого она вышла и с которым её объединяла культура и практический опыт. Надо добавить, что в течение короткой передышки периода НЭПа, главным образом в рядах руководителей, сформировавших т.н. "правое крыло", всплыло на поверхность первоначальное идеологическое достояние, филонародное по характеру, хотя Бухарин и не переставал повторять, что даже рабочий класс был, как он писал Горькому в 1925 г., "темен еще, и некультурен" (в: А.М. Горький, "Переписка", *Источник*, 1 (1994): 6-20).

20 Graziosi, *The Great Soviet Peasant War*. Некоторые из его правил отмечены в книге: Хлевнюк и др., *Сталинское Политбюро*: 73-82.

21 Шлихтер, "Борьба": 103 и далее.

22 О северокавказской школе ОГПУ см.: М.А. Тушнис, "Еще раз о

кадрах чекистов 30-х годов”, *Вопросы истории*, 6 (1993): 190-91; Graziosi, “Collectivisation”: 443 и *The Great Soviet Peasant War*.

23 Хотя эти чистки часто были направлены на самых способных руководителей, речь шла всегда о тех, кто нес ответственность за зверства, совершенные по отношению к населению в течение предыдущих лет. Этим объясняется использование кавычек для определения “лучшие”, и , главным образом, народное одобрение, вызванное иногда наказанием, которое обрушилось на них.

24 Частично попытки разрешения были сделаны в статье “G.L. Piatakov” автора очерка.

25 Majstrenko, *Borot'bism*: 209-12. В отсутствие оригинала перевод, к сожалению, сделан с английского.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аверин В.К., 86
Адамс, 145
Ангель, 96; 140
Антонов-Овсенко В.А., 14; 41;
55; 56; 74; 85; 91; 95; 96; 99;
102; 103; 104; 111; 112; 113;
124; 125; 126; 140; 141; 142;
143; 145; 152; 153; 154; 155;
156; 166; 168; 169; 189
Аракчеев, 32; 151
Артём, 86; 102; 103; 118; 125;
140

Б

Балицкий В., 136; 154
Бармин А., 88; 89
Батрак, 140; 148
Бела Кун, 71; 76; 83; 121; 130;
150; 152
Беркман, 186
Болбочан, 96
Бош Е., 18; 19; 24; 26; 49; 56; 57;
74; 75; 90; 125
Брукс Д., 30
Бубнов А., 63; 70; 73; 76; 78; 79;
81; 82; 84; 85; 86; 100; 123;
128; 135; 141; 145; 151; 169
Буденный С.М., 51; 102; 112;
116; 172
Булгаков М.А., 106; 123
Бунин И.А., 30

Бухарин Н.И., 19; 152; 183; 190

В

Вацетис И.И., 86; 87; 96; 154
Винниченко В.К., 15; 22; 26; 43;
55; 83; 87; 91; 96; 98; 104; 117;
125; 146; 155
Волох, 41; 138
Ворошилов К.Е., 18; 19; 50; 51;
62; 86; 102; 103; 104; 105; 112;
113; 114; 116; 120; 122; 141;
142; 150; 152; 154; 169; 172;
183; 184; 187

Г

Гамарник Я.Б., 26; 77
Герцен А.И., 151
Гопнер Д.Ю., 114; 190
Гренер В., 64
Григорьев М., 89; 90; 96; 99;
104; 121; 136; 138; 142; 143;
144; 145; 146; 154; 160; 165;
174
Грушевский М.С., 20
Гутник С.М., 60

Д

Данилов В.П., 14; 28; 34; 74; 75;
125; 155; 177
Деникин А.И., 21; 23; 26; 46; 89;
106; 112; 115; 127; 143; 145;

147; 165; 169; 170; 171; 172;
179

Дзержинский Ф.Э., 48; 114
Дорошенко Д., 26; 32; 35; 44; 56
Драгоманов М., 17; 24; 46
Дробнис Я.Н., 120
Дыбенко П.Е., 119

Е

Евдокимов Е.Г., 152; 172; 187

Ж

Жордания Н., 180
Журавский Я.Б., 40

З

Затонский В.П., 20; 23; 25; 26;
55; 57; 70; 79; 80; 84; 85; 86;
89; 91; 120; 169; 180; 181
Зеленый, 66; 88; 96; 140; 160

И

Иоффе А.А., 84; 143; 151

К

Каменев Л.Б., 83; 118; 143; 183
Карлсон, 182
Кацюра, 140
Квиринг Е.И., 20; 63; 86; 87;
110; 120
Керенский А.Ф., 44
Колегаев А.Л., 128; 151
Короленко В.Г., 115; 125; 155;
187
Косиор И.В., 77; 120; 145
Коцюбинский Ю.М., 86
Краснов П.Н., 85
Кубанин М., 34; 35; 62; 74; 134;
155; 166; 189

Л

Лацис (Ян Судрабс), 47; 57; 113;
114; 115; 143; 146; 150
Лебедь Д.З., 44
Левин И.И., 34; 182
Ленин В.И., 8; 19; 24; 25; 32; 33;
35; 40; 41; 43; 44; 47; 48; 50;
55; 60; 68; 70; 76; 77; 79; 80;
84; 88; 90; 91; 100; 101; 102;
103; 104; 105; 107; 109; 112;
114; 115; 116; 118; 120; 121;
123; 125; 127; 130; 132; 142;
145; 152; 159; 167; 171; 179;
180; 186
Людендорф, 60

М

Мазуренко Ю., 97; 146
Майоров М., 25; 26; 55; 56; 57;
74; 88; 91
Майстренко, 62
Мануильский, 158; 172
Марголин А.Д., 32
Мартов Ю., 185
Мартос Б., 52; 129; 130
Махно Н.И., 14; 21; 25; 30; 31;
35; 51; 52; 58; 63; 65; 70; 73;
75; 89; 90; 91; 96; 121; 124;
136; 137; 143; 144; 145; 147;
151; 153; 154; 160; 161; 163;
164; 167; 168; 170; 174; 176;
177
Межлаук В.И., 20; 90; 102; 103;
109; 119
Мещеряков В.Н., 120; 126; 128;
129; 130; 134; 143
Милюков П.Н., 56; 66; 82
Минин, 51
Мороз Г., 116
Муравьев М.А., 40; 41; 45; 46;
53

О

Орджоникидзе С., 41; 43; 48;
102; 103; 104; 113; 171; 177
Осинский В.В., 116

П

Петлора С., 22; 57; 66; 85; 87;
88; 90; 95; 96; 98; 104; 115;
136; 137; 138; 147; 168; 170;
174
Петренко, 51
Петровский Г.И., 177; 186
Примаков В., 32; 35; 41; 49; 55;
56; 58; 74; 82; 124
Пятаков Г.Л., 10; 11; 13; 16; 18;
19; 20; 23; 25; 30; 35; 40; 42;
49; 55; 56; 57; 58; 63; 66; 67;
69; 70; 73; 74; 75; 76; 77; 78;
79; 80; 81; 82; 84; 85; 86; 87;
88; 89; 90; 91; 95; 98; 99; 100;
101; 102; 103; 104; 105; 107;
114; 117; 118; 120; 121; 122;
123; 126; 129; 137; 140; 141;
145; 147; 152; 154; 155; 169;
179
Пятаков Л.Л., 40; 53

Р

Равич-Черкасский М., 25; 56;
57; 90; 91; 125; 136; 153; 154;
176; 177
Радек К., 43; 77
Раевский М., 63
Раковский Х.Г., 47; 66; 100; 101;
103; 104; 105; 107; 108; 110;
114; 115; 118; 119; 120; 122;
123; 124; 125; 127; 128; 134;
135; 137; 139; 140; 142; 143;
145; 146; 148; 150; 151; 152;
153; 154; 155; 161; 162; 170;
171; 177; 179; 180; 182; 184;
187

Рафес М., 21; 22; 24; 26; 32; 35;
36; 41; 42; 46; 47; 56; 57; 74;
75; 89; 91; 104; 117; 125; 154;
168; 185; 190

Реннер К., 46
Решетников, 30
Рухимович М.Л., 20; 102; 103

С

Салтыков-Щедрин М.Е., 151
Свердлов Я.М., 20; 25; 70; 84;
91; 120; 125; 183
Сергеев Ф.А., 19
Скоропадский П.П., 22; 49; 52;
53; 59; 60; 62; 63; 64; 68; 77;
81; 82; 85; 89; 95; 131; 132;
170; 179
Скрыпник Н., 20; 49; 77; 79; 90;
126
Соколовский, 96; 140
Сталин И.В., 40; 51; 71; 79; 80;
84; 86; 90; 91; 102; 107; 112;
120; 125; 126; 135; 140; 145;
149; 154; 169; 177; 180; 182;
183; 184; 188; 190
Столыпин П.А., 29; 31; 134
Струк, 140

Т

Татаренко, 96
Терпило, 66
Ткаченко, 96
Троцкий Л.Д., 8; 17; 51; 87; 89;
90; 102; 103; 104; 111; 112;
113; 116; 119; 120; 124; 143;
144; 145; 147; 148; 150; 151;
154; 167; 172; 177; 183; 184;
187

У

Успенский Н., 30

Ф

Форгач И., 64
Френкин М., 57; 125; 133; 134
Фрунзе М.В., 152

Х

Харченко, 120
Хейфетц Э., 116
Хмельницкий, 114; 120
Христюк П., 22; 25; 26; 42; 56;
57; 58; 91; 98; 101; 104; 125;
126; 153; 154

Ч

Чехов А.П., 30

Ш

Шахрай В.А., 41; 101

Шварц И.И., 20; 57; 84; 90
Шевченко Т.Г., 55; 82; 99
Шлихтер А.Г., 48; 107; 108; 109;
110; 124; 126; 133; 134; 135;
146; 152; 153; 154; 155; 166;
169; 182; 190
Шторгин, 138
Шульгин В.В., 20; 25; 170

Щ

Щаденко Е.А., 142; 154

Я

Яковлев И.А., 20; 44; 48; 54; 81;
83; 123; 130; 132; 171

ГРАЦИОЗИ АНДРЕА

БОЛЬШЕВИКИ И КРЕСТЬЯНЕ НА УКРАИНЕ, 1918–1919 ГОДЫ
Очерк о большевизмах, национал-социализмах
и крестьянских движениях

Ответственный за выпуск – А.И. Ушаков
Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

*В оформлении использована иллюстрация обложки книги Дж. Рида
“10 дней, которые потрясли мир”
(худ. С.В. Чехонин, Москва, 1923)*

ЛР № 030620 от 11.11.1994
Подписано в печать с оригинал-макета 05.05.1997
Формат 60×80 1/16. Бумага офс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Усл. кр.-отг. 12,87 Тираж 1000 экз.

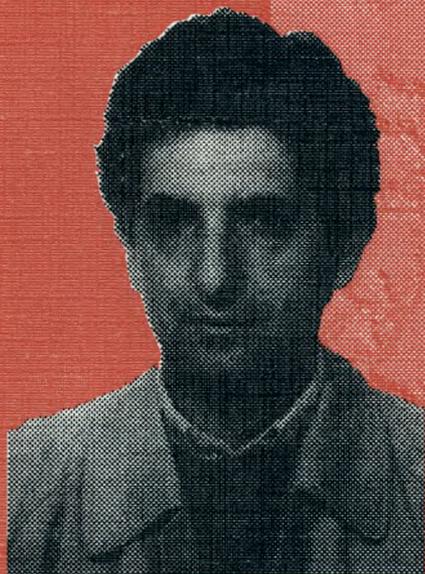
«АИРО – ХХ»
119034, Москва, ул. Остоженка, 7-69

Андреа Грациози старший исследователь Университета Неаполя (в настоящее время профессор Иельского университета), специалист по советскому периоду российской и украинской истории. Автор книг

"Lettere da Kharkov" (Torino, 1991), "Industria e stato in Unione Sovietica" (Napoli, 1993), "Collectivisation, révoltes paysannes et politiques gouvernementales à travers les rapports du GPU d'Ukraine de fevriermars 1930" Cahiers du monde russe, 3 (Paris, 1994), "The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917-1933" (Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1996).

В течение семи лет профессор Грациози является председателем

постоянного международного семинара по истории Российской империи и СССР. С 1994 года координатор серии "Документы советской истории", издаваемой совместно с МГУ им. М.В. Ломоносова. В рамках серии уже вышли известные сборники "Сталинское Политбюро в 30-е годы" (М., 1995) и "Большевистское руководство. Переписка 1914-1927 гг." (М., 1996).

ISBN 5-88735-037-7